

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 20, part 3

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2024

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 20, часть 3

Главный редактор Е. В. Головкин

2024

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2024. — Т. 20. Ч. 3. — 252 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2024. — Vol. 20. Pt. 3. — 252 p.

Ответственные за выпуск от редколлегии:

*М. Д. Воейкова, Е. В. Головки, Н. М. Заика, А. К. Касаткина,
М. Л. Кислищев, А. Ю. Русаков, А. Ю. Урманчиева*

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana.
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737203

© ИЛИ РАН, 2024
© Составление. Редколлегия
журнала, 2024

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбурун (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. Ф. А. Елоева (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); к. ист. н. А. К. Касаткина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург); к. филол. н. М. Л. Кисилиер (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошкарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); д. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); к. филол. н. М. С. Морозова (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (РГГУ, Москва); д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Рушаков (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. И. Солопов (МГУ); д. филол. н., проф. А. Н. Соколов (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); д. филол. н. А. Ю. Урманчиева, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); PhD, Prof. A. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Московский государственный лингвистический университет, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Fatima A. Eloeva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Moscow State Linguistic University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Aleksandra K. Kasatkina (HSE University, St. Petersburg); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maxim L. Kisilier (St. Petersburg State University); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maria S. Morozova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Andrey N. Sobolev (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Alexei I. Solopov (Moscow State University); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

<i>S. A. Koval</i> Associated Motion in Old Assyrian	11
<i>Д. В. Кузьмин</i> Клички коров с суффиксом <i>-kki</i> как источник реконструкции средневековых карельских личных имен ...	32
<i>М. Д. Лопатин</i> Наименования саранчи в аккадском и древнееврейском языках	66
<i>М. М. Лоренц</i> Вопросительные местоимения ‘кто?’ и ‘что?’ в диалектах группы Минь	98
<i>Н. А. Муравьев, Н. О. Гордеев, М. С. Кукушкина</i> Семантика и морфосинтаксис глагольно-каритивных конструкций в типологической перспективе	119
<i>А. М. Певнов</i> Этимология шести формально совпадающих тунгусо-маньчжурских праязыковых корней	167
<i>Т. В. Топорова</i> Др.-исл. <i>Múspellz-heimr</i> , <i>Mú-spell</i> , д.-в.-н. <i>mūspilli</i> , др.-сакс. <i>mūtspellī</i> : сравнительный анализ	184
<i>Sarra Saadna</i> Politeness and In-Directness in Algerian and Russian Classroom Requests	209

Д. М. Колядов

Рецензия на книгу: Mari Wiklund. Speech and Interaction
of Preadolescents with Autism Spectrum Disorder:
Focus on Prosody, Disfluencies and Comprehension Problems.
Singapore: Springer, 2023 233

Этика научных публикаций 243

Publication Ethics 247

Contents

<i>Sergey A. Koval</i> Associated Motion in Old Assyrian	11
<i>Denis V. Kuzmin</i> Cow names with the suffix <i>-kki</i> as a source of reconstruction of medieval Karelian personal names	32
<i>Matvei D. Lopatin</i> Akkadian and Biblical Hebrew locust names	66
<i>Marina M. Lorentz</i> Interrogative pronouns ‘who?’ and ‘what?’ in the Min dialects . . .	98
<i>Nikita A. Muravyev, Nikita O. Gordeev, Maria S. Kukushkina</i> Semantics and morphosyntax of verbal caritive constructions in typological perspective	119
<i>Aleksandr M. Pevnov</i> Etymology of six phonetically identical roots in the reconstructed (Manchu-)Tungusic	167
<i>Tatyana V. Toporova</i> Old-Icel. <i>Múspellz-heimr</i> , <i>Mú-spell</i> , O.-H.-G. <i>mūspilli</i> , O.-Sax. <i>mūtsPELLi</i> : Comparative historical analysis	184
<i>Sarra Saadna</i> Politeness and In-Directness in Algerian and Russian Classroom Requests	209
<i>Dmitriy M. Kolyadov</i> Book review: Mari Wiklund. Speech and Interaction of Preadolescents with Autism Spectrum Disorder: Focus	

on Prosody, Disfluencies and Comprehension Problems. Singapore: Springer, 2023	233
Publication Ethics (in Russian)	243
Publication Ethics	247

Associated Motion in Old Assyrian

Sergey A. Koval

Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
isimudfni@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1190-7049

Abstract. The Old Assyrian language belongs to the East Semitic, a language group extinct since approximately 400 BCE. The Old Assyrian texts used in this study were authored by Assyrian merchants between 1890 and 1860 BCE in Northern Mesopotamia and Central Anatolia. Despite the obvious limitations of working with an extinct language, i.e., the lack of the informants, the Old Assyrian corpus offers some advantages for a scholar. Unlike texts from the other East Semitic corpora, 99% of the Old Assyrian texts (22 300 units according to the last estimate) were excavated in the same place, the Old Assyrian Kaneš (modern Kültepe). Old Assyrian is not only the second best attested East Semitic language, but its corpus is also the most homogenous among all other known corpora of extinct languages. Its extensive corpus that reflects day-to-day vernacular provides good material for a linguistic study. Old Assyrian, as well as most other East Semitic varieties, had a ventive deictic marker which was regularly hosted on motion verbs. This marker could also occur with some non-motion verbs relating translocational motion to non-motion verb events, that is, denoting associated motion. I analyzed the forms of verbs compatible with the associated motion marker and gathered statistical data. I treated these verbs individually and traced the evolution of the associated motion marker from the initial lexicalization to its concluding stages. In the case of genuine motion verbs, ventive, originally used to indicate motion toward the author (speaker), evolved to refer to motion directed toward other speech act participants, whereby the associated motion marker underwent gradual semantic bleaching. The proposed paper is the first corpus-based description of an associated motion marker in Semitic languages.

Keywords: motion verbs; cislocative markers; associated motion; Old Assyrian; Akkadian.

Сопутствующее движение в староассирийском языке

С. А. Коваль

Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия); isimudfni@gmail.com;
ORCID: 0000-0003-1190-7049

Аннотация. Староассирийский язык принадлежит к восточносемитской группе языков, исчезнувшей ок. 400 г. до н. э. Тексты, проанализированные для этой статьи, были написаны в XIX в. до н. э. Староассирийский корпус не только занимает второе место по величине среди восточносемитских, но и является самым гомогенным среди известных корпусов мертвых языков. В староассирийском языке был вентив — дейктический показатель, который употреблялся при глаголах движения. Этот показатель также встречался на некоторых глаголах, не имеющих семантики движения; в таких случаях он придавал глаголу значение перемещения, т. е. обозначал сопутствующее движение.

Ключевые слова: глаголы перемещения; циклокативные показатели; сопутствующее движение; староассирийский; аккадский.

1. Introduction to the Old Assyrian language

This contribution deals with the ventive as an Associated Motion marker in Old Assyrian (OA), an East Semitic variety. East Semitic is a subgroup of closely related and amply attested ancient Semitic languages, traditionally labeled under an umbrella term “Akkadian”¹.

¹ Genealogically, Semitic languages are divided into two branches: West and East Semitic. For reasons related to the history of Semitology, East Semitic languages are often referred to as “Akkadian” and are further subdivided into “dialects”, which are nonetheless languages in their own right.

The texts of the Old Assyrian corpus, created in Northern Mesopotamia and Central Anatolia, comprise over 300 000 words². The texts date back to between 1890 and 1860 BCE and include correspondence, legal records, contracts, and private notes (memos). Unlike the consonantal alphabets of certain written West Semitic languages, Akkadian writing also indicates vowels, which opens a way for a more nuanced understanding of OA morphology.

While quoting OA words and texts, I follow the transcription rules developed in N. Kouwenberg's reference work *A Grammar of Old Assyrian* [Kouwenberg 2017].

OA is believed to possess 20 consonants. In the table that follows I provide a comparative chart of the traditional way to transcribe OA consonants and their IPA correspondences.

Table 1. OA consonants

Stops and Affricates	Voiceless	Voiced	Pharyngealized
Bilabial	<i>p/p</i>	<i>b/b</i>	
Alveolar	<i>t/t</i>	<i>d/d</i>	<i>ṭ/t^ᶜ</i>
Post-Alveolar			
Palatal			
Velar	<i>k/k</i>	<i>g/g</i>	<i>q/q</i>
Uvular			
Glottal	<i>ʔ/ʔ</i>		

Fricatives	Voiceless	Voiced	Pharyngealized
Bilabial	<i>p/p</i>	<i>b/b</i>	
Alveolar	<i>s/s</i>	<i>z/z</i>	<i>š/s^ᶜ</i>
Post-Alveolar	<i>š/f</i>		
Palatal			
Velar			
Uvular	<i>ħ/χ</i>		
Glottal			

² The electronic corpus of Old Assyrian (<https://oare.byu.edu/>, last accessed on 24.11.2024) comprises some 8000 texts.

Sonorants	Nasal	Lateral	Apical	Approximant
Bilabial	<i>m/m</i>			<i>w/w</i>
Alveolar	<i>n/n</i>	<i>l/l</i>	<i>r/r</i>	
Post-Alveolar				
Palatal				<i>y/j</i>
Velar				
Uvular				
Glottal				

OA has eight vowels.

— Short: *a/a*, *e/e*, *i/i*, *u/u*

— Long: *ā/a:*, *ē/e:*, *ī/i:*, *ū/u:*

The symbols *â*, *ê*, *î*, *û* are used in grammatical descriptions of Akkadian to represent long vowels that result from contractions of two vowels.

In the interlinearized text, unlike in the running transcription, I present context-free shapes of grammatical forms and affixes, in particular those of the ventive itself. The ventive is marked by the final *-m* which always gets assimilated to the subsequent consonant, if any in the same phonetic word. The broad transcription will help the reader identify the ventive within the respective verb forms.

2. Associated motion and some statistics

A linguistic category introduced in 1984, “associated motion” (AM), is an umbrella term for markers relating translocational motion to non-motion verb events [Guillaume, Koch 2021: 3]. This category is attested mostly in African, Australian and South American languages; see [Guillaume, Koch 2021] for extensive description and further references. The present study shows that the East Semitic ventive, a cislocative marker on motion verbs, can be also used as an AM marker. In the terminology

of A. Belkadi, the Old Assyrian ventive is a D-AM marker, i.e. a marker that combines a deictic directional (D) meaning when hosted on motion verbs and an AM meaning when hosted on non-motion verbs [Belkadi 2015: 51].

On the Old Assyrian language and its ventive on genuine motion verbs, see [Koval, Loesov 2024].

Before dealing with the AM marker, it is necessary to introduce the East Semitic ventive. Ventive is a directional marker suffixed on finite forms of motion verbs. Ventive has three allomorphs appearing in complementary distribution. Thus, 2nd and 3rd person plural verb forms with the inflectional suffixes *-ū* and *-ā* take the ventive *-nem*: *illikū-nem* ‘they came hither,’ while 2SG.F verb forms with the inflectional suffix *-ī* take *-m*: *tallikī-m* ‘you (SG.F) came hither.’ The rest of the finite verb forms that have no inflectional suffixes host the ventive *-am*. The original meaning of the ventive is cislocative ‘hither’. In cases of author-oriented motion, this marker is mandatory. See (1) for a directional cislocative ventive hosted on a basic motion verb *alākum* ‘come’:

(1) *Abu-šalim lillikam.*

Abu-šalim l-i-llik-am

Abu-šalim VOL-3SG.M-come.PRT-VN

‘Abu-šalim **must come** hither (i.e. to where I am)’ [AKT 6A, 109: 18].

The key feature of the ventive is its capability for deictic shifts, whereby the deictic center shifts from the author to the addressee of the message or to non-speech-act participants (= non-SAPs). See an addressee-oriented example in (2):

(2) *Allakamma ēnēka ammar.*

a-llak-am-ma ēn-ē-ka a-mmar

1SG-come.FUT-VN-and eye.C-OBL-2SG.M 1SG-see.FUT

‘**I will come** to where you are and see you (lit. “your eyes”)’

[CCT 4, 43a: 50].

Addressee-oriented ventives are compulsory, while non-SAP-oriented ventives are very few and defy clear explanation: “the use of the non-SAP ventive is called for by fine pragmatic considerations difficult to grasp

in the absence of informants, notwithstanding a rather robust number of tokens” [Koval, Loesov 2024]. As a rule, non-SAP-oriented movement is not highlighted by the ventive morpheme. See a non-SAP-oriented example of a caused motion verb in (3):

- (3) *Ana Aššur-ṭāb ništāpram. Tirtušu litūramma ašar šaknu nušebbal-akkuššu.*

ana Aššur-ṭāb ni-štāpr-am tirtu-šu
to Aššur-ṭāb 1PL-write.PRF-VN message.C-3SG.M

l-i-tūr-am-ma ašar šakn-u
VOL-3SG.M-return.PRT-VN-and where place.SC-SBJV

nu-šebbal-am-kum-šu
1PL-send.FUT-VN-DAT.2SG.M-3SG.M

‘We sent a message to Aššur-ṭāb. As soon as his answer comes back to me about where it (a missing document mentioned above in the letter) is, we shall send it (the document) to you’

[AKT 8, 83: 10–13].

As the AM ventive is a secondary development of the directional ventive, they are identical in form: *-am/-m/-nem*. In glossing, directional ventives are indicated here as VN and AM ventives as AM (Associated Motion marker).

Three types of AM motion — prior, concurrent and subsequent motion — are found across world languages. Prior motion occurs before the main action, concurrent motion happens simultaneously with it, while subsequent motion takes place afterwards. In Old Assyrian, the AM ventive can only denote **subsequent** motion.

There are two types of AM constructions in Old Assyrian: independent and echo. In independent constructions, the motion component is added to a non-motion verb by means of an AM marker (4):

- (4) *Šumma šannātem tašamānem, šubātē kalašunu u šannātem ana Il-wēdāku piqdāma ḥarrān Durḥumit lisridam.*

šumma šann-āt-em ta-šam-ā-nem šubāt-ē
if cauldron-PL-OBL 2-buy.PRT-PL-DAT.1SG textile-OBL

kala-šunu u šann-āt-em ana Ilī-wēdāku piqd-ā-ma
all-3PL and kettle-PL-OBL to Ilī-wēdāku entrust.IMP-PL-and

ḥarrān Durḥumit l-i-srid-am
 way.C Durḥumit VOL-3SG.M-load.up.PRT-AM

‘If you purchased cauldrons for me, hand over all the textiles and the cauldrons to Ilī-wēdāku so **he loads** (them) **up (and comes)** (to where I am) on his way to Durḥumit’ [VS 26, 18: 6–12].

The predicate of the verb phrase *ḥarrān Durḥumit lisridam* ‘may he load (them) up hither on his way to Durḥumit’ is a non-motion verb *sarādum* ‘pack, load cargo’, i.e., ‘load donkeys with merchandise’. The AM ventive on *sarādum* introduces the motion event thus denoting subsequent motion: ‘may he load (them) up and then come here’³.

Echo AM constructions are defined as follows: “AM combines with multi-verb constructions expressing motion or other contextually-established motion events, suggest that AM might function more like agreement or reinforcement, instead of independently predicating fact-of-motion itself” [Ross 2021: 68].

In Old Assyrian, echo constructions are introduced by means of chaining constructions consisting of verb phrases that are connected by the post-verbal consecutive conjunction *-ma* ‘and then’ (5).

(5) *Qāti aššitika šabtamma atalkam.*

qāti aššit-ī-ka šabt-am-ma atalk-am
 hand.C wife.C-GEN-2SG.M grab.IMP-VN-and depart.IMP-VN

‘**Grasp** your wife’s hand (to where I am) and **depart** (to where I am)!’ [BIN 6, 52: 15].

In example (5), the non-motion verb *šabātum* ‘take, grasp’ anticipatorily takes the ventive that reappears on the head verb of the chaining construction *atalk-am* ‘depart (to where I am)’.

³ Note that the verb phrase *taš’amā-nem* ‘buy for me’ includes the first person singular dative pronoun ‘for/to me’. It is formally identical to the ventive, to which it is related etymologically [Koval, Loesov 2024]. In the rest of the contribution, AM ventives / directional ventives are distinguished from the first person singular dative pronouns by means of the interlinear glossing.

In this paper, echo AM examples will not be discussed further; see [Koval, Loesov 2024] for more detail. However, as echo AM is important for my argumentation, I will address them again in Conclusions.

Table 2 demonstrates the distribution of independent +AM tokens vs. –AM tokens in the corpus, i.e., the number of cases like *isridam* ‘he loaded up (and came)’ vs. *isrid* ‘he loaded up’.

Table 2. The AM ventive in OA

	+AM ventive	–AM ventive
<i>ezābum</i> ‘to leave behind’	9	58
<i>saḥārum</i> ‘to tarry, delay’	1	17
<i>sarādum</i> ‘to pack, to load the cargo’	24	6
<i>šalāhum</i> ‘to salvage’	6	6
<i>utaḥḥurum</i> ‘to tarry, delay’	3	—

3. The case of advanced lexicalization

The verb *sarādum* ‘load, pack’ employs the AM ventive most consistently. In Table 3, I subdivided 30 +VEN and –VEN instances into additional categories depending on the location they point to and their motion / non-motion usage.

Table 3. Data on *sarādum*

	+AM ventive	–AM ventive
author’s location at coding time	16	—
addressee’s location at coding time	3	—
non-speech act participant location	2	2
non-motion usage	3	4

Regular author-oriented ventives make a half of the total sample thus requiring no further commentary. See example (4) above.

Example (6) highlights an important feature distinguishing some AM ventives from regular cases:

- (6) *Emārē uššerâmma warî?aka isarridûnem. Adi 10 ûmē uzakkâmma uššiam ... kaspam ubbalakkum.*

emār-ē u-ššer-âm-ma warî?a-ka
donkey-OBL 1SG-release.FUT-VN-and bronze.C-2SG.M

i-sarrid-û-nem adi 10 ûm-ē u-zakk-âm-ma
3-pack.FUT-PL.M-AM in ten day-OBL 1SG-get.ready.FUT-VN-and

u-šši-am kasp-am u-bbal-am-kum
1SG-leave.FUT-VN silver-ACC 1SG-leave.FUT-VN-DAT.2SG.M

‘I have released the donkeys and **they** (this form is an impersonal plural) **will load** your copper (i.e. to where you are). I will get ready to go in 10 days and I will depart (i.e. to where you are) on my way to you. ... I will bring to you the silver’ [POAT 30: 20–29].

The form *issarridûnem* demonstrates that the general context of movement alone can cause the use of the AM ventive. In (6), this form does not imply that the people loading the donkeys are going to move towards the addressee, it is the author who is planning to do so. Thus, example (6) shows that the likely reason for the AM ventive developing in Old Assyrian is its connection to regular ventives hosted on genuine motion verbs. The fact that the ventive morpheme could have been induced even under the influence of verbs governed by different subjects as in (6) is particularly remarkable. See a similar example in (7) where the ventive indicates the direction to the author’s whereabouts:

- (7) *Ina ûmem ša ina Ḫaḫḫem tasarridanni nāgirka ṭurdamma ištēnma ina Ḫaqa lā tasahḫur!*

ina ûm-em ša ina Ḫaḫḫ-em ta-sarrid-an-ni
on day-GEN REL in Ḫaḫḫum-GEN 2SG.M-pack.FUT-AM-SBJV

nāgir-ka ṭurd-am-ma ištēn-ma ina Ḫaqa
messenger.C-2SG.M send.IMP-VN-and one-TOP in Ḫaqa

lā ta-sahḫur
NEG 2SG.M-delay.FUT

‘On the day **you load the cargo** (i.e. to where I am) in Ḫaḫḫum (in order to come to me), send your messenger (i.e. to where

I am). Do not delay in Ḥaqa a single (day)!’ [AKT 11A, 101: 11–16].

Here, *tasarridanni* retains its original meaning ‘load cargo’. Rather than the act of translocational movement itself, it describes the preparation for it. Moreover, it is followed by a caused motion verb form *turdam* ‘send hither’. These two ventives, despite their adjacency, do not constitute a single motion event. However, *tasarridanni* seems to introduce *tasahḥur*: after the addressee has loaded the cargo, he is expected to go northward, to the town of Ḥaqa; on the relative positions of Ḥaḥḥum and Ḥaqa, see [Barjamovic 2011: 104].

(6) also shows that verbs hosting an AM marker might have a spatial argument introduced via a prepositional construction.

For future reference, the term **induced ventive** will be used here for markers like those hosted on *issaridūnem* in (6) and on *tasarridanni* in (7).

Now compare examples (8) and (9) describing movement directed toward non-speech-act participant (=non-SAP) locations:

- (8) *Šumma ... ina tīrti ubartem ša Ušḥania sarādam qabiātunu sirdāma ḥarrākkunu atalkā.*

šumma ina tīrti ubart-em ša Ušḥania sarād-am
if in letter.C station-GEN REL Ušḥania pack.INF-ACC
qabi-ātunu sird-ā-ma ḥarrān-kunu atalk-ā
tell.SC-2PL.M pack.IMP-PL-and way.C-2PL.M depart.IMP-PL

‘If you ... have been ordered in the letter from the Ušḥania station to load the cargo, then **load the cargo** and depart on your trip’

[CTMMA 1, 80: 5–10].

The absence of the ventive on *atalkā* ‘depart!’ is expected, since non-SAP ventives on genuine motion verbs are observed only in exceptional cases. The form *sirdā* ‘load the cargo!’, clearly connected to *atalkā* by means of the postpositive conjunction *-ma*, follows the motion verb.

- (9) *Inūmi tuḫpīni ina Ālem tašamme?āni ina puḥrīkunu ana Zalpa sirdānem. Kīma ana Zalpa tērubāni...*

inūmi tupp-ī-ni ina Āl-em ta-šamme?-ā-ni
 when letter.C-GEN-1P in City-GEN 2-hear.FUT-PL-SBJV

ina puḥr-ī-kunu ana Zalpa sird-ā-nem
 in assembly.C-GEN-2PL.M to Zalpa pack.IMP-PL-AM

kīma ana Zalpa tē-rub-ā-ni
 when to Zalpa 2-enter.PRT-PL-SBJV

‘When you hear our letter in the City, **load the cargo** to Zalpa all together. As soon as **you enter** Zalpa...’ [ArAn 6: 19–25].

Example (9) differs from (6). Although both *sirdānem* and *tērubāni*⁴ are directed toward Zalpa, a non-SAP location, the first verb form is in the imperative, while the second is in the indicative, i.e. their syntactical bond is weaker because these verb forms do not correspond in mood.

As stated above, there is no need to explain the absence of the ventive when the movement is directed toward a non-SAP location, so *tērubāni* requires no further comment. At the same time, the ventive hosted on *sirdānem* that points to the same non-SAP location does require an explanation. A way to interpret this *-nem* morpheme is to assume that it represents a fully lexicalized AM ventive devoid of deictic force. This example will be further addressed in Conclusions.

To complete the survey of *sarādum*, we have to treat the examples where this verb does not have motion semantics and is not accompanied with a motion verb (10).

(10) *Umma Erišumma*, “*Igrē ša 4 emārē ša tasridu kaspam dinam!*”

Umma Dādiyama, “*Amma emārē sirid!*”

umma Erišum-ma igr-ē ša 4 emār-ē ša
 QT Erišum-QT wage-OBL REL four donkey-OBL REL

ta-srid-u kasp-am din-am umma
 2SG.M-pack.PRT-SBJV silver-ACC give.IMP-DAT.1SG.M QT

Dādiya-ma amma emār-ē sirid
 Dādiya-TOP there donkey-OBL pack.IMP

⁴ To avoid confusion, it is important to distinguish between the ventive morpheme *-nem* and the subjunctive morpheme *-ni* which are unrelated, although they may look similar.

‘Erišum said: “Give me the wages in silver for the 4 donkeys that **you loaded the cargo!**” Dādiya answered: “There, **load the cargo on the donkeys (yourself!)**” [AKT 6D, 854: 3–9].

[Veenhof 2017: 120] remarks about the donkeys: “They have been packed, but it is not clear whether they have actually been sent off with their loads”. The absence of the ventive here should be explained by the dissociation from the motion event. Cf. another non-motion –VEN example (11), with a different nuance of meaning:

- (11) *Ištu wadi isarriduni adi 6 šanāt ište Puzur-Anna uššab.*
ištu wadi i-sarrid-uni adi 6 šanāt
 since already 3SG.M-pack.FUT-SBJV for six year.PABS
ište Puzur-Anna u-ššab
 with Puzur-Anna 3SG.M-sit.FUT

‘From the moment **he starts working** as a donkey driver, he will remain in Puzur-Anna’s service for 6 years’ [AAA 1, 14a: 7–11].

The absence of the ventive on non-motion forms of *sarādum* is expected. These examples, however, are contrasted to +VEN forms (12).

- (12) *Šumma ana Ālem lā ikšudamma ištēa lā isridam.*
šumma ana Āl-em lā i-kšud-am-ma
 if to city-GEN NEG 3SG.M-arrive.PRT-VN-and
ištē-a lā i-srid-am
 with-1SG NEG 3SG.M-pack.PRT-AM

‘If he does not arrive (i.e. to where I am) into the City and **does not load the cargo** together with me’ [AKT 8, 67: 6–8].

The AM ventive hosted on *isridam* might be induced by the directional ventive on *ikšudam* ‘(if) he arrives’ and thus could be interpreted as an echo construction.

In (13), no further movement is indicated. Though the form *nisridam* in (13) resembles the forms *tasridu* and *sirid* in example (10), it hosts the ventive morpheme. This difference indicates that the lexicalization process of the AM ventive is incomplete: under the same circumstances, the non-motion forms of *sarādum* might or might not host the ventive morpheme, cf. (13).

- (13) *Ammākam kārām muḥurma merā Lataarak qurub lu nisridamma ina Zalpa lu nuqaʔʔišu.*

ammākam kār-am muḥur-ma merā Lataarak
 there trade.factory-A appeal.IMP-and son.C Lataarak

qurub lu ni-srid-am-ma ina Zalpa lu
 approach.IMP VOL 1PL-pack.PRT-AM-and in Zalpa VOL

nu-qaʔʔi-šu

1P-wait.PRT-3SG.M

‘There, apply to the trade factory and approach Lataarak’s son. **We shall load the cargo** (and go there) and wait for him in Zalpa’ [AKT 9a, 10: 15–20].

As in (8), no further movement is indicated in (13), which attests to the more advanced stage of lexicalization: the component ‘and go’ is introduced by the AM marker without a motion verb in the context.

This analysis may be summed up as follows. The AM ventive can be used on *sarādum* in a variety of contexts, both deictic and non-deictic; it can occur in both the presence of an overtly expressed motion verb in the context and in its absence. Deictic AM ventives hosted on *sarādum* in the presence of a motion verb in the context are closer to directional ventives and non-deictic AM ventives hosted in the absence of an overtly expressed motion verb in the context attest to further lexicalization process of the AM ventive.

4. A case of the first stage of lexicalization

A case opposite to *sarādum* ‘pack, load cargo’ is *sahārum* ‘delay’. Out of the 18 examples of its use attested, only one form does host the ventive morpheme, while 17 do not. See an illustrative –VEN case of the author-oriented movement:

- (14) *Ammākam lā tsaḥḥur tibʔamma atalkam.*

ammākam lā ta-saḥḥur tibʔ-am-ma

there NEG 2SG.M-delay.FUT get.up.IMP-VN-and

atalk-am

depart.IMP-VN

‘Don’t delay there, get up and depart (i.e. to where I am)’

[KTH 4: 11–13].

Despite the close semantic association with the motion verb form *atalkam* ‘depart hither!’ and the fact that the moods do correspond,⁵ *tasahhur* does not host the induced ventive morpheme as opposed to *sarādum* in (7) and (8). The contrast is highlighted by the connecting ventive morpheme hosted on *tibʔamma* ‘get up and then’: the non-motion verb *tabāʔum* ‘get up’ regularly acquires inchoative meaning as the first constituent of a phasal verb construction whose second link is a genuine verb of translocation, in this case, *atalkam*. We might expect that *sahārum* would join the phasal verb construction **lā tasahhuramma tibʔamma atalkam*, but *sahārum* resists its influence. See (15) with non-SAP oriented movement:

- (15) *Ammala tirtika ana Waḥšušana attallak. Hurāšam alaqqeammatallakam, ūmakkal lā asahhur.*

<i>ammala</i>	<i>tirt-ī-ka</i>	<i>ana</i>	<i>Waḥšušana</i>
---------------	------------------	------------	------------------

following	letter.C-GEN-2SG.M	to	Waḥšušana
-----------	--------------------	----	-----------

<i>a-ttallak</i>	<i>a-laqqe-am-ma</i>	<i>a-ttallak-am</i>
------------------	----------------------	---------------------

1SG-depart.FUT	1SG-take.FUT-VN-and	1SG-depart.FUT-VN
----------------	---------------------	-------------------

<i>ūmakkal</i>	<i>lā</i>	<i>a-sahhur</i>
----------------	-----------	-----------------

a.day	NEG	1SG-delay.FUT
-------	-----	---------------

‘In accordance with your letter, I will go Waḥšušana. I will take the gold and depart (to where you are); **I will not delay** a day’

[AKT 9a, 26: 9–15].

In (15), *sahārum* does not host the induced ventive despite the anaphoric ventive indicating the future location of the author on *attallak-am*. For a detailed description and more examples of the anaphoric ventive referring to the future location of the author, see [Koval, Loesov 2024]. The motion is expressed in the pre-text, just as with *sarādum* in example (7),

⁵ The prohibitive *lā tasahhur* and the imperative *atalkam*.

but the AM ventive is absent because of its incompatibility with *saḥārum*. This fact highlights that a motion event in the context does not trigger the AM ventive automatically. Moreover, the incompatibility is highlighted by the fact that the order the events are introduced in has nothing to do with their actual time ordering: irrespective of whether the delay takes place before or after the motion event, the motion verb *atlukum* precedes *saḥārum*.

In short, the author states his intention to go to Waḥšušana twice using the same verb form, and the second ventive is anaphoric: *attallakam* ‘I will depart THERE’. Since *saḥārum* is introduced as a part of the same motion event, we might expect it to host the ventive as well: **attallakam ūmakkal lā asaḥḥuram* ‘I will depart THERE; I will not delay a day THERE’. However, as confirmed by the previous example, the verb *saḥārum* is hardly compatible with AM ventive evens in ventive-inducing syntactic environments.

The only instance available of +VEN *saḥārum* indicates movement towards the author and reads as in (16):

- (16) 2 *ūmē lā taṣaḥḥuram. Saḥrātī napraṣ u maškē šapātēa lā tēzibam.*
 2 *ūm-ē lā ta-saḥḥur-am saḥr-āt-ī napraṣ*
 two day-OBL NEG 2SG.M-delay.FUT-VN wares.C-PL-1SG chisel.ABS
u mask-ē šap-āt-ē-a lā tē-zib-am
 and fleecce-OBL wool.C-PL-OBL-1SG NEG 2SG.M-leave.PRT-DAT.1S

‘Do not **delay** (i.e. to where I am) by two days. You did not leave me my small goods, a chisel and my woolen fleeces’ [AKT 6c, 585: 15–18].

In this text, there is no genuine motion verb that could induce the ventive on *taṣaḥḥuram*. However, it is hardly a coincidence that in this single example the ventive is used in its basic function as in examples (7) and (8). We might assume that originally the ventive must have been induced by adjacent genuine motion verbs; example (13) represents the second stage of lexicalization, since the AM ventive is used independently. The lack of examples where *saḥārum* represents the induced ventive is probably due to chance.

The ratio between +VEN and –VEN examples allows us to conclude that the AM ventive on *saḥārum* underwent only the initial stages of the lexicalization process.

5. Intermediate cases

In contrast to *saḥārūm* stands a less frequent verb with a similar meaning: *utaḥḥurūm* ‘delay’. It is unattested without the ventive morpheme (17):

- (17) *Šumma lā tutahḥiram anākuma akannakma aššēr aḥātīka ušeb-balšu.*

šumma lā tu-tahḥir-am anāku-ma a-kannak-ma
if NEG 2SG.M-delay.FUT-AM 1SG-TOP 1SG-seal.FUT-and

aššēr aḥāt-ī-ka u-šebbal-šu
to sister.C-GEN-2SG.M 1SG-send.FUT-3SG.M

‘If you **are not delayed** (i.e. to where I am), I will seal (the silver) and send it to your sister’ [TC 3, 16: 18–22].

The verb *ezābum* requires the AM ventive whenever the context implies a motion event, see (18):

- (18) *Suḡam ina panīka nanši?am. Šumma tezzibašši libbī ilamminakkum.*

suḡ-am ina panī-ka nanši?-am šumma
hammer.stone-A in.person-2SG.M bring.IMP-VN if

te-zzib-aš-ši libb-ī i-lammin-akkum
2SG.M-leave.FUT-AM-3SG.F heart.C-1SG 3SG.M-be.angry.FUT-DAT.2SG.M

‘Bring here a hammer stone personally. **If you leave it behind** (and come here), I will be angry at you (lit. “my heart will be angry at you”)’ [TC 3, 98: 19–22].

A motion event is absent from the majority of contexts. In these cases, the AM ventive is not hosted:

- (19) *Mimma tēzibu paḥḥirāma ana ḥuršem ištēn šēribāma kīma iāti kunkā.*

mimma tē-zib-u paḥḥir-ā-ma
everything 2SG.M-leave.PRT-SBJV collect.IMP-PL-and

ana ḥurš-em ištēn šērib-ā-ma
to storeroom-GEN one bring.IMP-PL-and

kīma iāti *kunk-ā*
 my.representative seal.IMP-PL

‘Collect everything **she left** and bring it into one single storeroom and seal it in my name’ [AKT 8, 260: 8–12].

The same principle holds for the verb *šalāḥum* ‘retrieve’. See (20) with a motion event implied:

- (20) *Ana warīṭika ninaṭṭidma warīṭaka nišallaḥam ana warīṭika libbaka lā iparrid.*

ana warīṭ-ī-ka *ni-naṭṭid-ma* *warīṭa-ka*
 to copper.C-GEN-2SG.M 1PL-take.care.FUT-and copper.C-2SG.M

ni-šallaḥ-am *ana warīṭ-ī-ka* *libba-ka*
 1PL-retrieve.FUT-AM to copper.C-GEN-2SG.M heart.C-2SG.M

lā i-parrid
 NEG 3SG.M-take.care.FUT

‘We shall take care of your copper and **retrieve** your copper (and come to you). Do not worry about your copper’

[AKT6d, 796: 14–16].

Also see (21) without a motion event:

- (21) *Inūmi tattalku lā tīde kīma ḥarranātum u ekallū dannūni. Adi šubātē ašluḥu 7 warḥē ina libbi mātem ašḥur.*

inūmi ta-ttalk-u *lā tī-de* *kīma*
 when 2SG.M-depart.PRF-SBJV NEG 2SG.M-know.FUT REL

ḥarran-āt-um u ekall-ū *dann-ū-ni* *adi*
 road.PL-NOM and palace-NOM.PL be.hard.SC-M.PL until

šubāt-ē a-šluḥ-u 7 *warḥ-ē*
 textile-OBL 1SG-retrieve.PRT-SBJV seven month-OBL

ina libbi māt-em a-šḥur
 in inner.part.C country-GEN 1SG-stay.PRT

‘When you departed, did you not know that the roads and the palaces were causing difficulties? Until **I had retrieved** the textiles, I stayed seven months in the inner part of the country’

[AKT 8, 190: 26–27].

6. Conclusions

My analysis of the OA corpus allows to conclude that the AM ventive in OA denotes only subsequent motion:

- *ezābum* ‘leave behind (and go)’
- *saḥārum* ‘tarry, delay (and go)’
- *sarādum* ‘pack (and go), load the cargo (and go)’
- *šalāḥum* ‘retrieve (and go)’
- *utahḥurum* ‘tarry, delay (and go)’

This fact does not fit well with the commonly accepted AM motion hierarchy: prior > concurrent > subsequent: “we should find no languages with Concurrent AM that do not also have Prior, and no languages with Subsequent that do not have Prior and Concurrent. Furthermore, there are implications for diachronic development, such that languages would develop first Prior, then Concurrent, and finally Subsequent AM morphology” [Ross 2021: 46]⁶. Overall, subsequent motion is the least frequent AM type in the world languages [Ross 2021: 48]. Most likely, the absence of prior and concurrent motion in OA is a data distortion due to the limited corpus.

In [Belkadi 2016: 64] the following verb classes are proposed: “Path Motion > Motion translocational > Causative motion > Perception > (Natural phenomena and bodily secretions?) > Activities not involving translational motion > States. It follows from this that satellites triggering AM readings with verbs on the left side of the scale are more likely to be ‘real’ markers of motion and belong to the category of AM, while those triggering directional readings with verbs from the lower part of the scale are more likely to be path expressions. ... the distinction between AM markers and path expressions is more gradual (and probably dynamic) than clear cut”.

The Old Assyrian data does not allow assumptions about the verbs of perception and “natural phenomena and bodily secretions”; activities

⁶ For example, see [Guillaume 2016: 83] for South American data that supports this hierarchy.

not involving translational motion are the only group that assumes the AM ventive. States hosting the AM ventive are not attested in Old Assyrian.

Echo AM usage is more universal. A much wider range of verbs may take the echo AM marker.

Echo AM must have been the source for independent AM constructions. The verbs that were frequently introduced into echo constructions due to their contextual connection to motion started to assume the AM marker independently: initially, there were only examples like (12), but already in the pre-OA period, independent usage of the AM ventive on some verbs was developed.

The independent AM ventive underwent different stages of lexicalization on different verbs. Despite the scarcity of the evidence, we may trace the lexicalization process. In example (13), the only instance of *sahārum* ‘delay’ with the AM ventive, the marker points to the whereabouts of the author, i.e., the ventive abides by its primary function. I argue that *sahārum* represents the first stage of lexicalization of the AM ventive, that is, an explicit indication of the first-person deixis.

On the contrary, *sarādum* ‘pack, load the cargo’ employs the fully lexicalized and thus bleached AM ventive. At the concluding stage of the process, the AM ventive loses its deictic function and gets integrated into the paradigm. It is worthy of note that no genuine motion verbs in OA follow this strategy, since the semantics of motion is inherent to them: as a result, the ventive holds to its deictic function at all times. While on motion verbs the ventive develops in the direction of deictic shifts (author-oriented > addressee-oriented > non-SAP-oriented), the AM ventive on non-motion verbs transforms into a general marker of movement.

The verbs *ezābum* ‘leave behind’ and *šalāhum* ‘retrieve’ represent an intermediate stage of lexicalization. They host the AM ventive whenever a movement event is implied and do not host it elsewhere.

Finally, *utaḥḥurum* ‘delay’ is a difficult case. It does not provide enough evidence for reliable analysis. It employs the AM ventive at all times, but the cases in question represent only movement towards the author and thus there are no contrasting cases to consider. I am unable to say whether *utaḥḥurum* follows the pattern of *sarādum* or that of *ezābum*. At any rate, it stands in stark contrast to its more frequent counterpart *sahārum*

which, as a rule, does not host the ventive. If it is not due to lack of examples, we may assume that even verbs with similar meanings like *saḥārum* and *utahḥurum* might have adopted the AM ventive to varying degrees.

Abbreviations

ACC — accusative case; AM — associated motion marker; ABS — absolute state; C — construct state; DAT — dative pronoun; F — feminine; FUT — future; GEN — genitive case; IMP — imperative; INF — infinitive; M — masculine; NOM — nominative case; NEG — negative; OBL — oblique case (plural only); PL — plural; PRF — perfect; PRT — preterite; REL — relative; SG — singular; SBJV — subjunctive; SC — suffixed conjugation; TOP — topicalization; QT — quotation marker; VN — ventive; VOL — volative.

Bibliographical abbreviations

AAA — *Annals of Archaeology and Anthropology*; AKT — *Ankara Kültepe Tabletleri* (Ankara); ArAn — *Archivum Anatolicum* (Ankara); BIN — *Babylonian Inscriptions in the Collection of JB. Nies* (New Haven); CCT — *Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum* (London); CTMMA — *Corpus of Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art* (New York); KTH — *Lewy 1930*; POAT — *Gwaltney 1983*; TC — *Lewy 1935*; VS — *Vorderasiatische Schriftdenkmäler der staatlichen Museen zu Berlin* (Berlin).

References

- Barjamovic 2011 — G. Barjamovic. *A historical geography of Anatolia in the Old Assyrian colony period*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2011.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: a comparative overview. *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2015. No. 17. P. 49–76.
- Belkadi 2016 — A. Belkadi. Associated motion constructions in African languages. *Africana Linguistica*. 2016. No. 22. P. 43–70. DOI: 10.2143/al.22.0.3197351.
- Clay 1927 — A. T. Clay. *Letters and transactions from Cappadocia*. (Babylonian Inscriptions in the Collection of James B. Nies. Vol. 4). New Haven; London: Yale University Press; Oxford University Press, 1927.
- Garelli, Collon 1975 — P. Garelli, D. Collon. *Cuneiform texts from Cappadocian tablets in the British Museum*. Pt. 6. London: British Museum Press, 1975.

- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: typological and Areal Perspectives. *Linguistic Typology*. 2016. Vol. 20 (1). P. 81–177. DOI: 10.1515/lingty-2016-0003.
- Guillaume, Koch (eds.) 2021 — A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Boston; Berlin: Walter de Gruyter, 2021. DOI: 10.1515/9783110692099.
- Hakan 2016 — E. Hakan. *Kultepe tabletleri IX-a*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2016.
- Hakan 2018 — E. Hakan. *Kultepe tabletleri XI-a*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2018.
- Kouwenberg 2017 — N. J. C. Kouwenberg. *A grammar of Old Assyrian*. Leiden: Brill, 2017. DOI: 10.1163/9789004472846.
- Koval, Loesov 2024 — S. Koval, S. Loesov. The ventive and the deictic shift: The Case of Old Assyrian. *Studies in Language*. 2024. DOI: 10.1075/sl.23050.kov.
- Larsen 2010 — M. T. Larsen. *Kultepe tabletleri VI-a. The archive of the Šalim-Aššur family I*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2010.
- Larsen 2014 — M. T. Larsen. *Kultepe tabletleri VI-c. The archive of the Šalim-Aššur family III*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2014.
- Larsen 2018 — M. T. Larsen. *Kultepe tabletleri VI-d. The archive of the Šalim-Aššur family IV*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2018.
- Lewy 1930 — J. Lewy. *Die Kültepe-Texte aus der Sammlung Frida Hahn*. Leipzig: Hinrichs, 1930.
- Lewy 1935 — J. Lewy. *Tablettes cappadociennes 3*. Leipzig: Hinrichs, 1935.
- Myres (ed.) 1908 — J. L. Myres (ed.). *Annals of archaeology and anthropology*. Vol. 1. Liverpool: Liverpool University Press, 1908.
- Ross 2021 — D. Ross. A cross-linguistic survey of associated motion and directionals. A. Guillaume, H. Koch (eds.). *Associated motion*. Boston; Berlin: Walter de Gruyter, 2021. P. 31–87. DOI: 10.1515/9783110692099-002.
- Smith 1927 — S. Smith. *Cuneiform texts from Cappadocian tablets in the British Museum*. Pt. 4. London: British Museum Press, 1975.
- Spar 1988 — I. Spar. *Cuneiform texts in the Metropolitan Museum of Art: Tablets, Cones, and Bricks of the Third and Second Millennia B. C*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1988.
- Veenhof 2017 — K. R. Veenhof. *Kultepe tabletleri 8: the archive of Elamma, son of Id-din-Suen, and his family*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2017.
- Yasemin 2003 — A. Yasemin. *Archivum anatolicum 6*. Ankara: Ankara University, 2003.

Клички коров с суффиксом *-kki* как источник реконструкции средневековых карельских личных имен

Д. В. Кузьмин

Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия); kusmiccu@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-6717-4214

Аннотация. В статье анализируются вопросы, связанные с реконструкцией нехристианских имен карелов. Автор отмечает, что одни и те же основы встречаются в зоонимии, в фольклорных текстах и в современных фамилиях, а это может указывать на возможность использования кличек животных в качестве источника при реконструкции средневековых имен. Основной акцент в статье делается на реконструкции мотивов нехристианского именина, которые выявляются на основе мотивов имянаречения коров и фиксируемых словарями лексических данных.

Ключевые слова: карельский язык, антропонимия, нехристианские имена, клички животных, русско-карельские контакты.

Cow names with the suffix *-kki* as a source of reconstruction of medieval Karelian personal names

Denis V. Kuzmin

Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia);
kusmiccu@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6717-4214

Abstract. The article deals with reconstruction of personal pre-Christian Karelian names and their sources. The fact that the same stems are found in Karelian zoonymy, folklore, historical documents, modern surnames and anthroponym-based

place names may indicate a possibility to use pet and domestic animal names as a source for reconstruction of medieval personal names. This idea is quite plausible considering that in the course of transition from paganism to Christianity, Karelian original indigenous names did not go extinct but sank to the “lower” everyday level, i.e. to that of domestic-animal naming. The most suggestive in this respect are names for cows with the suffix *-kki* (*Ainikki*, *Mielikki*, *Toivikki*). Karelian and Finnish appellative vocabularies feature many words in *-kki*, a suffix denoting a person: cf. *ahmukki* ‘glutton’, *haalikki* ‘pale (of a girl)’, *hyvikki* ‘favorite’, *minikki* ‘son’s wife’, etc. The lexical and semantic analysis of the anthroponyms reconstructed from cow names indicates that the ancient Karelian system of naming motifs was in many respects similar to the principles underlying the motivation for pet and domestic animal names. The most common motivational features seemingly included the day/time of the child’s birth, the order of birth in the family, appearance or physical features like hair/eyes/skin color, personal traits (negative, positive), manners, etc. Some of these may have been wishing names. Notably, in general, the range of possible motives for adult/children names was somewhat more diverse compared to zoonyms. The author believes that not all native personal names in the Karelian language were positive in meaning; they could also hint at negative qualities of the person named, i.e. weaknesses or vices, e.g., *Čohikki* ‘aggressive’, *Kuilakki* ‘haughty’, etc. The article focuses on reconstruction of the motifs behind pre-Christian Karelian names based on modern cattle naming motifs and on lexical data gleaned from modern dictionaries.

Keywords: Karelian language, anthroponymy, pre-Christian names, animal names, Russian-Karelian contacts.

1. Вступительные размышления

Изучение карельских кличек¹ домашних животных является перспективным научным направлением, которое может значительно расширить наши познания о карельской, а в более широком смысле — прибалтийско-финской дохристианской системе имен

¹ Материалом статьи являются полевые сборы автора 1999–2022 годов и Словарь карельского языка [KKS].

в целом. Исследования автора статьи 2018 и 2019 годов в этой области свидетельствуют о явной связи между современными кличками коров и дохристианскими женскими именами в карельском языке [Кузьмин 2018, 2021]. Дальнейшая разработка этой темы, несомненно, требует специального исследования, которое включало бы анализ семантики кличек домашних животных, и одновременно рассмотрения вопроса, почему те или иные имена были даны детенышам животных (в частности, коров) и мог ли взрослый человек / ребенок получить подобное имя? Имеющийся в нашем распоряжении зоонимический материал создает впечатление, что не все имена, известные сегодня как клички коров, могли использоваться при имянаречении человека. Некоторые из них, на первый взгляд, могли появиться в разное время и на разных прибалтийско-финских территориях благодаря бытованию известной модели именования коров с использованием суффикса *-kki*. Ср. *Buurikki* ‘кличка коровы черно-бурой масти’, *Šarvikki* ‘кличка коровы с крупными / раскидистыми рогами’, *Mul’ikki / Mul’ukki* ‘кличка безрогой коровы’. Однако показательным примером здесь может быть карельское именование коровы *Tähikki / Tähti*. Как кличка коровы оно указывает на животное со звездообразным пятном на лбу (ср. рус. кличку *Звездочка*), и кажется маловероятным, что ребенок мог быть наречен подобным именем. В то же время в карельском языке слово *tähti*² ‘звезда’ известно также в значении ‘родимое пятно’, синонимом его является сложное по составу слово *šynnyntiähti* [KKS]. С учетом этого

² Ср. образное имя в карельской руне: «[*nimet*] *Väinämöisen, toisella — Keškišynnyntähti*» — ‘[имена] я дам сама, одного (старшего) назову **Вяйнямёйнен**, другого (среднего по рождению) — **Кешкишоннюнтяхти** (букв. ‘среднее родимое пятно’) [КЭП 1950: 30]. Ср. также: «*neilä niin šanottih jotta, mikäli on šynnyntähti, šitä myöten pitäy kualua Tuonelanjovešta poikki*» (не букв. ‘если у человека есть родимое пятно, в момент перехода в брод через реку в царство умерших вода будет доставать до того места, где у него на теле родимое пятно’) [KKS]. Другими словами, наличие родимого пятна имело определенное место в мифологическом сознании карелов, и поэтому в рамках средневековой системы имянаречения крупное родимое пятно на теле ребенка могло повлиять в т. ч. на выбор имени *Tähikki / Tähtikki / Tähti*.

возможность назвать ребенка именем *Tähikki / Tiähti*³ уже не кажется совсем неправдоподобной.

Лексический материал карельского языка свидетельствует о том, что существует множество случаев использования одного и того же слова как в качестве клички домашнего животного, так и для указания на человека. Например, *Ainikki* '1. имя единственной коровы; 2. единственный (о ребенке)'; *Ilo* '1. кличка коровы / лошади; 2. весельчак, плут'; *Kaunikki* '1. кличка коровы белой масти; 2. красotka (в том числе ирон. «некрасивый»)'; *Mušti* '1. имя коровы / лошади черной масти; 2. сварливый'; *Toračču* '1. кличка упрямой лошади; 2. драчун, придиричивый; сварливый' и т. д. В настоящее время наречение взрослого человека / ребенка последним из упомянутых имен не представляется возможным. Однако здесь следует иметь в виду, что среди древнерусских нехристианских имен в XVI веке и даже несколько позднее неоднократно фиксируются бытовые⁴ некалендарные имена

³ Ср. в Олонецком районе официальная фамилия карелов *Звездин*, неофициальная карел. **T(i)ähti* в деревнях Хамала, Артойла и Онькула.

⁴ Многочисленные документальные свидетельства указывают на то, что в конце Средневековья / начале Нового времени в Русском государстве существовала традиция давать человеку в дополнение к имени, полученному при крещении, также мирское имя или прозвище. Эта традиция сохранялась вплоть до конца XVII века и объясняется, в частности, относительно небольшим количеством канонических крестильных имен, используемых в повседневной жизни в определенной местности или общине. Христианские имена часто повторялись, что было связано с именованьем родившихся согласно церковному календарю. Так, например, имя Иван (Иоанн) значилось в нем 79 раз [Суперанская, Сулова 1978: 72]. Запас же мирских имен, в т. ч. прозвищного характера, был неисчерпаем и позволял отделять конкретного человека от других людей с тем же именем. Отметим, что мирские имена в целом ряде случаев заменяли крестильные имена не только в повседневной жизни, но и в официальных документах. Примеров тому достаточно в документах XVI и XVII веков. Распространены они были и среди карелов. Ср. Овдокимко Мокеев, прозвище *Жданко* (Ругозерский погост); Обрамка Спиров, прозвище *Брага* (Семчезерский погост); Васья Власьев, прозвище *Меншой* (Паданский погост) [ИК 1987: 203, 206, 221] и др. Ср. также имя представителя автохтонной феодальной знати Карельского уезда — Гридя *Мурзанов*, сын Рокульского (1568, Городенский погост)

с негативной / отрицательной коннотацией, которые сегодня можно видеть в числе слов, указывающих на человека и имеющих пренебрежительно-неодобрительный оттенок, ср. имена бытового характера *Драка* (1456), *Болван* (1580), *Дурак* (1535), *Замарай* (1612), *Злоба* (1577) [Тупиков 1903] и др. Карелы уже более тысячи лет живут в зоне прибалтийско-финско-славянского пограничья, что, несомненно, повлияло и на язык, и на разные стороны народной карельской культуры. Активные культурные контакты оставили значительные следы, в том числе в системе имянаречения. Например, в позднем Средневековье самобытные личные имена карельского населения были вытеснены, среди прочего, древнерусскими именами, и поэтому достаточное количество нехристианских имен из этой группы фиксируется в документах XVI и XVII веков. Похоже, что воспринятая карелами новая система имен включала также некоторое количество имен с пейоративным значением, возможно, переведенных с русского на карельский язык, ср. карелы *Hölmö Isakanpoika* (1618, Impilahti), где *hölmö* ‘недотепа; недоумок’, букв. ‘Недотепа, сын Исаака’; *Nodari Höblänpoika* (1618, Контиолахти), *höblä* ‘простак; разиня’, букв. ‘Федор, сын Простака’ [Nissilä 1975: 145], а также название деревни *Durakala* (**Durakkala*) (1618) [ИК 1987: 326] ← кар. *durakka* ‘дурак’. Таким образом, пограничное проживание карелов со славянами (древними новгородцами) способствовало заимствованию различных культурных явлений, в том числе и в области личных имен. Исходя из этого, нам уже не кажется совершенно невозможным или даже странным, что бытовое имя, подобное упомянутому выше *Toračši*, использовалось при имянаречении в среде карельского населения в конце эпохи Средневековья.

[ИК 1987: 84]: в данном случае патроним свидетельствует о том, что его отец носил нехристианское имя *Мурза(н)*. В русских диалектах *мурза* известно, в частности, в значении ‘грязный, неопрятный’ [СРНГ]. Ср. также название деревни *Mursula* в Приладожской Карелии в приходе Импилахти (упом. в 1590 году) [ИК 1987: 529], фамилия *Murzu* (рус. *Мурзугев*) (1824, Большие Горы) [Sjögren: 3047], а также карельские клички быка *Mursi*, лошади *Muršu* и собаки *Mursa* (см. ниже).

В карельской вакконимии⁵ практически нет кличек с явным пейоративным⁶ значением, однако среди кличек лошадей таких случаев достаточно. Приведем здесь пару карелоязычных примеров, ср. поле *Kuilakki* (Неккула) ← кличка коровы **Kuilakki*⁷, ср. кар. *kuilakkane*, *kuilas* (о лошади): ‘горячий, с буйным нравом’ [KKS]. На обрусевшей людиковской территории в Кондопожском районе Республики Карелия зафиксирована также кличка упрямой по характеру коровы *Кранька*, которую, вероятно, можно соотнести с апеллятивом *krän’kiskö* ‘ссорящийся, вздорный (о человеке)’.

Многочисленные примеры свидетельствуют, что среди кличек коров, а также имен людей в фольклоре и исторических документах, в современных фамилиях и в отантропонимических географических названиях можно нередко видеть одни и те же основы, что, на наш взгляд, указывает на допустимость использования кличек домашних животных в качестве источника при реконструкции средневековых личных имен.

Более всего внушают уверенность в правдоподобности такой реконструкции клички коров, оформленных суффиксом *-kki*, ср. например, имена женских и мужских персонажей в фольклоре, а также современные национальные имена *Ainikki*, *Hanhikki*, *Kyllikki*, *Lylikki*, *Mielikki*, *Tuunikki* и др. В апеллятивной лексике карельского и финского языков есть также немало слов с финалью *-kki*⁸, указывающих

⁵ Вакконим — кличка коровы.

⁶ Ср. фин. клички крупного рогатого скота: *Laiskuri* ‘ленивый’, *Melu* ‘шумный’, *Pintelö* ‘? толстый’ (ср. *pinterö* ‘то же’), *Pöljä* ‘глупый’, *Telmikki* ‘шалающий; возящийся’, *Tuiska* ‘вспыльчивый’, *Pullukka* ‘пухлый’, *Akeä* ‘злой’, *Aikki* ‘норовистый’ [Ojansuu 1912] и т. д.

⁷ Клички лошадей, оканчивающиеся на *-kki*, крайне редки как в карельском, так и в финском языке. В наших материалах есть только один подобный пример — имя коня *Tyriikki*, представленное на самом севере Беломорской Карелии. Это позволяет предположить, что наименование поля, зафиксированное в ливвиковском ареале на юге современной Карелии, указывает именно на кличку коровы. В списке ниже кличка **Kuilakki* помечена астериском (*) или знаком реконструкции.

⁸ Добавим еще несколько примеров вероятных корреляций, содержащих другие суффиксы: ср. *Busari* ‘кличка коня’ — имя **Busari* / **Buzari* ~ *buzari* ‘своенравный,

на человека: ср. *ahmukki* ‘обжора’, *haalikki* ‘бледный (о девушке)’, *hailikki* ‘бледный’, *hellikki* ‘чувствительный к боли; болезненно воспринимаящий что-либо’, *hemtikki* ‘ласкательное имя (о ребенке)’, *huvikki* ‘любимец’, *kannakki* ‘любимец’, *lillikki* ‘любимчик’, *mielikki* ‘любимец’, *minikki* ‘жена сына’ [KKS; SMS] и др.

2. Реконструкция мотивов нехристианского именника

Далее на основе мотивов имянаречения крупного рогатого скота, прежде всего коров, а также фиксируемых современными словарями лексических данных будет предложена реконструкция мотивов и признаков, которые могли лежать в основе национальных карелоязычных имен.

- корова *Ainikki*⁹, овца *Ainikko*¹⁰: кар. *aino* / *ainikki* / *ainikko* ‘единственный’
 - ▶ кличка единственной коровы / овцы
 - ▶ ‘единственный ребенок в семье¹¹, единственная девочка или мальчик’

упрямый’, *Hekuli* ‘кличка коровы’ — имя **Hekuli* ~ *hekuli* ‘своевольный; озорной’, *Helleri* ‘кличка коровы’ — имя **Helleri* ~ *helleri* ‘безвольный; слишком добродушный’, *Huökynä* ‘кличка коровы’ — имя **Huökynä* ~ *huökynä* ‘о разодевшейся женщине’, *Inuja* ‘кличка коровы’ — имя **Inuja* ~ *inuja* ‘плачущий, канючий’, *Koivas* ‘кличка коровы’ — имя **Koivas* ~ *koivas* ‘со светлыми волосами’, *Kupukka* ‘кличка коровы’ — имя **Kupukka* ~ *kupukka* ‘слабый, немощный; ласкательное имя (о ребенке)’ и др.

⁹ Ср. карел *Ädinetz Jyiflef* (1629, Тиврольский погост) [ИК 1993: 378] ← русское нехристианское имя *Единец* = *Одинец* и официальная фамилия у карел-людигов *Одинцов* (Чупа, Мартнаволок).

¹⁰ В ряде случаев в качестве примеров представлены также некоторые клички других домашних животных.

¹¹ Ср. именование единственной дочери крестьянина из деревни Каменное Озеро по имени Акулина (род. 1851 году): *Juakkosen Iivanan Ainikki* (букв. ‘Одница Иванова дочь’) [Virtaranta 1972: 227].

- корова **Buurikki / Puurikki**, конь **Burk(k)e / Burkko**¹²: кар. *buura / puura / buurakko* ‘(о масти) бурый’
 - ▶ ‘бурой масти’
 - ▶ ‘с темно-русыми волосами’; ? ‘смуглый’
- корова **Čohikki**: кар. *šohistua*¹³ ‘надоедать; нападать’; *čoho, šoho(i)* ‘черт; змея’
 - ▶ ‘строптивая, бодливая’
 - ▶ ‘надоедливый; агрессивный’; ‘(о человеке) чертяка; змеюка’
- корова **Čomikki**¹⁴: кар. *čoma / šoma* ‘красивый, симпатичный; порядочный, безупречный; странный, странно выглядящий’; *čomikki* ‘кокетка; избалованный’
 - ▶ ‘красивая (по окрасу, форме / размеру рогов)’ (см. **Kaunikki**)
 - ▶ ‘красивый; миловидный; избалованный; со странностями; (иронично) красавчик’ (ср. **Kaunikki**)
- корова **Enčikki / Endžikki**¹⁵: кар. *enči / en(d)ži / ensi* ‘первый’; *enš(i)arki / enz(i)argi* ‘понедельник’
 - ▶ ‘в понедельник рожденная’
 - ▶ ‘первенец; ? в понедельник рожденный’

¹² Ср. в 1795 карел Василий *Бурко* (Елетозеро) [РС 1795: 385 об.], фамилия у карел-ливвиков: *Burke* — *Бурков* (Алексала; Большие Горы), а также Васька Иванов сын *Бурко* (1597, Шуерецкое) [ИК 1987: 219] ← рус. *бурый* ‘темно-коричневый (о масти); темно-русый (о волосах)’.

¹³ Ср. звуковой переход в карельском *š ~ č*: *šohissa* = *čohissa* ‘шептать’ и здесь же *šohistua* → **čohistua*.

¹⁴ Ср. фин. кличка коровы *Sommikki*, карельская родовая фамилия *Čommi* (офиц. *Чомин*) (Каменный Ручей) и деревня *Čomala* (*Чомала*) (Олонецкая Карелия). Можно в качестве сравнения привести также рус. нехристианское имя *Красава*.

¹⁵ Ср. карелы *Entzo Jakoffef* (1618, Корельский уезд) [ИК 1987: 305], Иванко *Енчоев* (1637, Корельский уезд) [ИК 1991: 636], хутор *Endžinkondu* (Юостозеро), а также заброшенное поселение *Änsikass Ödhe* (1637, Корельский уезд) [ИК: 1991: 430] ← имя **Ensikkä*.

- корова **Halikki**¹⁶, собака **Halli**¹⁷: кар. *halikki* ‘блеклый, бесцветный; слабый’, *halie* ‘милый; светлый; бесцветный’; *hal’l’i* ‘собака белой или светло-серой масти’
 - ▶ ‘светлой масти’
 - ▶ ‘белокурый; светлоглазый; с бесцветными глазами; с бледным лицом; милый’

- овца **Hamukki**¹⁸: кар. *hamussa* ‘(быть) в силах, в порядке’, вост.-фин. *hamuinen* ‘полный сил’, вост.-фин. *hamusa* ‘энергичный; хлопотливый’
 - ▶ ‘серой масти’ (ср. **Harmukki**)
 - ▶ ‘полный сил; энергичный, бодрый’

- корова **Hanhikki**¹⁹: кар. *hanhi* ‘гусь; перен. умный’
 - ▶ ? ‘серой масти; пестрого окраса’
 - ▶ ‘смышсленный; разумный’

- корова **Harmikki, Harmukki**: кар. *harmua* ‘серый’, *harmi / harmikki* ‘досада; огорчение’, эст. диал. *harm(i)* ‘грустный, унылый’
 - ▶ ‘серой масти’ (см. ссылку 17)
 - ▶ ‘с волосами пепельного цвета; унылый; печальный’

¹⁶ Можно также обратить внимание на карело-финскую кличку коровы *Haluna* (← глаг. *haluta* ‘хотеть’) и русское дохристианское женское имя *Хотена*.

¹⁷ *Halikki* ~ *Halli*: ср. *Mul’ikki* = геминир. вариант *Mul’l’oi*. Ср. также карельская родовая фамилия *Halli* (офиц. *Халлиев*) (Валойла), также карел *Halei Semenof* (1618, Корельский уезд) [ИК 1987: 293].

¹⁸ Видимо, личное имя было переосмыслено из-за утраты первоначального значения, а вследствие созвучия первого слога со словом *harmua* ‘серый’ оно стало соотноситься с окрасом животного.

¹⁹ Ср. рус. бытовое имя / прозвище *Гусыня*: Семен *Гусыня* (1614, Тверь) [Веселовский 1974: 92].

- корова ***Helmikki***²⁰: кар. *helmi* ‘жемчужина; капля’, *helmikuu* ‘февраль’
 - ▶ ‘пестрая, пятнистая’²¹; в феврале родившаяся’
 - ▶ ‘веснушчатый, с родинками (на лице, коже), с пестрым рябым лицом’
- корова ***Hermikki***²²: кар. *helmi*²³ ‘жемчужина; капля’, ср. также вост.-фин. *hermii* ‘(о корове) чувствительная (при доении)’, фин. диал. *hermeä*, *hermiä* ‘симпатичный, красивый; веселый, приятный’; фин. диал. *hermiäpintanen* ‘со светлой кожей’; фин. диал. *hermiäsilmäinen* ‘со светлыми глазами’
 - ▶ кар. ‘пестрая корова бело-черного окраса’, фин. ‘пестрая корова бело-темно-рыжего окраса’, ? ‘чувствительная (при доении)’
 - ▶ ‘чувствительный; способный живо чувствовать, воспринимать; красивый; веселый; со светлой кожей или светлыми глазами’
- корова ***Herukki***²⁴: кар. *heruo* ‘становиться / стать более удойной’, кар. *heräsilmä* ‘со светлыми глазами’ (в том числе о ло-

²⁰ Ср. родовая фамилия в селе Панозеро — *Helmine*, отмеченная А. Шёгреном в 20-х годах XIX века [Sjögren: 3108]. В основе карелоязычной фамилии, как правило, закреплялось имя / прозвище предка по мужской линии. В данном случае мы можем видеть мужское имя собственное *Helmi*.

²¹ Ср. также фин. *helmikana* ‘обыкновенная цесарка’, оперение которой темно-серого цвета с белыми круглыми пятнышками.

²² Ср. женское имя *Hermando* в народной поэзии.

²³ Исходя из объяснения появления клички животного, предполагаем, что в ее основе может также лежать лексема *helmi* (см. ***Helmikki***). Субституция *l ~ r* встречается в ряде случаев в говорах карельского языка, см. ниже варианты клички овцы *Hiiloi / Hiuroi* ‘черной масти’, в основе которых скрывается лексема *hiili* ‘уголь’.

²⁴ Если осторожно предположить, что в имени произошла субституция *l ~ r*, то можно обратить внимание на кар. кличку коровы *Heluna*: *heluna* ‘(о животном) ласковый’. Ср., например, русское дохристианское женское имя *Голуба* ‘ласковая, кроткая’. В финском языке лексема *heluna* известна также в значении

- шади)’, фин. диал. *heru-*, *herosilmä* ‘с красивыми или улыбающимися или светлыми глазами’, ср. также кар. *herakko* ‘(о человеке) хилый, (о погоде) тихий, спокойный’²⁵
- ▶ ‘дающая много молока’
 - ▶ ‘со светлыми, красивыми глазами; спокойный; хилый’
- корова ***Hiilikki***: кар. *hiili* ‘уголь’, ср. также кличка овцы черной масти *Hiiloi*, вар. *Hiiroi* (субституция *l~r*)
 - ▶ ‘черной масти’
 - ▶ ‘с черными волосами’
 - корова ***Hiirikki***: кар. *hiiri* ‘мышь; перен. робкий, боязливый’, кар. *hiirenkarvaine* ‘мышинного цвета’, кар. *hiiriškö* ‘трус, трусливый’
 - ▶ ‘(темно-)серой (мышьиной) масти’
 - ▶ ‘с волосами темно-серого цвета, робкий; боязливый’; ? ‘черноволосяый’ (ср. ***Hiilikki*** / ***Hiiloi***)
 - корова ***Gostikki***²⁶ / ***Koštikki***²⁷: кар. *gostie* ‘ходить в гости, гостить’; фин. *kostia* ‘угощать’, фин. диал. *kostivieras* ‘дорогой, долгожданный гость’. Ср. также фин. диал. *kosto* ‘вознаграждение; благодарность’
 - ▶ ‘в среду рожденная’
 - ▶ ‘гостеприимный; долгожданный, дорогой’

‘шум, грохот; дребезжание’ [JSS], кар.-фин. *helu* ‘звон; дребезжание; перелив (о смехе)’ → ‘со звонким голосом / смехом; с дребезжащим голосом; шумный’.

²⁵ Ср. в карельской народной поэзии женское имя *Tuunikki* ← *tuuni* ‘тихий, спокойный’.

²⁶ Ср. русское нехристианское женское имя *Гостёна* ‘гостеприимная’.

²⁷ Личное имя было, видимо, переосмыслено из-за утраты первоначального значения, а вследствие созвучия первого слога со словом *kolmašpäivä* ‘среда’ оно стало соотноситься с кличкой животного, рожденного в среду.

- корова **Joučikki**²⁸: кар. *joučen*²⁹ ‘лебедь; кувшинка белая’. Ср. также фин. диал. *joutsen* ‘громкоголосый’
 - ▶ ‘белой масти’
 - ▶ ‘блондин, со светлой кожей, высокомерный’
- корова **Juonikki**: кар. *juoni* ‘полоска; след (животного); каприз; повод к ссоре; проделка’, *juonikki / juonikko* ‘капризный, нытик; несогласный; склочник’, *juonikaš* ‘хитрый, изворотливый’
 - ▶ ‘с полосой другого цвета на спине или на лбу’
 - ▶ ‘капризный; хитрый; склочный; с родимым пятном или шрамом’ (ср. также **Piirikki**)
- корова **Kaunikki**³⁰: кар. *kaunis* ‘красивый (по разным параметрам)’, кар. *kaunikki* ‘(ирон.) красавчик’, кар. *kaunikconi* ‘очень красивый’
 - ▶ ‘белой масти; рыжей масти; с большими рогами’
 - ▶ ‘красивый (глаза, волосы, лицо, фигура)’ (ср. **Čomikki**)
- корова **Kirjikki**³¹ / **Kirjo**: кар. *kirjava, kirjo* ‘пестрый’
 - ▶ ‘пестрого окраса’
 - ▶ ‘веснушчатый; с рябым лицом’
- корова **Kortikki**³²: ? кар. *kortoi / gordoi* ‘гордый; надменный’, фин. *kortta, kortto* ‘негодяй; чертяка’
 - ▶ ‘в среду рожденный’
 - ▶ ‘горделивый; нехороший’

²⁸ Ср. русское нехристианское мужское имя *Лебёдка* ← русск. *лебедь* → кличка коровы *Лебёдка*, ср. также рус. *лебёдка* ‘статная красивая женщина’.

²⁹ Ср. кар. *luikka* (синоним к общекарельскому слову *joučen*) ‘лебедь; перен. высокомерный; гримасник, зубоскал’. *Luikko* ‘кличка быка белой масти’. Ср. также родовые фамилии *Luikka*, офиц. *Луйкин* (Сондала) и *Joučen*, офиц. *Лебедев* (Паданы). В карельском языке фиксируются также лексемы *luikki / luikkari* ‘плут’.

³⁰ Ср. карел Mark *Kavnoef* (**Kauno*) (1637) [ИК 1987: 199, 725].

³¹ Ср. ойконим *Kirjavalu* в южной Карелии, где *kirjava* ‘пестрый (в том числе о коже)’.

³² Личное имя было, видимо, переосмыслено из-за утраты первоначального значения, а вследствие созвучия первого слога со словом *kolmašpäivä* ‘среда’ оно стало соотноситься с кличкой животного, рожденного в среду.

- корова ***Kuilakki**: кар. *kuilakkane / kuilas* ‘(о лошади) спесивый, горячий’
 - ▶ ‘спесивая’
 - ▶ ‘горячий по характеру; удалой; быстрый; проворный; страстный; пылкий’

- корова **Kul’l’kki**: кар. *kulda* (род. пад. *kullan*), *kuldane* ‘золото; золотой; дорогой; любимый; очаровательный; искусный, умелый’
 - ▶ ‘светло-рыжей масти; ласкательное имя’
 - ▶ ‘золотце (внутрисемейное ласкательное имя); рыжий’

- корова **Kyllikki**: кар. *kyllä* ‘богатство, изобилие, зажиточность’
 - ▶ ‘дающий много молока’
 - ▶ ‘внутрисемейное пожелательное имя’

- корова **Lehikki**³³: кар. *lehti* (род. пад. *lehen*) ‘лист’. Ср. овца **Lehto**³⁴ ‘белой масти’. Ср. также кар. *korvalehti* ‘ушная раковина’ и *lehtirebo* ‘хитрец’
 - ▶ ‘о корове с пятном в виде листика на лбу; белой масти’
 - ▶ ‘о человеке с родимым пятном (на теле или лице); блондин; лопухий; ? хитрец’

- корова **Lemmikki**³⁵: кар. *lembi / lempi* (род. пад. *lemmen*) ‘любовь; славutность; обаяние; слава; дружелюбие’, *lemmikki* ‘любимец’
 - ▶ ‘ласкательное имя’
 - ▶ ‘внутрисемейное ласкательное / пожелательное имя’

³³ Фин. *Lehikki* ‘кличка коровы с белой головой, но с коричневыми пятнами вокруг глаз’, эст. *Lehites* ‘кличка пестрой коровы бело-черной масти’ [Ojansuu 1912: 15, 23].

³⁴ Ср. деревня *Lehtoila* (Олонецкая Карелия): в 1582 году *Лехтинская* [ИК 1991: 52] и фамилия *Lehtoni* (Войница).

³⁵ Ср. в фольклоре мужское имя *Lemminkäinen*.

- корова **Lumikki**³⁶ / лошадь **Lumikko**: кар. *lumi* ‘снег’
 - ▶ ‘белого окраса’
 - ▶ ‘белокурый, блондин; ? в снегопад или зимой родившийся ребенок’
- корова **Lyštikki**³⁷: кар. *lyšti* ‘веселье; потеха; забавный’, фин. *lystikäs* ‘веселый; забавный; игривый; шаловливый’
 - ▶ ‘игривая по характеру’
 - ▶ ‘веселый; забавный; шаловливый’
- корова **Maarikki** / **Muarikki**: кар. *m(u)arja* ‘ягода’
 - ▶ ‘красно-рыжей масти’
 - ▶ ‘рыжий; с красным / румяным лицом’
- корова **Mahikki**: кар. *maholehmä*³⁸ ‘яловая корова; (о женщине) бесплодная’. Ср. также *mahti* (род. пад. *mahin*) ‘умение, талант; сила’, *mahikaš* ‘искусный; знающий’
 - ▶ ? ‘яловая; дающая много молока’
 - ▶ ‘внутрисемейное пожелательное имя; сильный; знающий, умелый’
- корова **Mairikki**³⁹: кар. *mairis*⁴⁰ ‘дорогой, любимый, милый’; *maireh* ‘дорогой; золотце’
 - ▶ ‘ласкательное имя’
 - ▶ ‘внутрисемейное ласкательное имя’

³⁶ Ср. также кар. *lumikko* ‘горностаи; (перенос. знач.) бойкий, проворный’, фин. *lumikki, lumikko* ‘горностаи; ласка’ [SMS].

³⁷ Ср. в карельском фольклоре мастер по изготовлению лыж по имени *Lystikki* [SKVR], а также русское нехристианское женское имя *Забава*.

³⁸ Ср. фин. диал. (Lemi) *mahona* ‘о женщине в период между двумя беременностями’ [SMS]. В фин. Приграничной Карелии бытовали родовая фамилия *Mahilaine* (Турханвуара) и *Maho*, офиц. *Mahonen* (Кайдаярви), а также в Саво финская фамилия *Mahonen*; ср. также название деревни *Mahoilu* (Олонецкая Карелия). В карельском языке *maho* известно также в значении ‘с большим животом; полная женщина’.

³⁹ Ср. в Корельском уезде Condasko *Mairoief*, Sergiko *Mairoieff* (1631) [ИК 1987: 456, 529].

⁴⁰ Ср. вепс. *mairiž* ‘милый; прелестный’ [SSA: 139].

- корова *Mančikki* / *Mandžikki*: кар. *mančikka* / *mandžoi* ‘земляника’
 - ▶ ‘красно-рыжей масти’
 - ▶ ‘рыжий / с рыжинкой; с красным / румяным лицом’
- корова *Mielikki*: кар. *mieli*, *mielikine* ‘ум, разум’; *mielikki* ‘любимец’
 - ▶ ‘ласкательное имя’
 - ▶ ‘внутрисемейное ласкательное имя’
- корова *Mul’ikki* / *Mul’ukki*: кар. *mul’oi* / *mul’(l’)u*⁴¹ ‘комолый; с очень коротко подстриженными волосами; наголо выбритый’; ср. также кар. *mulli* ‘молчаливый’, *mulliško* ‘угрюмый, хмурый; зло смотрящий’. ? Ср. также кар. *mul’(l’)asilmä* ‘пучеглазый’
 - ▶ ‘комолая’⁴²
 - ▶ ‘молчаливый; угрюмый; ? пучеглазый’
- корова *Muštikki*⁴³ / *Muššukki*, овца *Mučukki*: кар. *mušta* (род. пад. *muššan*) ‘черный’; *mučči* ‘кличка собаки с черной шерстью’. Ср. также *musti* ‘злой’ и фин.-диал. *musta* / *musti* ‘грязный; плохой, недостойный, неприличный’
 - ▶ ‘черной масти’
 - ▶ ‘с волосами черного цвета; смуглый, ? злой; нехороший’

⁴¹ Ср. также кар. выражение *tukad on mul’oilleh* ‘гладко зачесанные назад волосы’ (KKS). Можно привести здесь также карельское прозвище с территории Тверской области — *Mul’u-Slava* (офиц. *Шушков*) (Черняево).

⁴² Ср. в Тверской Карелии фамилия *Kotula*, офиц. *Комолов* (Никулино, Жижино) ← рус. *комолый* ‘(о корове) безрогий; (о человеке) беспомощный’. В русских говорах Карелии слово *колмач* (← *колматый* ‘безрогий’) означает «человека, который не мог постоять за себя или свою семью» [Кюршунова 2013: 123].

⁴³ Ср. Iwan Simanoff *Mussikain* (1618) [ИК 1987, 357], Stepanko и Iuantko *Mussikoff* (1631) [ИК 1987: 509], деревня *Mustilanmäki* (1631) [ИК 1987: 401], Hodari *Mustanpoika* (букв. ‘Федор сын Черного’) (1618) [ИК 1987: 377], *Mussi Hådulainen* (1755) [Kansallisarkisto].

- корова ***Muurikki***⁴⁴: кар. *muuristuo* ‘становиться злым; впадать в уныние’, *muuristus* ‘злоба’
 - ▶ ‘агрессивная; злая’, ср. также фин. ‘в т. ч. черной⁴⁵ масти’
 - ▶ ‘унылый; озлобленный’
- корова ***Myöhikki***⁴⁶: кар. *myöhäine* ‘поздний’
 - ▶ ? ‘поздний теленок (напр., у «старой» коровы); поздно, напр., ночью родившийся; поздно телившаяся’
 - ▶ ‘поздний ребенок’
- корова ***Onnikki***⁴⁷: кар. *onni* ‘счастье, удача, успех’, *onnistua* ‘удаваться, иметь удачу, везти; приносить счастье’
 - ▶ ‘пожелательное имя (дочери в качестве приданого переданная)’
 - ▶ ‘внутрисемейное пожелательное имя; приносящий счастье’
- корова ***Orvikki / Orvokki***: кар. *orboi(ne)*, *orpo* ‘сирота; одинокий; несчастный, бедняжка, горемычный, беззащитный; неопрятный’
 - ▶ фин. *orpanalehmä* ‘личная корова молодой жены, переданная ей из дома родителей’ (Tuominen 1995)
 - ▶ ‘одинокый; несчастный; горемычный’

⁴⁴ Ср. Matts *Muurinen* (1745–1800) из дер. *Muurila* на Карельском перешейке [Geneanet: Muurinen].

⁴⁵ Мотив номинации в финском языке не вполне понятен. Видимо, в некоторых случаях фиксация той или иной клички могла и не быть напрямую связана с именованим животного по масти.

⁴⁶ Ср. восточно-финская фамилия *Myöhä(i)nen*, ? карел *Jakov Möhinen* (**Myöhinen*) [Saloheimo 2011: 65].

⁴⁷ *Onnikki* может быть результатом возможного эллиптического развития сложных по составу кличек коров, например, фин. *Onnen/kukka* букв. ‘цветок счастья’, *Onnen/päivä* ‘счастливыи день’, *Onnen/tuoja* ‘приносящий счастье’ [Ojansuu 1912: 38]. Возможно, данные примеры свидетельствуют о бытовании женских сложных по составу нехристианских имен, ср. мужские *Huvällempi*, *Iha/mieli*, *Mieli/kirja* и др. Стоит также внимание на имя старика *On'n'oi* в карельском фольклоре [KKR 1976: 219].

- корова ***Pienikki***: кар. *pieni* ‘маленький; небольшого размера’
 - ▶ ‘небольшая по размеру’
 - ▶ ‘маленького / низкого роста’

- корова ***Piirikki***⁴⁸, собака ***Piiri***: кар. *piiri* ‘полос(к)а, черта; круг’
 - ▶ ‘с полосой другого окраса на голове; пестрая (рыже-белого окраса)’
 - ▶ ‘рябой, шербатый, с рубцами / шрамами на коже⁴⁹; с родимым пятном (округлой формы) (на теле или лице)’

- корова ***Piästickki***⁵⁰: кар. *piästö* ‘помощь, спасение / избавление от чего-либо’, *piästyä* ‘избавлять, освобождать, выручать’
 - ▶ ‘в пятницу родившаяся’
 - ▶ ? ‘внутрисемейное пожелательное имя’ (ср. ***Päiçikki***)

- корова ***Punikki***: кар. *puna(ne)* ‘красный; рыжий’
 - ▶ ‘(темно-)рыжей масти’
 - ▶ ‘рыжий / рыжеватый; с красным / румяным лицом’

- корова ***Pyhikki***⁵¹: кар. *pyhä* ‘пост; воскресенье’. Ср. также *pyhä* ‘благочестивый; праведный; невинный’
 - ▶ ‘в воскресенье родившаяся’
 - ▶ ‘в воскресенье, в праздник или в пост родившийся’

⁴⁸ Ср. также кар. *piiri* ‘молодая кобыла на третьем году жизни’.

⁴⁹ Ср. прозвище в финской Приграничной Карелии *Piirtopiä-Jussi* (Prolanvuara) [NA], кар. *piirtopiä* ‘(о животном) с пятнами / пятном’, слово *piirto* известно также в значении ‘шрам’.

⁵⁰ Личное имя было, видимо, переосмыслено из-за утраты первоначального значения, а вследствие созвучия первого слога со словом *piätinçä* ‘пятница’ оно стало соотноситься с кличкой животного, рожденного в пятницу.

⁵¹ Ср. рус. бытовое имя *Посник / Посничко* ‘Постник’.

- корова **Päivikki**⁵²: кар. *päivä* ‘солнце; тепло(та)’, *päiväine* (ласкательное имя) ‘дорогой’. Ср. также *päivittelä* ‘плакаться, жаловаться; (со)жалеть’ и *päivittyö* ‘(по)смуглеть; загореть’
 - ▶ ? ‘светлого окраса⁵³, родившаяся днем⁵⁴’
 - ▶ ‘внутрисемейное ласкательное имя; со светлыми волосами’

- корова **Päičikki**⁵⁵: кар. *piä* ‘об уме, разуме, рассудке, мышлении, сознании, знании’. Ср. также фин. диал. *päisevä* ‘хороший, порядочный, умелый; предприимчивый, честолюбивый’ (JSS).
 - ▶ ‘в пятницу родившаяся (ср. **Päištikki**); с головой другого окраса в отличие от основной масти животного’
 - ▶ ‘умный; умелый; хороший; ? с большой головой’

- корова **Rainikki**: кар. *rainivo* ‘немошный, нетрудоспособный; негодный’, ? кар. *raintuo* ‘проясняться’, вост.-фин. *rainis*⁵⁶ ‘ясный (о погоде), свежий; прохладный’. Ср. также фин. диал. (юго-вост.) *raina* ‘брак, непригодная вещь’
 - ▶ ? ‘небольшая по размеру; худенькая; хилая’
 - ▶ ‘маленького / низкого роста; недееспособный; слабый; немошный’

⁵² Ср. деревня *Päiwon Mäki* [ИК 1991: 344]; карелы *Prokuska Päijwief* и *Griska Päiviev* (1637) [ИК 1991: 177, 734]; *Iwann Päijwinen* (1614), *Kusma Peueinen* (1560, Валкъярви) [Nissilä 1975: 127].

⁵³ Ср. эстонская кличка коровы *Pääves* ‘с головой белого окраса’ ← от *pääv*, *päev* ‘день’ [Ojansuu 1912: 23].

⁵⁴ Ср. русская по происхождению кличка коровы у тверских карелов *Pold'onka* ‘родившаяся в полдень’.

⁵⁵ Ср. кар. *ens(i)-* → *enč-* ‘первый’ → *Enčikki*; *toini*, род. пад. *tois(en)* → *toič-* ‘второй’ → *Toičikki*, и так же *piä* ‘голова; волосы’ → прил. *päini*, род. пад. *päis(en)* — *päič-* → *Päičikki*. В эстонском языке *Päitsik* ‘кличка коровы с белым окрасом головы’ [Ojansuu 1912: 22]. Можно обратить внимание на рус. нехристианское имя / прозвище *Голова / Голован / Головарь*.

⁵⁶ Ср. вепс. *rainiž* ‘прохладный, свежий’ [SKES].

- корова **Rutvikki**: кар. *rudva* / **rutva* ‘хрупкий, тонкий’, *rudvita* ‘ходить тихо, спокойно, не торопясь’
 - ▶ ? ‘спокойная по характеру; хилая’
 - ▶ ‘спокойный по характеру; медлительный; щедушный’
- корова **Šarvikki**⁵⁷: кар. *šarvi* ‘рог; шишка на голове’, кар. *šarvikko* ‘несогласный, скандальный; чертяка’, *sarvikaz* ‘вспыльчивый’, *šarvipiä*⁵⁸ ‘с рогами; перен. (постоянно) несогласный’
 - ▶ ‘с крупными рогами’
 - ▶ ‘скандальный; вспыльчивый, строптивый’
- корова **Serokki**⁵⁹ / **Serkko**: кар. *ser’oda*, *serota* ‘среда’
 - ▶ ‘в среду родившаяся’ (ср. **Ser’ukki**)
 - ▶ ‘с волосами пепельного цвета; (по возрасту) средний⁶⁰ из детей; в среду родившийся’
- корова **Ser’ukki**: ср. кар. *serkka* / *serkko* / *zerkka* ‘(о домашнем животном) серой или белой масти; светлого окраса’; Ср. также кар. *ser’oda*, *serota* ‘среда’
 - ▶ ‘(светло-)серого окраса; в среду родившаяся’ (ср. **Serokki**)
 - ▶ ‘с волосами пепельного цвета’ (ср. **Serokki**)

⁵⁷ Ср. в XVII веке на Карельском перешейке в деревне Пухтула фамилия *Sarvi*, а в XVIII веке в деревне Рантакюля фамилия *Sarvinen* [Kivennavan suvut].

⁵⁸ Ср. фамилии у тихвинских карелов: *Roga* — Рожков (Логоново), *Rogičča* — Рожков (Моклаково). В русском языке существовало, например, нехристианское имя *Pog* (1481, 1500) [Тупиков 1903: 337], а также бытует прозвище *Pog* ‘об упрямом, заносчивом или хвастливом человеке’.

⁵⁹ Возможно, личное имя было переосмыслено из-за утраты первоначального значения, а вследствие созвучия первого слога со словом *serota* ‘среда’ оно стало соотноситься с кличкой животного, рожденного в среду. Само имя *Serokki* является, по всей видимости, карельским вариантом русского нехристианского имени *Серка* / *Серко* ‘серого цвета / окраса’.

⁶⁰ Ср. русское бытовое имя *Середка* и фамилия *Середин* (Руванкюля), карельская форма которой не зафиксирована. В 1751 году в городе Кемь отмечен Иван Попов *Средней* [ДРКУС: 12], рус. диал. *середней*, *средней* ‘средний’.

- корова **Sorokki**⁶¹: кар. *sorokka*, фин. *harakka*, *sorohka*, *sorokka* ‘сорока (головной убор замужней женщины)’. В русских говорах, кроме наименования птицы, *сорока* — это также ‘необычайно разговорчивый, бойкий человек’.
 - ▶ ‘с головой белого окраса (в сравнении с основной мастью)’
 - ▶ ‘болтливый; легкомысленный; ? (яркий) блондин’⁶²
- корова **Suobikki**⁶³: кар. *suovatta* ‘суббота’. Ср. кар. *suuva*, фин. *suoda* (→ причастие наст. врем. *suopa*) ‘(по)желать; (за)хотеть; позволять, давать’, фин. *huvänsuopa* ‘доброжелательный’; *pahasuopa* ‘недоброжелательный, недружелюбный, злорадный’, фин. *suorea* ‘сочувственный’, а также эст. *soov* ‘пожелание, надежда’
 - ▶ ‘в субботу родившаяся’
 - ▶ ‘внутрисемейное пожелательное имя; в субботу родившийся’⁶⁴

⁶¹ Кличка коровы *Sorokki* встречается также в Финляндии, однако точной информации о диалектной фиксации этой клички в исследовании Хейкки Оянсуу нет [Ojansuu 1912: 42]. Связь с женским головным убором не до конца ясна. Возможно использование метафоры, указывающей на иной окрас головы коровы в сравнении с основной мастью животного. Нельзя также исключать, что произошло сращение двух омонимичных слов. Ср. рус. женское нехристианское имя *Сорока* и кличка коровы *Сорока*. В карельском языке слова *harakka* / *harakki* ‘сорока’ известны также в значении ‘болтливый; легкомысленный’. На наш взгляд, кар. *Sorokki* являлось первоначально карельской формой воспринятого от русских нехристианского имени *Сорока*.

⁶² Ср. кар. кличка коровы с головой белого окраса *Valgiepiä* и *valgiepiä* (букв. ‘белая голова’) ‘блондин; со светлыми волосами’.

⁶³ Ср. параллельные карельские формы: *Suobo(i)*, *Suopo*, *Aikašuo* ← *suopa* (именная форма от глагола *suuva* ‘см. выше’). Ср. также в фольклоре женское имя *Suovakko* (= *Лоухи* — хозяйка Севера) и фамилия *Suoppi* — *Soppejev* (Сяргилахта). На наш взгляд, личное имя было переосмыслено из-за утраты первоначального значения, а вследствие созвучия первого слога со словом *suovatta* ‘суббота’ оно стало соотноситься с кличкой животного, рожденного в субботу.

⁶⁴ Ср. родовая фамилия *Suovani*, принадлежавшая проживавшим в селе Шудзеро *Субботиним* и название деревни *Zubottal(u)* (Олонецкая Карелия) ←

- корова **Toičikki**: кар. *toine* (род. пад. *toisen* → *toič-*) ‘второй’, *toisargi* ‘вторник’.
 - ▶ ‘во вторник родившаяся’
 - ▶ ‘второй по возрасту ребенок; второй⁶⁵ из родившихся в двойне, во вторник родившийся’
- корова **Toimikki**: кар. *toimi* ‘сознание, толк, ум, разум; понятность; способность, умение’, *toimekaz* ‘разумный, сообразительный; деятельный, активный’
 - ▶ ‘во вторник родившаяся’
 - ▶ ‘умелый, толковый; разумный’
- корова **Toinikki**⁶⁶: кар. *toine* ‘второй’, *toisargi* ‘вторник’
 - ▶ ‘во вторник родившаяся’ (ср. **Toičikki**)
 - ▶ ‘второй по возрасту ребенок; второй из родившихся в двойне’
- корова **Toirikki**⁶⁷: фин. *toira* (вар. *tundrakurmitsa*) ‘тýлес⁶⁸ — птица семейства ржанковых’. Ср. кар. *kurppa* ‘наименование птицы из разветвленного семейства птиц из отряда

нехристианское имя *Субот(к)а* ‘родившийся в субботу’: карел *Суботка* Корелянин (1597, Шуерцекая волость) [ИК 1987: 217].

⁶⁵ Ср. клички котят одного помета: *Ytti* ‘первый из родившихся’, *Totti* ‘второй из родившихся’, а также наименование дома в деревне Толлорекка — *Tottila*, название которого, видимо, связано с тем, что главой дома был один из двух братьев-тезок, с именем Василий. Ср. также рус. бытовое имя *Второй* / *Вторак*.

⁶⁶ Ср. название деревни *Тойнино* в Корбе (1500, Корельский уезд) [ПКВП 1851: 549] ← ? **Toini* ‘второй’.

⁶⁷ Личное имя было переосмыслено из-за утраты первоначального значения, а вследствие созвучия первого слога со словом *toisargi* ‘вторник’ оно стало соотноситься с кличкой животного, рожденного во вторник.

⁶⁸ *Тулес* имеет заунывный, но довольно мелодичный голос. Птица быстро бежит, делая внезапные остановки и осматриваясь при этом по сторонам. Возможно, что подобные качества / манера передвижения могли быть присущи в т. ч. человеку, носившему имя *Toirikki*.

ржанкообразных; перен. (о человеке) со стройными или тонкими ногами'

- ▶ 'во вторник родившаяся'
- ▶ 'со стройными или тонкими ногами'

- корова **Toivikki**⁶⁹: кар. *toivo* 'надежда; ожидания', фин. *toivokki* 'надежда; мечта'
 - ▶ 'во вторник родившаяся' (ср. **Toičikki**, **Toinikki**)
 - ▶ 'долгожданный ребенок'
- корова **Ton'džikki**: ? ср. кар. *tön'čöi*⁷⁰ 'дурень, придурковатый'
 - ▶ 'во вторник родившаяся' (ср. **Toičikki**, **Toinikki**)
 - ▶ '? дурень; второй по возрасту ребенок; второй из родившихся в двойне'
- корова **Työhikki**⁷¹: кар. *työ(hyt)* 'обработанный лен; работа, дело, занятие'; *työhine* 'льняной'. Ср. также вост.-фин. *työhyri* 'рабочее животное (напр., лошадь)' и кар. *työkkö* 'работящий, трудолюбивый'
 - ▶ 'серо-льняного окраса; ? удойная'
 - ▶ 'с волосами льняного цвета; ? деловитый, активный'
- корова **Tähikki** / **Tähtikki**: кар. *t(i)ähti* 'звезда; родимое пятно'
 - ▶ 'с пятном в виде звезды на лбу; пестрая с преобладанием черного окраса'
 - ▶ 'с родимым пятном на лице или теле'

⁶⁹ Ср. карельское мужское дохристианское имя *Toivottu* и русское нехристианское женское имя *Ждана*.

⁷⁰ Ср. кар. *mančoi* = *man'džoi* 'земляника' и такая же фонетическая модификация: *tön'čöi* — **tön'džöi* ~ ? *ton'džoi*. Например, вариация переднеязычных и заднеязычных гласных в составе одного и того же христианского имени неоднократно фиксируется в карельском языке: *Anikki* / *Ännikkä* 'Аникий', *Doroi* / *Döröi* 'Дорофей', *Huohpo* / *Huöppi* 'Фофан', *Hokka* / *Hökkä* 'Фока', *Hotti* / *Hötti* 'Фотий', *Vaslei* / *Väslä* 'Василий' и др.

⁷¹ Ср. кар. *pelvaspiä* 'светловолосый' (кар. *pelvas* 'лён' + *piä* 'голова').

- корова *Valikki*⁷²: кар. *valkie* ‘белый’, *valijo* ‘(наи)лучший’, *valimo* ‘лучший, самый красивый или любимый’, фин. *valinko* ‘избранный, превосходный, способный, лучший’
 - ▶ ‘белой масти’
 - ▶ ‘внутрисемейное пожелательное / ласкательное имя’
- корова *Vil'ikki*⁷³: кар. *vil'l'a*, фин. *vilja* ‘хлеб, жито’ → кар. ‘сытость; обилие; урожай’, фин. ‘дар’, кар. прилаг. (несклон.) *vil'l'on* ‘порядочный; отличный, отменный’
 - ▶ ? ‘дающая много молока’
 - ▶ ‘пожелательное имя’.

3. Наблюдения и предварительные выводы

Приходится констатировать, что некоторые из предложенных выше этимологий являются гипотетическими. Связано это с тем, что современный исследователь не может в полной мере проникнуть в сознание средневекового человека и точно воссоздать те мотивы, какими руководствовался имядатель, дававший имя ребенку в давние времена. Мы также осознаем, что все представленные выше реконструкции основаны на современных лексических данных, и в целом ряде случаев проблематично говорить о том, какими могли быть значения основ, представленных в личных именах / современных

⁷² Ср. имя *Valittu* и родовая фамилия *Валитов*: Киприан Иванов сын *Валитов* (1711, Кереть) [СГКЭ: 192, 572]. ? Ср. также *Mikita Vallinen* (1631, Керисюръя) [Saloheimo 2011: 65] и Алексей *Валиев* (**Val(l)i*) (1795, Пяозерский погост) [ГААО 1795: 379 об.], а также ? кличка собаки *Valli*.

⁷³ Ср. прибалтийско-финские нехристианские имена *Vilja* (эст. *Vili*), *Viljakka*, *Viljamees*, *Viljatsa*, *Viljatti*, *Viloi* [Forsman 1891: 163] и фин. клички коров: *Vilja*, *Viljakansi*, *Viljakka*, *Viljanen*, *Viljas* [Ojansuu 1912: 44] ← перенос. значение ‘обилие; зажиточность; богатство’ ← *vilja* ‘хлеб, жито’. Ср. также в Керетской волости Якимко *Виллеев* (**Vil'l'o*) [РГАДА 1623: 5 об.].

кличках коров в Средние века / начале Нового времени. Любой язык находится в постоянном развитии, первоначальные значения слов в силу тех или иных причин затемнялись, со временем могли развиваться их дополнительные значения, поэтому исследователю трудно остановиться на какой-либо одной определенной интерпретации антропонимной основы. Даже явная прозрачность мотива именованья не позволяет сделать стопроцентно надежный вывод о том, что лексическое содержание древнего имени реконструировано нами верно. В связи с этим в списке выше предложено в каждом отдельном случае несколько объяснений значения возможных средневековых имен.

Возникает логичный вопрос: следует видеть за всеми из представленных в списке кличками коров старые национальные имена карелов? Выше уже отмечалось, что некоторые из них возникли, видимо, в разное время, на разных территориях благодаря модели именованья коров на *-kki* и, следовательно, с реально существовавшими антропонимами они могут быть и не связаны. Кроме этого, существовали и определенные виды именных универсалий, которые были характерны для разных языковых зон, ср. кличка коровы с пятном на лбу в виде звезды: прибал.-фин. *Tähik(ki) / Tähdikki*, рус. *Звездочка*, швед. *Stjerna* и др.

Следует также учитывать, что реконструированное значение или мотив не обязательно были одинаковы повсюду, поскольку традиция / принципы имянаречения в разных диалектных зонах могли отличаться и зависели в т. ч. от местной антропонимической системы и социокультурного развития языкового сообщества в целом. Другими словами, в данном случае необходимо принимать во внимание тот факт, что каждый раз именующий действовал в соответствии с определенными моделями именованья, принятыми в том или ином коллективе. Это значит, что именующим с детства было усвоено определенное представление о том, каким должно быть имя как по форме⁷⁴, так и по содержанию. Это можно продемонстрировать,

⁷⁴ Это можно видеть в т. ч. на материале кличек коров у карелов. В северной Карелии многие из них имеют финаль *-kki*, в то время как в южной и средней

в частности, на примере клички коровы *Kaunikki* (букв. ‘красавица’), которая может указывать на совершенно разные внешние характеристики животного: 1. корова рыжего окраса, 2. корова белой масти, 3. корова с большими рогами и т. д. Понятно, что основания назвать этим именем человека также могли быть разными⁷⁵: например, красивые волосы, красивая фигура или черты лица, красивые глаза и т. д.

В отличие от Финляндии и Эстонии, клички коров у других прибалтийско-финских народов никто специально не собирал, хотя некоторое их количество, конечно же, можно найти в словарях. Карелоязычные, в частности, представлены в шеститомном словаре карельского языка [KKS]. Планомерный же сбор зоонимов у карелов начался только в 2010-х годах, а это означает, что значительная их часть уже исчезла из карельского языка, и, следовательно, была безвозвратно утрачена информация о возможных нехристианских личных именах, скрывавшихся за ними. В то же время целый ряд зафиксированных у карелов однокоренных кличек крупного рогатого скота фиксируется в Финляндии и Эстонии. Например, около 80 % из представленных в списке кличек с финалью на *-kki* можно видеть среди финноязычных кличек коров из исследования⁷⁶ Хейкки Оянсуу 1912 года. Таким образом, финская зоонимия хранит, видимо, память об общих для финнов и карелов нехристианских личных именах. К сожалению, научные изыскания подобного плана в Финляндии до настоящего времени не проводились.

Карелии в тех же самых кличках она отсутствует: ср. *Ainikki* ~ *Aino*, *Buurikki* ~ *Buuroi*, *Āomikki* ~ *Āommi*, *Juonikki* ~ *Juonoi*, *Kaunikki* ~ *Kauni* и др.

⁷⁵ Ср. (родовые) прозвища карелов XVII века, содержащие лексему *musta* ‘черный, темный’, которые дают определенное представление о возможных мотивах имянаречения человека (мирским) именем **Mustikki / Musta* в прошлом: *Mikita Mustakulku* ‘с загорелой шеей’, *Oska Mustakulma* ‘чернобровый’, *Juri Mustapiä* ‘с черными волосами’, *Ivan Mustasilmä* ‘черноглазый’, *Filip Mustasuu* ‘сквернослов’ [Saloheimo 2011] (ср. также эст. *mustus* ‘волк’). В Финляндии фиксируется в т. ч. кличка коровы *Mustasilmä* ‘черноглазая’ [Ojansuu 1912: 37].

⁷⁶ Всего в списке представлено около 550 кличек крупного рогатого скота.

Параллели карельским именованиям из финского и эстонского языков, несомненно, указывают на древность рассматриваемых вакконимов. Ср. кар. *Enčikki* — фин. *Ensikki* — эст. *Eesik* (— ижор. *Enzoi* — вепс. *Ezikei*); *Kolmoi* — *Kolmikki* — *Kolmik*; *Lehikki* — *Lehdikki* — *Lehik*; *Lemmikki* — *Lemmikki* — *Lemmes*; *Mančikki* — *Mansikki* — *Maasik*; *Mussikki* — *Mustikki* — *Mustik* (— вепс. *Mus'ikii*); *Punikki* — *Punikki* — *Punik* (— ижор. *Punikki*); *Pyhikki* — *Pyhikki* — *Pyhik* (— ижор. *Pyhöi* — вепс. *Pyhikii*); *Tähikki* — *Tähdikki* — *Tähik* (— ижор. *Tähti* — вепс. *Täh'ikii*); *Valikki* — *Vallikki* — *Va(a)lik* и др. Это позволяет предположить, что реконструируемые личные имена, перешедшие со временем в разряд кличек⁷⁷ крупного рогатого скота, могли существовать на прибалтийско-финской прародине уже в период до распада праязыковой общности. Считается при этом, что общий прибалтийско-финский праязык (фин. *myöhäiskantasuomi*) начал распадаться на отдельные диалекты (языки) в самом начале I тысячелетия н. э. [Kallio 2014: 163–164].

Ранее уже отмечалось, что ряд вышеупомянутых именных основ представлен в составе имен, засвидетельствованных в фольклоре и письменных источниках, ср. *Kullikki*, *Kyllikki*, *Lemmittu*, *Mielitty*, *Päiväkkä*, *Suovakko*, *Toivettu* и т. д. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что клички крупного рогатого скота, а также домашних питомцев в целом действительно могут быть использованы в качестве источника реконструкции древних личных имен и мотивов имяназвания.

Рассмотренные выше примеры из зоонимии указывают на то, что в кличках фиксируются, прежде всего, окрас животного, его характерные внешние особенности, а также время рождения (в основном отсылы ко дням недели) и в нескольких случаях — черты поведения / нрава домашнего животного. Некоторые из них, по-видимому, могли быть также ласкательными именами, близкими по характеру внутрисемейным именам и характеризующими отношение владельца к домашнему животному (ср. кличка *Mielikki* ‘любимец, любимый’).

⁷⁷ При дальнейшей разработке данного вопроса есть смысл порассуждать в т. ч. о том, могло ли формирование двух ономастических классов происходить одновременно.

Лексико-семантический анализ реконструируемых на основе кличек коров однокоренных антропонимов свидетельствует о том, что система мотивов имянаречения предков современных карелов во многом была сходна с принципами, положенными в основу мотивации кличек при наделении ими домашних животных. Наиболее распространенными мотивировочными признаками были день и время рождения ребенка, порядок рождения, внешние и физические особенности / характеристики человека (цвет волос, глаз или кожи), а также черты характера (отрицательные, положительные), манера поведения и т. д. Некоторые из них являлись именами пожелательными. В целом можно здесь отметить, что выбор мотивов имянаречения людей был несколько более разнообразным в сравнении с зоонимией.

С поэтапным выходом из активного употребления самобытных личных имен в связи с повсеместным принятием христианской системы имянаречения первоначальные мотивы старых имен постепенно стали забываться. Однако сами имена, как нам представляется, не ушли в небытие, а были перенесены в сферу именованья домашних животных, в частности, коров. В новых условиях людям было также важно видеть определенный внутренний смысл в кличках домашних животных, что привело к появлению нового контекста при именовании. Ср. *Toičikki* ‘1. второй ребенок в семье; 2. родившийся вторым из близнецов’ → ‘(животное) родившееся во вторник’. В некоторых случаях старое личное имя было, видимо, переосмыслено из-за утраты первоначального значения, например, *Toivikki* ‘надежда, желание, ожидание’ (ср. имя *Toivottu*) → ‘корова, родившаяся во вторник’⁷⁸, *Valikki* (вариант *Vallikki*) ‘избранный, отличный,

⁷⁸ Созвучие первого слога некоторых названий дней недели и старых оригинальных имен способствовало появлению в рамках новой системы мотива в именовании крупного рогатого скота, основанного на рождении теленка в определенный день недели: *Toi-mikki*, *Toi-vikki*, *To-n’džikki* ‘рожденный во вторник’ ← *toisarki* ‘вторник’, *Ko-rtikki* ‘рожденный в среду’ ← **kolmasarki* ‘среда’, *Se-rokki* ‘рожденный в среду’ ← *serota* ‘среда’, *Piä-štikki*, *Päi-čikki* ‘рожденный в пятницу’ ← *piätinčä* ‘пятница’, *Suo-bikki* ‘рожденный в субботу’ ← *suovatta* ‘суббота’. Другими словами, можно видеть, что хотя происхождение старых имен

превосходный' (ср. имя *Valittu*) → 'корова белого окраса' (ср. *valkie* 'белый'), *Kul'l'ikki* 'золотце, дорогой, драгоценный, прекрасный; хороший' → 'корова желтоватого / светло-рыжего окраса', *Šarvikki* 'несогласный, скандальный, вспыльчивый; упрямый' → 'с крупными рогами'. Если последняя реконструкция верна, то можно полагать, что не все исконные имена в карельском языке были положительными / позитивными по значению, а могли также указывать и на отрицательные стороны характера именуемого⁷⁹, например, на его недостатки / нравственные пороки и т. д., ср. выше *Čohikki*, *Kuilakki*, *Hiirikki*, *Muurikki* и т. д.

В связи с этим возникает еще один вопрос: были ли подобные имена характерны только для средневекового карельского населения или это ономастическая универсалия, которую можно наблюдать в антропонимии других прибалтийско-финских народов, чьи связи со славянским населением были менее интенсивными и длительными? К сожалению, эта тема совершенно не изучена, поэтому вопрос остается пока открытым. В то же время распространение в прибалтийско-финских языках кличек лошадей⁸⁰ с пейоративными значениями дает, на наш взгляд, возможность осторожно предположить, что и среди вакконимов могли быть клички с оттенками

со временем перестало быть понятным / забылось, в дальнейшем клички животных стали соотносить со словами, означающими дни недели. Подобное развитие можно видеть и на территории Финляндии.

⁷⁹ Внутрисемейные имена могли оставаться у людей всю жизнь, но они могли быть также заменены в общественной среде другими именами, например, после вступления человека в самостоятельную жизнь. Подобных имен-прозвищ общественно-бытового характера было значительно больше в сравнении с внутрисемейными именами, и оснований для их присвоения также могло быть очень много [Суперанская, Сулова 1978: 46].

⁸⁰ Ср. кар. клички лошадей: конь *Burša* 'привередливый', кобыла *Lotukka* 'толстая и тихая', конь *Toračču* 'задиристый', кобыла *Tuisku* 'сердитый', конь *Vingäčču* 'недовольный; раздражительный; недружелюбный' [НКТ]; фин. *Hituva* 'медлительный', *Kipakka* 'горячий (по характеру)', *Kiukku* 'злюка', *Lempo* 'чертяка', *Vikuri* 'норовистый' [Ojansuu 1912] и т. д. Ср., напр., род *Vikuri* в Финляндии в приходе Хуйттинен [Geneanet: Vikuri].

пренебрежения. А всё это вместе позволяет спроецировать ситуацию на более ранний период истории, когда эти же имена были представлены в т. ч. в составе личных имен средневековых прибалтийско-финских народов.

На возможность подобной реконструкции указывают, в частности, русские нехристианские имена (см. выше). Среди них фиксируется определенное количество имен с пренебрежительно-неодобрительными оттенками значения. Кроме этого, карельская фамильная система включает целый ряд фамилий⁸¹, в основе которых лежат прозвищные имена / прозвища с отрицательной коннотацией. Здесь следует отметить, что еще не в столь отдаленное время граница между нехристианскими именами и прозвищами была достаточно зыбкой, о чем, на наш взгляд, свидетельствуют упомянутые выше русскоязычные нехристианские имена с пейоративной семантикой, которые представлены в настоящее время в качестве обзывок и прозвищ.

Карельский находился во взаимодействии с русским языком в течение многих веков. Результатом этого стали в т. ч. заимствования в области антропонимии, куда вошло помимо большого количества христианских имен также некоторое количество имен нехристианских. Нехристианские карелоязычные имена русского происхождения можно видеть также среди женских имен с финалью на *-kki* в народной поэзии, ср. *Slavnikki* ← рус. *славный*⁸². Среди вакконимов, оканчивающихся на *-kki*, подобных кличек все же не так много. Некоторые из них выглядят как будто бы семантически прозрачными,

⁸¹ В основе карельских родовых фамилий в подавляющем большинстве случаев лежит именно мужские имена или прозвища: ср. *Šičši* — *Чучуев* (Каройла) ← *šičši* ‘глупый, глупышка’; *Hoppi* — *Гоннуев* (Хутсельга) ← *hoppi* ‘сварливый; скандальный’; *Varoi* — *Воронин* (Пажала) ← *varoi* ‘разиня’; *Piru* — *Пирьев* (Эс-сойла) ← *piru* ‘черт; чертяка’; *Ručču* — ? (Заячья Сельга) ← *ručču* ‘о небольшого роста немощном или некрасивом человеке’ и многие другие.

⁸² Ср. фин. кличка коровы *Mainio* [Ojansuu 1912: 36], кар. *mainivo*, фин. *mainio* ‘славный, замечательный, прекрасный’. Ср. также славянские женские имена *Мирослава* и *Славина*.

но абсолютной уверенности в том, что они относятся к славянским заимствованиям, нет.

Прямыми параллелями с русскими женскими именами, возможно, являются клички коров *Gostikki / Koštikki* и *Sorokki*, ср. русские женские имена *Гостёна* и *Сорока*, а также вакконимы *Гостя* и *Сорока*. *Kostikki* и *Sorokki* представлены также в вакконимии на территории Финляндии, и по этой причине их стопроцентное включение в состав русских по происхождению кличек может быть несколько преждевременным. Выше уже было отмечено, что из издания Хейкки Оянсуу 1912 года остается непонятным, в какой диалектной зоне они были записаны. Если речь идет о восточной и юго-восточной частях Финляндии, граничивших с карелоязычными и русскоязычными территориями, их соотнесение со славянскими заимствованными именами более вероятно, чем в случае, если эти клички бытовали одновременно также и в южной, центральной и западной Финляндии.

Как и национальные клички коров, которые первоначально были нехристианскими именами⁸³, русские по происхождению вакконимы на *-kki*, указывающие на окрас животного, также могли быть ранее у карелов личными именами. Здесь следует также заметить, что в сравнении с мужскими женские нехристианские имена в письменных источниках на территории России представлены очень ограниченно [Kuzmin 2019: 433], и тем самым о значительной части женских средневековых имен не сохранилось к настоящему времени никакой информации. Для их реконструкции клички домашних животных, а также современные фамилии могут являться ценным сопоставительным материалом. В русском языке, например, бытуют вакконимы *Бурёнка*, *Буранка* и *Буруха*. В документах, в свою

⁸³ Ряд русских кличек коров, вероятно, может также восходить к русскому нехристианскому женскому именику [Смирнов 1971]. Ср. нехристианские женские имена и клички коров в русском языке: женское имя *Ждана* → кличка коровы *Жданка*; *Забава* → *Забава*; *Любава* → *Любава*; *Люба* → *Любка*; *Весёла* → *Весёлка*; *Белава* → *Белава*; *Бажена* → *Бажена*; *Дарена* → *Даренка*; *Милана* → *Милка*; *Блажена* → *Блажная*; *Кудра* → *Кудря*; *Перепёлка* → *Перепёлка*; *Ворона* → *Ворона*; *Галка* → *Галка*; *Сорока* → *Сорока*.

очередь, неоднократно встречаются такие мужские имена, как *Бурейко*, *Бурена*, *Беренко*, *Бурец*, *Бурко* и *Буруха* [Тупиков 1903: 72]. Данный факт, на наш взгляд, позволяет предположить, что в прошлом существовало в т. ч. женское имя **Бурёна*, которое было заимствовано в карелоязычный именник и стало, возможно, прототипом для женского имени **Vuurikki* / **Puurikki*. Видимо, подобным образом образовались возможные карелоязычные женские имена **Serokki*⁸⁴ / **Ser'ukki*: ср. в русском языке имена кобыл *Серуха* и *Серушка*, а также имена жеребцов *Серок* и *Серко*. Лексему *серый* можно также неоднократно видеть в русских фамилиях, например, *Серов*, *Сериков*, *Серюшев*, *Серяков* и др., за которыми, как правило, скрываются личные имена прозвищного характера предков носителей современных фамилий. Ср. также русские мужские имена *Гордой*, *Гордыня*, *Гордята* и клички коров *Гордая*, *Гордыня*, которые также могли стать прообразом для карельского женского имени **Kortikki*.

Можно предположить, что проникновению русских нехристианских имен в карельскую антропонимическую систему способствовала в т. ч. осведомленность, с одной стороны, карелоязычной автохтонной знати, с другой — духовенства о значениях целого ряда имен, что позволяло сопоставлять их между собой. Таким образом, сходство или совпадение значений карельских и русских имен могло поддерживать функционирование двуязычной антропосистемы в конце эпохи Средневековья. На практике это означало, что некоторые отраженные источниками русские имена у карелов являлись, вероятно, «переводами»⁸⁵ имен национальных, первоначально полученных

⁸⁴ Ср. родовое именование *Serkoušin(a)* (Шушки) → имя *Серко*; кличка коровы *Serk(k)o* ‘рожденная в среду’ и кличка кобылы *Serkko* ‘светло-серого или белого окраса’. Здесь можно также отметить кличку лошади *Čalkki* ‘лошадь рыже-чалого окраса с проседью’ → русское *чалый* (масть) → русское нехристианское имя *Чалко* → карельское *čalkki* ‘(о человеке) седоватый; седеющий’, ср. также родовая фамилия в Приграничной Карелии *Čalkki* (рус. *Чалкин*) (Яловуара) [NA] и название деревни в Олонецкой Карелии *Čalkki* (рус. *Чалкосельга*), а также фамилию *Чалков* (Сумский Посад, Кандалакша) [НТК].

⁸⁵ Ср. сведение из села Паданы начала 1960-х годов: «Кличка нашей собаки была по-карельски *Vahti* (букв. ‘страж; охрана’), а по-русски в деревне ее звали

от местных знахарей-арбуев [ПШОК: 68], а затем «узаконенных» православными священниками при «неком акте, подобном крещению», но уже в русскоязычной форме. Ср. кар. *Ainikki*, *Aino* — рус. *Одинец*; *Lemmikki* — *Любава*; *Lušti(kki)* — *Забава*; *Muštikki* — *Чернавка*; *Pienikki* — *Малюта*; *Pikku*, *Pikkaraini* — *Меншик*, *Меншичко*; *Punikki*, *Ruško* — *Рудак*, *Рудачко* и т. д. Таким образом, не следует исключать возможность того, что именно карелоязычная средневековая карельская феодальная знать была первоначально «проводником» антропонимических инноваций на прародине карелов в Приладжье [Кузьмин 2020: 19].

В заключение отметим, что несмотря на то, что данная тема несомненно требует дальнейшего исследования, рассмотренный выше материал позволяет предполагать, что за многими вакконимами с финалью *-kki* могут действительно скрываться средневековые самобытные личные имена карельского населения. Таким образом, детальное и всестороннее изучение кличек домашних животных даст в будущем возможность, по крайней мере попытаться приоткрыть значения прибалтийско-финских нехристианских личных имен и через них проникнуть в мировоззрение средневекового человека и его картину мира.

Список условных сокращений

кар. — карельский язык; фин. — финский язык; эст. — эстонский язык; вепс. — вепсский язык; ижор. — ижорский язык; рус. — русский язык.

Литература

Веселовский 1974 — С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.

Дозором). Можно также привести здесь пару примеров адаптации русскоязычных кличек собак карельским языком: так, эквивалентом русской клички *Цезарь* была карелоязычная форма *Ceka* (Тверская Карелия), а клички *Рекс* — кар. *Reka* (Паданы) [НКТ].

- Кюршунова 2013 — И. А. Кюршунова. Колмак, Колмач ... // Русская речь. 2013. № 2. С. 119–124.
- Смирнов 1971 — А. А. Смирнов. Из зоонимии Горьковской области // Т. А. Исаева, В. А. Никонов (отв. ред.). Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, [б. и.], 1971.
- Суперанская, Сулова 1978 — А. В. Суперанская, А. В. Сулова. О русских именах. Л.: Лениздат, 1978.
- Forsman 1891 — A. V. Forsman. Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalta I. Pakanuuden aikainen nimistö. Yliopistollinen väitöskirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1891.
- Kallio 2014 — P. Kallio. The Diversification of Proto-Finnic // Jo. Ahola, Frog (eds.). *Fibula, Fabula, Fact: The Viking Age in Finland*. (Studia Fennica Historica, 18). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. P. 155–168. DOI: 10.21435/sfh.18.
- Kuzmin 2018 — D. Kuzmin. From the Middle Ages to modern times: the Karelian female name system // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2018. Vol. 64. P. 92–117. DOI: 10.33339/fuf.66558.
- Kuzmin 2019 — D. Kuzmin. Karjalaisten naisten esikristillinen nimistö // *Virittäjä*. 2019. № 3. S. 431–443.
- Kuzmin 2021 — D. Kuzmin. Lehmien ja muiden kotieläinten nimet muinaiskarjalaisten henkilönnimien lähteenä // T. Saarikiv, Ja. Saarikivi (toim.). *Turhan tiedon kirja*. Helsinki: SKS, 2021. S. 215–220.
- Nissilä 1975 — V. Nissilä. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Vammalan Kirjapaino Oy, 1975.
- Ojansuu 1912 — H. Ojansuu. Kotieläintemme suomenkielinen nimistö. Helsinki: Kirjapaino-osakeyhtiö Sana, 1912.
- Tuominen 1995 — E. Tuominen. Orpanasta kusiiniin — serkun nimitykset suomen murteissa // *Kielikello*. 1995. № 2 (электронный ресурс). URL: <https://www.kielikello.fi/-/orpanasta-kusiiniin-serkun-nimitykset-suomen-murteissa> (дата обращения: 24.11.2023).
- Virtaranta 1972 — P. Virtaranta. Polku sammui. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy, 1972.

References

- Forsman 1891 — A. V. Forsman. *Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalta I. Pakanuuden aikainen nimistö*. Yliopistollinen väitöskirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1891.

- Kallio 2014 — P. Kallio. The Diversification of Proto-Finnic. J. Ahola, Frog (eds.). *Fibula, Fabula, Fact: The Viking Age in Finland*. (Studia Fennica Historica, 18). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. P. 155–168. DOI: 10.21435/sfh.18.
- Kuzmin 2018 — D. Kuzmin. From the Middle Ages to modern times: the Karelian female name system. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2018. Vol. 64. P. 92–117. DOI: 10.33339/fuf.66558.
- Kuzmin 2019 — D. Kuzmin. Karjalaisten naisten esikristillinen nimistö. *Virtittäjä*. 2019. No. 3. P. 431–443.
- Kuzmin 2021 — D. Kuzmin. Lehmiä ja muiden kotieläinten nimet muinaiskarjalaisten henkilönnimien lähteenä. T. Saarikivi, Ja. Saarikivi (eds.). *Turhan tiedon kirja*. Helsinki: SKS, 2021. P. 215–220.
- Kyurshunova 2013 — I. A. Kyurshunova. Kolmak, Kolmach... *Russkaya rech*. 2013. No. 2. P. 119–124.
- Nissilä 1975 — V. Nissilä. *Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu: Vammalan Kirjapaino Oy, 1975.
- Ojansuu 1912 — H. Ojansuu. *Kotieläintemme suomenkielinen nimistö*. Helsinki: Kirjapaino-osakeyhtiö Sana, 1912.
- Smirnov 1971 — A. A. Smirnov. Iz zoonimii Gorkovskoy oblasti [From the zoonymy of the Gorky Region]. T. A. Isayeva, V. A. Nikonov (eds.). *Onomastika Povolzhya*. Iss. 2. Gorkiy: [S. n.], 1971.
- Superanskaya, Suslova 1978 — A. V. Superanskaya, A. V. Suslova. *O russkikh imenakh* [About Russian names]. Leningrad: Lenizdat, 1978.
- Tuominen 1995 — E. Tuominen. Orpanasta kusiiniin — serkun nimitykset suomen murteissa. *Kielikello*. 1995. No. 2. Available at: <https://www.kielikello.fi/-/orpanasta-kusiiniin-serkun-nimitykset-suomen-murteissa> (accessed on 24.11.2023).
- Veselovskij 1974 — S. B. Veselovskij. *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow: Nauka, 1974.
- Virtaranta 1972 — P. Virtaranta. *Polku sammui*. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy, 1972.

Наименования саранчи в аккадском и древнееврейском языках

М. Д. Лопатин

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); m. lopatin@spbu.ru; ORCID: 0009-0009-5648-5653

Аннотация. В аккадском и древнееврейском языках засвидетельствованы около двадцати наименований саранчи и схожих насекомых. Разграничить их семантику и уточнить значение терминов позволяют сведения, которые можно почерпнуть из древневосточных текстов различных жанров и типов. В них содержатся описания нашествия саранчи, свидетельства употребления их в пищу и в ходе ритуалов, перечни животных, в том числе насекомых. Некоторые из наименований (акк. *šaṣṣar*, др.-евр. *yālāq* и *ḥāsil*) возможно идентифицировать как обозначения бескрылой стадии развития саранчи.

Ключевые слова: наименования насекомых, саранча, лексические списки, аккадский язык, древнееврейский язык.

Akkadian and Biblical Hebrew locust names

Matvei D. Lopatin

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); m. lopatin@spbu.ru; ORCID: 0009-0009-5648-5653

Abstract. The extremely large biological diversity of species of locusts and similar insects is reflected in Akkadian and Biblical Hebrew, where dozens of designations of various species, phases and stages of development of locusts, as well as grasshoppers, crickets and other similar insects are attested. First of all, in cuneiform and Old Testament sources, these designations are used in descriptions of the invasions of numerous locusts and as a metaphor for numerousness and destructiveness. In such contexts, the Akkadian lexemes *erbu* and *šaṣṣar* are used,

as are the designations for similar insects *kulīlu*, *zizānu* and *šāširu*, and the Hebrew lexemes *ʿarbā*, *ḥāsil*, *yālāq*, (*gob*) *gobay*, *gebim*, *ḥāgāb*, *šalāšal*. On the other hand, the use of locusts and their varieties for food or ritual purposes has been repeatedly documented, which determines the use of various lexemes in appropriate contexts: Akkadian *erbu*, *šaršar*, *ergilu*, *erḥizzu* and *ḥilimmu* and Biblical Hebrew *ʿarbā*, *sālʿām*, *ḥargol* and *ḥāgāb*. The names of locusts and their varieties are widely represented in cuneiform lexicographic texts. In the lists of animals of the 3rd mill. BCE up to 18 different Sumerian designations are mentioned. *bir*₃ / *buru*₅ groups in the Ura series lists of the 2nd and 1st mill. BCE indicate the continuity of the lexicographic tradition in these periods. Particularly important is the problem of identifying the designations of locust development stages. To indicate wingless locusts in cuneiform documents of the 1st half of the 2nd mill. BCE, apparently, the lexeme *šaršar* was used. The Biblical Hebrew lexeme *yālāq* can be unambiguously defined as a designation of the wingless stage. The name *ḥāsil* had probably similar meaning. The term *gāzām*, interpreted by some researchers also as a designation of one of the stages of locust development, could probably indicate another agricultural pest or parasite.

Keywords: insect names, locust, lexical lists, Akkadian, Biblical Hebrew.

1. Введение

В древневосточных письменных источниках II–I тыс. до н. э. засвидетельствовано около двадцати аккадских и древнееврейских лексем, использовавшихся для обозначения разновидностей саранчи и ее скоплений, а также других насекомых, схожих с саранчой по внешнему виду и поведению. Нашествия этих насекомых и их употребление в пищу и в ходе ритуалов десятки раз упоминаются в клинописных и библейских источниках. В шумеро-аккадских лексикографических текстах аккадские наименования разъясняются с помощью шумерских описательных терминов и дополнены орфографическими и фонетическими вариантами, а также, вероятно, близкими по значению терминами.

К наименованиям саранчи относятся, прежде всего, собирательные термины акк. *erbu* (*erebu*, *aribu*, *er(e)bû*)¹ и др.-евр. *ʾarbā*, которые могли употребляться в качестве архисемы или при перечислении различных обозначений скоплений, видов, фаз и стадий развития саранчи и других насекомых: акк. *ergilu*, *erhizzu*, *ḥilimmu*, *kulīlu*, *ṣarṣar(u)*, *ṣāširu*, *zirzirru*, *zizānu*² и др.-евр. *gebim* (**geb(ā)*), (*gob*) *gobay*, *gāzām*, *ḥāḡāb*, *ḥāsīl*, *ḥargol*, *yālāq*, *sālʿām*, *ṣālāṣal*. Некоторые из данных лексем не указывали на собственно саранчу в современном биологическом понимании, указывая, например, на кузнечика или цикаду. Тем не менее обозначаемые такими терминами животные могли ассоциироваться с саранчой или даже восприниматься в качестве ее разновидностей.

Столь большое разнообразие терминов может быть косвенно связано с особенностями ареала обитания, внешнего вида, поведения и жизненного цикла саранчи и схожих по внешнему виду и поведению насекомых. Во-первых, представители семейства настоящих саранчовых (*Acrididae*) отряда прямокрылых насекомых (*Orthoptera*) нередко достаточно схожи с насекомыми семейства настоящих сверчков (*Gryllidae*) и настоящих кузнечиков (*Tettigoniidae*) того же отряда, которые, однако, реже представляют угрозу сельскому хозяйству [Лачининский 2020: 3–4]. Во-вторых, саранча представлена на Ближнем Востоке прежде всего двумя видами: пустынной саранчой (*Schistocerca gregaria*) и марокканской саранчой (*Dociostaurus maroccanus*) [Radner 2004: 7–10]; гораздо реже наблюдаются численные вспышки среди популяций перелетной саранчи (*Locusta migratoria*) [Çiplak 2021: 9]. Пустынная и марокканская саранча могут отличаться друг от друга по внешним признакам, поведению, биотопу и жизненному циклу [Heimpel 1996: 102–103]. В-третьих, популяции этих видов могут существовать в двух фазах: одиночной

¹ О способах выписывания этой лексемы в клинописной графике и вариантах ее транскрибирования см. [SED II: 15].

² Порядка двадцати других наименований и их орфографических и фонетических вариантов засвидетельствованы только в шумеро-аккадских лексикографических текстах, см. *Раздел 4*.

и стадной (т. н. полифенизм). Именно во время второй фазы насекомые представляют большую угрозу хозяйственной деятельности человека. В-четвертых, многообразие терминов для саранчи обусловлено жизненным циклом животного. Прежде чем перейти в имаго (взрослую стадию), личинки проходят через пять линек. Они меньше взрослых особей, но обладают в целом тем же строением тела, за исключением одной немаловажной особенности: личинки не приспособлены к полету и передвигаются «пешком», в то время как взрослые особи с развитыми крыльями способны летать [Лачининский 2020: 7–14].

Помимо основных словарей аккадского языка, т. е. В. фон Зодена [АНw] и Чикагского [CAD], особенности семантики наименований саранчи в клинописных текстах рассмотрены в работе выдающегося ассириолога XX века Б. Ландсбергера [Landsberger 1934], где наряду с их перечислением в шумеро-аккадских лексических списках I тыс. до н. э. приводятся известные на тот момент контексты употребления лексем в текстах других жанров. Среди первых работ, посвященных анализу древнееврейских обозначений саранчи, их этимологии и способам передачи в древних переводах Ветхого Завета (на греческий, арамейский, латинский), исследования Л. Кёлера [Köhler 1926] и О. Р. Селлера [Sellers 1938], результаты которых отражены, в частности, в соответствующих словарных статьях HALOT. Другие публикации посвящены отдельным группам клинописных источников, где упоминаются наименования саранчи, в связи с ее нашествиями [Heimpel 1996; Radner 2004; Duhan-Kaplan 2024] и употреблением в пищу [Lion, Michel 1997; Kelhoffer 2004]. Разновидности саранчи широко представлены и в лексических списках III–II тыс. до н. э., опубликованных в последние два десятилетия в рамках проекта DCCLT.

В настоящей статье сопоставлены известные сегодня контексты употребления аккадских и древнееврейских наименований саранчи и схожих видов с целью разграничения и уточнения их семантики и, как следствие, более глубокого понимания рассматриваемых источников. Чрезвычайно важным представляется сопоставление клинописных и библейских описаний нашествий саранчи и свидетельств

употребления ее в пищу и в ритуалах с данными шумеро-аккадских лексикографических текстов, получивших распространение по всему Древнему Ближнему Востоку (включая Египет, Восточное Средиземноморье, Анатолию, Месопотамию и Иран) в III–I тыс. до н. э. Именно в пространных перечнях тематически сгруппированных наименований животных опыт взаимодействия с многообразием живой природы находит наиболее детальное отражение. При этом компоненты значения для аккадских лексем в лексических списках нередко дают их шумерские эквиваленты, состоявшие из родового имени и видовых эпитетов и использовавшиеся для классификации животных. В *Разделе 2* приведены контексты употребления наименований саранчи, в которых описываются разрушительные нашествия вредителя. В *Разделе 3* рассмотрены свидетельства употребления саранчи и подобных ей видов в пищу и в ритуальных целях. *Раздел 4* посвящен перечням разновидностей саранчи в шумеро-аккадских лексикографических текстах. В *Разделе 5* рассмотрен вопрос семантики аккадских и древнееврейских наименований, которые могли обозначать стадии развития саранчи.

2. Нашествия саранчи (по клинописным и ветхозаветным источникам)

Разрушительные нашествия саранчи, уничтожающей сельскохозяйственные культуры, неоднократно засвидетельствованы в клинописных документах. Так, в письмах из г. Мари (ок. 1770–1760 гг. до н. э.) описаны нашествия саранчи в областях Каттунан, Терка и Саггаратум в долине р. Хабур (приток р. Евфрат в Северной Месопотамии), способы борьбы с этим вредителем и меры по устранению нанесенного им ущерб³. В большинстве контекстов в отношении

³ ARM 27 26–34, 38, 79, ARM 34 38, ARM 3 62, ARM 2 107 (см.: [Heimpel 1996: 114–117]); ср. также FM 16 15, 19. Здесь и далее сокращения ассириологических изданий следуют списку Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen

саранчи использован термин *erbû* (BURU₅(.HI.A)), засвидетельствована также лексема *šaršar* (*šanšar*, *šaššar*) [Lion, Michel 1997: 708]. По мнению В. Хаймпеля, речь в обоих случаях должна была идти о нашествиях марокканской саранчи (*Dociostaurus maroccanus*), на что могут указывать описанные в данных источниках особенности годичного цикла и поведения животных: в отличие от пустынной (*Schistocerca gregaria*), марокканская саранча откладывает яйца в сухой каменистой почве, а ее нашествия происходят, как правило, весной и в начале лета, что соотносится с описаниями в старовавилонских письмах из Мари [Heimpel 1996: 112–113]. Другое нашествие саранчи упоминается в среднеассирийских письмах VATSH 4 2 и 3 (ок. 13 в. до н. э.) из г. Дур-Катлимму в северо-восточной Сирии. Саранча (*e-re-bi-ú* / BURU₅.MEŠ) пожирает урожай, в том числе растения *elmeltu* (вероятно, обозначение нута) в области Вашшуканни и угрожает посевам льна в соседней области Хана [Radner 2004: 13–15]. О массовом отлове и уничтожении саранчи (*er-bi-ú*, *e-ra-bi-ú* / BURU₅(.mušen)(.MEŠ)), в том числе кладок ее яиц, докладывают чиновники ассирийского царя Саргона II в письмах SAA 1 103, 104, 221 и NL 103, датируемых концом 8-го в. до н. э. [Radner 2004: 15–18].

Саранча (*erebû* / BURU₅(.HI.A)) неоднократно упоминается среди других насекомых, а также грызунов и червей в магических текстах I тыс. до н. э. серии zu₂-bu₅-dab-be₂-da (шум. ‘чтобы схватить зуб саранчи’), описывающих ритуалы, защищающие посевы от вредителей и паразитов (издание текстов серии см. [George, Taniguchi 2010]). Нашествия (*tibûtu* / ZI)⁴ саранчи фигурируют также в астрологических отчетах, в гадательных текстах и текстах предсказаний [CAD E: 257]. Помимо основного наименования *erbu* (BURU₅(.HI.A)) в текстах этих жанров упоминаются обозначения схожих насекомых, встречающиеся с *erbu* в одной группе bu₅ в лексических списках (см. Раздел 4),

Geshichte: https://rla.badw.de/fileadmin/user_upload/Files/RLA/03_Abkverz_Ende_Nov2018.pdf.

⁴ Акк. *tibûtu* (от глагола *tebû* ‘подниматься, выдвигаться, нападать’) нередко использовалось в отношении ‘нападений’ вражеских войск и ‘нашествий’ различных животных [CAD T: 391–392; ANw: 1356].

а именно акк. *kulīlu* ‘подёнка’ или ‘стрекоза’⁵, *zizānu* ‘цикада, сверчок’⁶ и *ṣāširu* ‘сверчок’⁷. В ассирийских царских надписях с массовыми нашествиями саранчи (*e-re-bi / a-ri-bi* / BURU₅.II.A) сравнивается военное вторжение (как самих ассирийских войск, так и, наоборот, враждебных Ассирии⁸), а также разрушающий посевы скот⁹; многочисленной саранче уподобляется бесчисленный скот, захваченный у противника¹⁰.

В ветхозаветных источниках на древнееврейском языке также неоднократно описаны нашествия саранчи. В Книге Исход (Ex 10.4–19) приводится описание того, как саранча-²*arbā*, принесенная ‘восточным’¹¹ ветром, обрушивается на Египет и уничтожает всю растительность. Параллельные описания в Книге Псалмов упоминают саранчу-²*arbā* вместе с ее разновидностями *ḥāsil* (Ps 78.46) и *yālāq* (Ps 105.34). Нашествие саранчи ²*arbā* и подобных ей насекомых предрекается в Книге пророка Иоили (Jo 1.4, 2.25), см. *Раздел 5*. В схожих контекстах упоминаются ‘полчища’ саранчи *gobay* (Am 7.1) [HALOT: 173] и наименования ее разновидностей или схожих с ней насекомых

⁵ В частности, SB *Ālu* 61 111–120 [Freedman 2017: 147–148].

⁶ SB *Ālu* 88 28, где термин *zizānu*, по всей видимости, отождествляется с BURU₅.II.A [Boddy, Mittermayer 2023].

⁷ SB *Ālu* 85NZK 92 [Boddy 2023]; SB *Ālu* 38 54’–64’ [Freedman 2006: 276–279].

⁸ *Kīma [t]ibūt aribī* ‘словно нашествие саранчи’ (Sg. II 1: 86); *kīma tibūt aribī ma’di ša pān šatti* ‘словно нашествие многочисленной саранчи (в) начале года (т. е. весной)’ (Senn. 22: v 56; 23: v 47; 230: 57); GIM ZI-ut/ti-bu-ut BURU₅.II.A ‘словно нашествие саранчи’ (Asb. 3: iv 41; 4: iv 8’; 6: v 63; 7: v 7; 13: viii 9) [RINAP].

⁹ *Kīma erebī dikūti būl karāšīya ina ušallīšu addīma* ‘словно стаю саранчи, я пустил скот моего лагеря на его луга’ (Sg. II 65: 187) [RINAP].

¹⁰ *Ša eli* BURU₅.II.A/MEŠ *ma’du* (Esarh. 33: r iii 8’; Asb. 9: v 65; 11: vi 94; 155: r 13; 188: o 6, 13; 217: o 20’) [RINAP].

¹¹ Возможны иные интерпретации др.-евр. *qādim* в данном контексте, в частности, ввиду древнегреческой (LXX) передачи *vóton* ‘южный’; с другой стороны, вероятно, др.-евр. *qādim* указывало на силу ветра, подробнее см. [Duhan-Karlan 2024: прим. 4].

ḥāḡāb (2Chr 7.13) и *ṣəlāṣal* (Dt 28.42)¹². О саранче *ʿarbä* и *ḥāsil* упомянуто как о вредителе в 1Reg 8.27 // 2Chr 6.28. Как и в клинописных текстах, наименования саранчи нередко упоминаются в сравнениях, прежде всего, в качестве метафоры многочисленности и разрушительности (*ʿarbä* в Ju 6.5 и 7.12, Jer 46.23; *ʿarbä* и *yäläq* в Na 3.15; *ḥāsil* и *gebim* в Is 33.4). В Книге пророка Иоиля, напротив, сама саранча сравнивается с конным войском и воинами, наступающими в боевом построении (Jo 2.4–7) [Duhan-Kaplan 2024].

3. Употребление разновидностей саранчи в пищу и в ритуальных целях

В клинописных и ветхозаветных источниках засвидетельствовано употребление саранчи и ее разновидностей в пищу. В старовавилонских письмах и документах из Мари, Ларсы, Ура, Сиппара и других месопотамских городов в качестве продукта питания, в одном ряду с наименованиями пряных трав, круп, бобовых, мучных изделий и рыб, упоминаются наименования *erbu* и *ṣarṣar*¹³, а также *ergilu* и *erḥizzu*, которые могли использоваться в качестве обозначений схожих с саранчой прямокрылых насекомых (ARM 27 64). В старовавилонских и новоассирийских письмах описывается ловля саранчи, которая, вероятно, потом поставлялась в качестве продукта питания (ARM 3 62; ARM 2 107; SAA 1 221). По всей видимости, саранча-*ṣarṣar* могла использоваться в приготовлении ферментированного соуса-*ṣiqqum* (Goetze Sumer 14 17); фрагмент «Ассирийского сонника» Sm 2073 iii 9 упоминает *ÚTUL BURU₃.mušen*, вероятно, ‘суп из саранчи’ [Lion, Michel 1997: 717–719].

¹² В библиестике звукоподражательный термин *ṣəlāṣal* идентифицируется как ‘сверчок’ [HALOT: 1031]; созвучное аккадское *ṣarṣar* обозначает стадию развития саранчи в текстах II тыс. до н. э., см. *Раздел 5*.

¹³ ARM 2 136; AbB 2 140–141; AbB 9 15; AbB 9 152; ARM 23 101; SLB 1/2 65; UET 5 32.

В клинописных ритуальных текстах разновидности саранчи, обозначаемые терминами *erbu*, *ḫilimmu* и *ergilu*, могут выступать в качестве ингредиента в различных снадобьях и притираниях. Один из медицинских текстов рекомендует больному употребление соуса-*šiqqum* из саранчи, разбавленного гранатовым соком (BAM 7 2b = AMT 31/1) [Geller 2005: 44]. В другом медицинском тексте описано использование порошка из высушенного насекомого BURU₅ SAḪAR.RA ‘саранча пыли / грунта’ (AMT 74/1 iii 13–14) [Choukassizian Eupper 2016: 38–39]. Насекомое *ergilu* используется в двух обрядах притираний для лошадей, в одном из текстов вместе с *ḫilimmu* (K.4873 r 1’–5’; KAR 91 49’) [Maul 2013: 26–28].

Важнейшим ветхозаветным свидетельством употребления саранчи в пищу является описание разрешенных в пищу насекомых и их перечисление в Книге Левит (Lv 11.21–22). Перечисленные древнееврейские наименования *’arbä*, *säl’äm*, *ḫargol* и *ḫägäb* отнесены к группе *šäräš ha-’op* ‘кишачие (из) летающих’ на стыке двух классов, в иных контекстах друг с другом не пересекающихся (ср. Gn 1.20–21 и Lv 11.47). Описание животных как имеющих четыре ноги и две дополнительные конечности ‘выше ног’, названные *kärä’ayim*, позволяют однозначно идентифицировать перечисленные наименования как обозначения насекомых отряда прямокрылые, а именно саранчи, кузнечиков и сверчков, поскольку характерной чертой именно этого отряда являются удлинённые задние ноги, обеспечивающие способность к прыжку [Лачининский 2020: 3]. Термин *’arbä* использовался в качестве собирательного обозначения саранчи и засвидетельствован в библейском корпусе 25 раз; наименование *ḫägäb* встречается 5 раз при описании нашествий этого насекомого (2Chr 7.13) и в качестве метафоры ничтожности (Nu 13.32–33; Is 40.22); лексемы *säl’äm* и *ḫargol* — *hapax legomena* [Kelhoffer 2004: 298–300; HALOT: 83, 290, 350, 758].

По крайней мере два из данных четырех древнееврейских терминов этимологически связаны с аккадскими наименованиями. Наиболее частой лексеме *’arbä* соответствует аккадский собирательный термин для саранчи *erbu* [SED II: 15–16]. С библейским гапаксом *ḫargol* соотносится аккадская лексема *ergilu*, засвидетельствованная в ритуальных текстах (см. выше). Высказывались предположения

о родстве др.-евр. *ḥāsil* и акк. *suḥsilu* [CAD S: 349]¹⁴; в последнем подразумевалось бы некое S-приращение. Если предположить схожий префикс в библейском *sāl'ām*, то это позволило бы связать др.-евр. *sāl'ām* с акк. *ḥilammu*, где еврейской графемой ^ε (y), возможно, передан звонкий вулярный /ǵ/, отраженный в аккадском через ḫ-знак¹⁵.

4. Саранча и подобные ей виды насекомых в клинописной лексикографической традиции

К памятникам клинописной лексикографической традиции, зародившейся уже в конце IV тыс. до н. э. и просуществовавшей вплоть до I в. н. э., относятся многочисленные списки слов и знаков, составлявшиеся как в рамках школьного образования, так и для царских и храмовых коллекций. В тематических лексических списках наименования животных в большинстве своем собраны в группы под тем или иным шумерским обозначением животного, с которым все другие относящиеся к группе виды имеют определенные общие признаки. С помощью шумерских наименований саранчи *bir*₅ и *buru*₅ объединялись группы, главным образом крупных насекомых, среди которых могли быть виды, фазы и стадии развития саранчи, кузнечиков, сверчков, цикад, а также креветок (или других ракообразных) и стрекоз или мух-подёнок. Каждое шумерское наименование в этих группах начиналось с «классифицирующей» леммы *bir*₅ / *buru*₅ ‘саранча’ и могло иметь эпитет, указывавший на отличительные особенности конкретного животного (например, *buru*₅ *gal* ‘большая саранча’).

¹⁴ Предлагались также другие варианты происхождения лексем. В. фон Зоден считает акк. *suḥsilu* стяжением слов *s/šuhšu* (“ein Gegenstand?”) и *ilu* ‘бог’ [АНw: 1055]. Высказывались предположения о родстве др.-евр. *ḥāsil* и угарит. *ḥsn* (также одно из обозначений саранчи) [SED II: 144–145]. По мнению Дж. Хюнергарда, в древнееврейском изначальная форма **ḥasīn* получила в конце -l из-за ассоциации с корнем HSL ‘пожирать, уничтожать’ [Huehnergard 1999: 90].

¹⁵ Об отражении фонемы /ǵ/ в аккадском через знаки ḫ-серии см. [Kogan 2001].

В списках 2-й пол. II — 1-й пол. I тыс. до н. э. шумерские термины отождествляются с аккадскими наименованиями, которые в основном либо этимологически не связаны с шумерскими, либо калькируют их. Перечисленные шумерские составные обозначения по большей части не засвидетельствованы вне лексикографического корпуса в текстах на шумерском языке, который окончательно вышел из бытового употребления уже во II тыс. до н. э. Многие аккадские наименования, напротив, неоднократно упоминаются в текстах других жанров. Подобная разница в употреблении может указывать на искусственный характер шумерских обозначений, состоявших, подобно современной латинской терминологии, из родового имени и видовых эпитетов и использовавшихся для классификации животных.

В лексических списках III — 1-й пол. II тыс. до н. э., где приводятся только шумерские наименования без аккадских эквивалентов, саранча обозначалась лексемой bir_5 , записанной с помощью знака NAM, в некоторых случаях в сочетании с детерминативом $.mu\check{s}en$ ‘птица’ для птицы или любого летающего существа. Теми же знаками выписывалось наименование ласточки $sim.mu\check{s}en$, в связи с чем в списках III тыс. до н. э. шум. $bir_5.mu\check{s}en$ ‘саранча’ встречается в паре со своим омографом шум. $sim.mu\check{s}en$ ‘ласточка’ в списках наименований птиц, где отличить одно обозначение от другого в некоторых копиях позволяет фонетический комплемент $-ra$ после bir_5 (ED Birds 95–96) [DCCLT: Q000018; Veldhuis 2004: 225–226]. В других списках шум. bir_5 встречается при перечислении преимущественно сухопутных животных. В раннединастическом списке животных из Шуруппака TŠŠ 46 (ок. 26 в. до н. э.) сохранилось 12 строк с упоминаниями различных животных bir_5 ¹⁶; шумерские обозначения приведены разрозненно среди наименований главным образом сухопутных животных.

¹⁶ TŠŠ 46 [DCCLT: P010717] o vii стк. 4–7: bir_5 anše ‘саранча осла?’; bir_5 gi-zi ‘саранча тростника’; bir_5 sug_x ‘саранча стебля’; bir_5 saġ-GURUŠ ‘саранча saġ-GURUŠ’; стк. 16–19: $\{bir_5\} saġar$ ‘саранча пыли’; $\{bir_5\} \check{s}aġ_4$ ‘саранча сердца’; $\{bir_5\} lu_2$ ‘саранча человека’; $\{bir_5$ gi₆ ‘черная саранча’; vii стк. 12: bir_5 zu₂ ‘саранча зуба’; ix стк. 1: bir_5 A-NE-NE ‘саранча A-NE-NE’; стк. 6: bir_5 ġir₂ ‘саранча-скорпион’; стк. 10: bir_5 MU DU ‘саранча MU DU’.

Животные bir_5 перечислены в лексических списках из Эблы (ок. 24–23 вв. до н. э.). В списке МЕЕ 3 19+ три строки, где использовано шум. bir_5 , сохранились лишь частично¹⁷; им предшествует перечисление, в котором упомянуты змеи- $muš$, паразиты и вредители $eḥ$ и $uṃan_x$, а также $giriš_x$ ‘бабочка’, затем следует вредитель $piḡ_2-ki-ma$ и другие наименования, чтение и идентификация которых затруднены. Единый перечень животных bir_5 в списке МЕЕ 3 22+ o vii 4’ — r i 10 приводит 18 шумерских наименований¹⁸. Кроме того, знак bir_5 , по всей видимости, использован в акрографических¹⁹ списках МЕЕ 15 24+ r iii 2’–5’ и МЕЕ 15 27 o iii’ 1’–2’, а также в списке слов МЕЕ 3 53 o v 3 в сочетании с $uṃan$ ‘паразит’ [DCCLT: P242218, P241497]. Почти все шумерские наименования в этих списках (за исключением bir_5 ‘саранча’ без эпитета и $bir_5 saḥar(-ra)$ ‘саранча пыли’) не встречаются в списках II–I тыс. до н. э.

В лексикографической традиции старовавилонского периода (1-я пол. II тыс. до н. э.) перечни животных bir_5 также представлены, однако их состав и местоположение в ряду других групп существенно отличается от более ранних списков. В списках серии Ura из Ниппура (OB Nippur Ura 3) [DCCLT: Q000001] беспозвоночные в первый раз перечисляются среди групп вредителей и паразитов $eḥ$ и $uṃan_x$ (стк. 329–343), после которых следует группа nim ‘мухи’ (стк. 344–354), затем — перечень восьми наименований разновидностей bir_5 -‘саранча’ (стк. 355–362) и после него — $reš_2$ -‘мыши’ (стк. 363–370). По всей видимости, саранча и подобные ей виды перечислены после группы nim -‘мухи’, также в большинстве своем летающих насекомых, в то время как с группой $reš_2$ -‘мыши’

¹⁷ МЕЕ 3 19+ [DCCLT: P245653] o vii 7–9: ‘ bir_5 ’ (...); bir_5 - bir_5 ; bir_5 ‘x’.

¹⁸ МЕЕ 3 22+ [DCCLT: P242220] o vii 4’ — r i 10, чтение и интерпретация многих эпитетов затруднены: bir_5 ; $bir_5 gi-<zi>$; $bir_5 anše_2$; $bir_5 zi-zi-nu$; bir_5-zum ; $bir_5 zi-du-zi-tum$; $bir_5 dal-dal$; $bir_5 kur$; (...) $bir_5-sa-um$; $bir_5-PI-zi-lum$; $bir_5 armanu_x(LAK263)^{ma-nun}$; $bir_5 saḥar$; $bir_5 de_3$; $bir_5 anše_2$; $bir_5 gi-<zi>$; $bir_5 DAR$; $bir_5 ditan_x$; $bir_5 lu_2-A$.

¹⁹ Т. е. таких, где перечни слов организованы не тематически, а графически, по первому знаку [Veldhuis 2014: 8–10].

многие виды из списка bir_5 объединяет потенциальная угроза посевам и урожаю, т. е. отнесение к вредителям сельского хозяйства²⁰.

Каждое из восьми наименований bir_5 -группы в списке OB Nippur Ura 3 355–362²¹ известно из более поздних списков. По всей видимости, к данной группе отнесено обозначение креветок или других ракообразных bir_5 ab-ba досл. ‘саранча моря’²², а также богомола bir_5 ensi досл. ‘саранча — толкователь снов’, практически не засвидетельствованного вне лексикографических текстов²³ [Landsberger 1934: 124]. Термин bir_5 ġa₂-nu tir-ra досл. ‘саранча «иди в лес»’²⁴ мог использоваться в качестве обозначения сверчков; в пользу подобной идентификации говорит его аккадский эквивалент *šāširu* в более поздних списках. Лексема bir_5 ir-gi-lum, вероятно, обозначала схожее с саранчой насекомое, на это указывают контексты употребления аккадского эквивалента *ergilu*, см. *Раздел 3*²⁴.

²⁰ Во фрагменте N 4662 группе bir_5 предшествует список паразитов и вредителей eġ-группы; сам перечень bir_5 состоит лишь из трех наименований [DCCL: P231088]. Фрагмент лексического списка из Суз MDP 27 255 o 9 — r 1 перечисляет три вида bir_5 -типа ($[bir_5]$, bir_5 gir-gi₄-lum, $[bir_5^1AD^?ŠE^?]$) после ġir₂-‘скорпионов’ и перед неким вредителем DAG.KISIM₅ [DCCL: P247538].

²¹ bir_5 ‘саранча’; bir_5 gal ‘большая саранча’; bir_5 ab-ba ‘саранча моря’; bir_5 saġar-ra ‘саранча пыли’; bir_5 tur-tur ‘крошечная саранча’; bir_5 ensi (//EN.TIR) ‘саранча — толкователь снов’; bir_5 ġa₂-nu tir-ra ‘саранча «иди в лес»’; bir_5 ir-gi-lum ‘саранча irgilum’ [DCCL: Q000001].

²² Ассоциативная связь между саранчой и ракообразными прослеживается также в обозначении лангуста в европейских языках, восходящем к лат. *locusta* ‘саранча’; в старовавилонских письмах и документах на аккадском языке неоднократно упоминаются животные BURU₅ AB.BA / *erbī tāmti* в качестве продукта питания [Lion et al. 2000].

²³ Ср. др.-греч. μάντις ‘прорицатель’, ‘богомол’; насекомое μάντις воспринималось в качестве разновидности ἄκρις ‘саранча, кузнечик’ [Beavis 1988: 85].

²⁴ Схожее обозначение bir_5 gir-gi₄-lum встречается в старовавилонском списке из Суз MDP 27 255 o 10 (см. выше прим. 20). Обычно лексема gir-gi₄-lu₂ (giri₁₆-i-lu, kir₄-gi₄-lum, gur₈-gal) с детерминативом птицы .mušen и ее аккадские эквиваленты *girgili* и *šayāḫu* использовались в качестве обозначения птицы, по всей видимости, чайки [Veldhuis 2004: 244–246].

В клинописных источниках 2-й пол. II тыс. — I тыс. до н. э. шумерский термин bir_5 (NAM) выходит из употребления, а в качестве обозначения саранчи и подобных ей видов используется термин $buru_5$ (NAM.ERIM) и его графический вариант $buru_5^v$ (HU.ERIM), которые в текстах более ранних периодов указывали, как правило, на разновидность мелких птиц [Veldhuis 2004: 224–231]. В лексических списках 2-й пол. II тыс. до н. э. еще встречается написание bir_5 , а именно в списке животных из г. Эмар Msk 731086 (Emar 6/1 p. 166) о iii 21'–23' + o iv 1–6 [DCCLT: P271388], где, как и в старовавилонских списках, группа bir_5 помещена между nim -‘мухами’ и $re\check{s}_2$ -‘мышьями’, однако ее состав расширен. Среди по меньшей мере девяти наименований встречаются разновидности встречающихся и в более ранних списках обозначений. Так, упомянуты два схожих термина bir_5 gun_3 -nu и bir_5 gun_3 -nu tir-ra (стк. о iv 1–2), восходящие к bir_5 $\hat{g}a_2$ -nu tir-ra ‘саранча «иди в лес»?’ в старовавилонских списках. В паре с bir_5 ir-gi-lum в этом списке стоит вариант bir_5 ir-gi-zum (стк. о iv 3–4), ранее, по крайней мере в таком написании, не встречавшийся. В одном ряду с наименованием богомола bir_5 ensi ‘саранча — толкователь снов’ вписан, по всей видимости, его подвид bir_5 ensi a-ša₃-ga досл. ‘саранча — толкователь снов полевая’ (стк. о iv 5–6).

В списках животных Ura 14 2-й пол. II тыс. до н. э. (LTBA 1 47 + KAL 8 75)²⁵ и 1-й пол. I тыс. до н. э. (LTBA 1 40, 44 и 46, UET 7 136) шумерские наименования приводятся в одном ряду с их аккадскими эквивалентами. Саранча и подобные ей виды также представлены группой $buru_5$, однако порядок следования групп существенно отличается от старовавилонских списков. Группа $buru_5$ в Ura 14 230–249 следует после наименований черепах и крабов (акк. *šeleppū, raqqu, kušū, alluttu*) и перед наименованиями насекомых, которые по-шумерски выписаны с помощью знаков DAG+KISIM₅×Ú.GÍR (kisim, zibin₂, šurin₅, šarin) и идентификация которых затруднена [DCCLT: Q000089; MSL 8/2: 28]. Только затем следует группа наименований

²⁵ Перечень шумерских и аккадских наименований животных $buru_5$ также частично сохранился на фрагменте средневавилонского списка из Ниппура CBS 13663 (UAVA 12/2 421) [DCCLT: P268680].

вредителей и паразитов eĥ, дополненная обозначениями червей и личинок (za-na, maġ и др.), после которой идет группа niġ ‘мухи’²⁶. Ассоциация между крабами и разновидностями саранчи, вероятно, объясняется включением в группу buru₅ креветки buru₅ a-ab-ba = *ereb tâmti* ‘саранча моря’, обитающей в сходном с крабами биотопе. После группы buru₅ идут насекомые под составным обозначением DAG+KISIM₅×Ú.GÍR, а также паразиты и вредители eĥ-группы; эта последовательность, по всей видимости, связана с тем, что по меньшей мере несколько животных в каждой из этих групп представляли угрозу человеку и сельскому хозяйству.

Состав шумерских наименований группы buru₅ в списках 2-й пол. II — 1-й пол. I тыс. до н. э. не только дополнен аккадскими эквивалентами, но и существенно расширен: если в старовавилонских списках к группе bir₅ относилось восемь наименований, то в более поздних списках перечислены 19 различных шумерских наименований группы buru₅, каждое в паре со своим аккадским эквивалентом. Помимо засвидетельствованных в более ранних списках обозначений, здесь перечислены также обозначения стрекозы или мухи-подёнки (акк. *kulġlu*)²⁷, сверчков (акк. *šāširu*)²⁸, дополнительные наименования разновидностей богомолы (акк. *sikdu*, *adudillu*)²⁹, а также в конце группы двух других насекомых, ассоциируемых со звуком, который

²⁶ В параллельном списке из Ашшура LTBA 1 45 r ii 5–24 группа buru₅ приводится непосредственно перед группой eĥ [DCCLT: P370368].

²⁷ Ura 14 237: шум. buru₅ id₂-da ‘саранча реки’ = акк. *ku-li-lum*; ср. также buru₅ id₂(-da) = BURU₅ *na-a-ri* в параллельном списке LTBA 1 45 r ii 5 и в медицинском глоссарии Uruanna III 196 [DCCLT: P370368; MSL 8/2: 57].

²⁸ Ura 14 240–241: шум. buru₅ za-pa-aĝ₂ ‘саранча голоса’ = акк. *ša-ši-ru* и его лесной «подвид» buru₅ MIN(za-pa-aĝ₂) tir-ra ‘лесная саранча голоса’ = MIN(*ša-ši-ru*) *qiš-ti* [DCCLT: Q000089].

²⁹ Ura 14 246–247: шум. buru₅ sa^{sa}-a₂-a ‘уравнивающая’ саранча’ = акк. *si-ik-du* и шум. buru₅ su₃-ud-ra (//sa-dir в LTBA 1 45 r ii 22) ‘саранча дали’ = акк. *a-du-dil-lum* [DCCLT: Q000089]; в комментариях к лексическим спискам (Murgud B3 r i’ 4–5) и медицинском глоссарии Uruanna (III 199) приравняются, по всей видимости, к обозначению богомола buru₅ ensi = *šā’ilu* [MSL 8/2: 46, 57].

они издают (акк. *lallartu*, *šaṣṣaru*)³⁰. Шумерские эпитеты, сопровождающие «классифицирующую» лемму *bir*₅/*buru*₅, могут указывать на размер (*gal* ‘большой’ или *tur-tur* ‘крошечный’), биотоп (*saḥar* ‘пыль’, *(a-)ab-ba* ‘море’, *id*₂ ‘река’, *tir* ‘лес’, *a-ša*₃ ‘поле’), издаваемый звук (*za-ra-aḡ*₂ ‘голос’, *ḥa-mu-un* ‘гармония’, музыкальный инструмент или жанр музыкального произведения *balaḡ*³¹) или более сложные ассоциации (*ensi* ‘толкователь снов’)³².

Некоторые из аккадских наименований саранчи и подобных ей видов известны из комментариев серии *Murgud* I тыс. до н. э., где обозначения из списков *Ura* дополнены фонетическими или орфографическими вариантами или разъясняются с помощью других лексем. В комментарии К.152+ (*Murgud* A2) r ii 14’–15’ общему обозначению саранчи (акк. *erebû*) и наименованию ‘крошечной саранчи’ (акк. *zirzirru*) даны варианты акк. *kallabûnu* и *zunzunu*, соответственно. В другом тексте комментария К.4330 (*Murgud* B3) r i’ 6 встречается не засвидетельствованное в других текстах шумерское сочетание *buru*₅ *si*₁₂^{si}-*tu*, значение и аккадский эквивалент которого не известны. Общее аккадское наименование саранчи *erebu*, приравненное к акк. *kalabuttu*, отождествляется с шум. *buru*₅.*mušen* в комментарии к списку птиц *Rm* 2 339+ (*Murgud* B 4) r ii 3 [DCCLT: P393770, P365320, P385911].

Медицинский глоссарий *Uruanna* III 189–205 перечисляет 16 парных шумеро-аккадских наименований группы *buru*₅, среди которых восемь аккадских обозначений, не встречающихся в лексических

³⁰ *Ura* 14 248–249: шум. *buru*₅ *ḥa-mu-un* ‘саранча гармонии’ = акк. *lal-lar-tum* ‘плакальщица’ и шум. *buru*₅ *balaḡ-ga-na* ‘саранча своего *balaḡ*’ = акк. *šaṣ-ša-ru* [DCCLT: Q000089]; см. ниже, прим. 31.

³¹ Шумерский термин *balaḡ* изначально обозначал струнный инструмент, игра на котором сопровождала ритуалы-*balaḡ*, однако позднее его заменил ударный инструмент акк. *lilissu*, в связи с чем шум. *balaḡ* стало использоваться в качестве обозначения также и ударного инструмента [Gabbay 2014: 129–138].

³² Параллельный список *LTBA* 1 45 упоминает также наименования шум. *buru*₅ *tur* ‘малая саранча’ = акк. *zîru* (r ii 7) и шум. *ḥuru*₅¹ *gub-ba* ‘саранча стояния’ = акк. *saḥnu*² (r ii 21) [DCCLT: P370368], идентификация которых затруднена.

списках серии Ura, равно как и вне лексикографического корпуса в целом³³. «Практический ашшурский словарь» (стк. 422с–i) перечисляет известные из других списков наименования, а также упоминает *zizru* (фонетический вариант *zirziru* ‘крошечная саранча’) и сопоставляет *buṛu₅ saḥar-ḡa* ‘саранча пыли’ с акк. *kirbān eqli* (LAG.A.ŠÀ), досл. ‘полевой ком’ — наименованием растения, известным из медицинских текстов [MSL 8/2: 70].

5. Обозначения стадий развития саранчи в клинописных и ветхозаветных источниках

Некоторые из наименований разновидностей саранчи указывали не столько на отдельные ее виды или схожих животных, сколько на ту или иную стадию развития насекомого. Принципиально важным для идентификации таких терминов является способность животного к полету, поскольку у личинок саранчи крылья еще не развиты, однако они уже могут собираться в стаи и наносить значительный ущерб сельскому хозяйству. В силу этой особенности от стадии развития мог зависеть способ борьбы с вредителем, что также находило отражение на лексическом уровне.

В письмах из Мари ARM 27 27–28, адресованных царю Зимри-Лиму (18 в. до н. э.), в качестве обозначения бескрылой стадии развития саранчи засвидетельствована аккадская лексема *ṣarṣar*. В одном из контекстов, по всей видимости, она выписана с помощью шумерограммы BURU₅, обычно использовавшейся для написания собирательного термина *erbu*³⁴. Письма описывают нашествие саранчи в области Катгунан в долине р. Хабур (приток Евфрата). По указанию

³³ Среди них, в частности, BURU₅ *ti-bu-ti* ‘саранча нашествия’, BURU₅ *ga-ra-bi* ‘саранча болезни-*garābu*’, BURU₅ *zi-bu-ú* ‘саранча (растения?) *zibú*’, BURU₅ *qaq-qa-da-nu* ‘головастая саранча’ [MSL 8/2: 57–58].

³⁴ ARM 27 27 стк. 7: {BURU₅! *šu-ú*}, в стк. 6 и 21 выписано *ṣa-ar-ṣa-ar šu-ú* [ARCHIBAB: T7615].

царя, наместник этой области Закира-Хамму пытался остановить передвижение саранчи, заполнив каналы водой, однако этот метод не принес ожидаемых результатов. Кроме того, на поля, где находилась саранча, было отправлено население области и скот, чтобы уничтожить и растоптать как можно больше насекомых, ARM 27 28 4–24³⁵:

‘[Ранее я] уже [один] раз, два раза [писал] моему господину по поводу саранчи-*ṣarṣar*, и мой господин так мне [написал:] «канал Шадитум [водой] наполни так, чтобы они не смогли (его) пересечь»; [это] написал мне мой господин. Теперь же, как было написано моим господином, я наполнил канал Шадитум водой, но, после того как они (все же) пересекли канал Шадитум, они и реку Хабур пересекли, и по канавам, орошающим поля, они пересекли Шадитум, (хотя) канавы (теперь) наполнены. Также я созвал и привлек (к работам население) всей области, включая женщин и детей³⁶, какую (саранчу) можно было уничтожить, я уничтожил. Овец, (принадлежащих) служащим-*guzalû* из жителей этой страны, я собрал, какую (саранчу) можно было растоптать, они растоптали³⁷’.

Попытка справиться с нашествием саранчи при помощи воды и скота говорит о том, что здесь идет речь о популяции, которая еще

³⁵ ARM 27 28 4–24: ⁴ [i-na pa-n]i-tim-ma aš-šum ṣa-[†]ar-ṣa-ar¹ ⁵ [ki-ma l]-šū 2-šū a-na še-er be-lí-ia ⁶ [aš-pu-ra]-am ù be-lí ki-a-am ⁷ [iš-pu-r]a-am um-ma-mi i₇.ša-di-tam ⁸ [me-e mu]-ul-li-ma ak-ki-ma la i-ib-bi-ru ⁹ [an-ni-tam b]e-lí iš-pu-ra-am ¹⁰ [†]i-na-an¹-na ki-ma na-aš-pa-ar-ti ¹¹ be-lí-ia i₇.ša-di-tam me-e ú-ma-li-ma ¹² iš-tu ša-di-tam i-ib-bi-ru ¹³ ù i₇.ḥa-bu-úr i-ib-bi-ir-ma ¹⁴ i-na li-bi a-ta-ap-pa-tim ¹⁵ ša A.ŠĀ.ḪI.A i-ša-aq-qú-ú ¹⁶ i₇.ša-di-tam i-bi-ra-am-ma ¹⁷ li-bi a-ta-pa-tim ma-li ¹⁸ ù ḥa-al-ša-am ka-la-šū ¹⁹ ar-gu-um-ma a-di MUNUS.MEŠ ²⁰ še-eḥ-ri-im ù še-ḥe-er<-tim>-ma ²¹ al-pu-ut-ma ša ki-ma ma-ḥa-ší-im ²² am-ḥa-aš UDU.ḪI.A gu-za-li ša DUMU.MEŠ ma-tim ²³ ú-pa-aḥ-ḥi-ir-ma ša ki-ma ka-ba-si-im ²⁴ ik-bu-sa [ARCHIBAB: T7616].

³⁶ Досл. ‘мальчика и девочку’.

³⁷ О тех же событиях в схожих формулировках повествует другое письмо наместника Закира-Хамму царю Зимри-Лиму ARM 27 29 6–19, однако вместо лексемы *ṣarṣar* использован собирательный термин *erbu*, а на уничтожение саранчи посылается не только мелкий, но и крупный рогатый скот [Heimpel 1996: 116].

не вышла на последнюю, крылатую стадию [Heimpel 1996: 110–111]. По всей видимости, лексема *šaršar* указывала именно на бескрылую саранчу, при этом она оставалась разновидностью *erbu*, как на это указывает использование шумерограммы BURU₅ в ARM 27 27 и выписанной фонетически лексемы *erbu* в схожем по содержанию письме ARM 27 29. Саранча-*šaršar* (*šanšar*) упоминается также в старовавилонских письмах из Мари и Шадупшума (ARM 2 136 и Goetze Sumer 14 17) в качестве продукта питания [Lion, Michel 1997: 718, прим. 50, 54].

Помимо старовавилонских писем лексема *šaršaru* засвидетельствована в лексических списках 2-й пол. II тыс. — 1-й пол. I тыс. до н. э. Список животных Ura 14 (LTBA 1 40 и 44) 249 упоминает акк. *šaršaru* последним при перечислении группы *buru₅* [DCCLT: Q000089]. Здесь она отождествляется с шум. *buru₅ balaĝ-ga-na* ‘саранча своего *balaĝ*’ (иначе: ‘полевая саранча-*balaĝ*’ [Lion, Michel 1997: 710]), в то время как шум. *balaĝ* само по себе обозначает либо музыкальный инструмент, либо ассоциируемый с ним музыкальный жанр, см. *Раздел 4*, прим. 31. В медицинском глоссарии Uruanna III 262a *šaršaru* отождествляется с *šāširu* [MSL 8/2: 64]. В списке Ura 14 (LTBA 1 44 и 46, UET 7 136) 240–241 термин *šāširu* и его лесной «подвид» *šāšir qišti* упомянуты отдельно от акк. *šaršaru* и отождествляются с шум. *buru₅ za-ra-aĝ₂* ‘саранча-голос’ и *buru₅ za-ra-aĝ₂ tir-ra* ‘лесная саранча-голос’; при этом в параллельном списке LTBA 1 45 r ii 15–16 к этим шумерским обозначениям опять-таки приравнены, соответственно, *šaršaru* и *šaršar qilte*. Помимо этого, в Ura 14 252 лексема *šāširu* использована в перечне насекомых-паразитов DAG₅+KISIM×Ú.GÍR, идентификация которых затруднена, и отождествляется с шум. ^{šu-ri-in}*šurin₅* [DCCLT: Q000089]. Вне лексикографического корпуса термин *šāširu* засвидетельствован в качестве личного имени [CAD Š: 115], в текстах предсказаний, где он ассоциируется с издаваемым животным звуком³⁸, и в ритуальных

³⁸ SB *Ālu* 38 55’–57’: DIŠ *ša-ši-ru ina É NA ma-diš GÙ*. [DÉ.DÉ...]/DIŠ *ša-ši-ru ina ka-la u₄-mi G[Ú.DÉ.DÉ...]*/DIŠ *ša-ši-ru ina ka-la GI₆ GÙ*. [DÉ.DÉ...] ‘если *šāširu* в доме человека часто стре[кочет...],/если *šāširu* целый день ст[рекошет...]/если *šāširu* всю ночь стре[кочет...]’ [Freedman 2006: 276–277].

текстах среди сельскохозяйственных вредителей, нередко в одном ряду с обозначением саранчи *erbu* [George, Taniguchi 2010: No. 10 12', 15 6', 23 o 10', r 1, 24 ii 19].

Таким образом, в лексических списках 2-й пол. II тыс. — 1-й пол. I тыс. до н. э. принципиально важной характеристикой насекомых как *šaršaru*, так и *šāširu* являются издаваемые ими звуки, что находит отражение в шумерских эквивалентах *buru₅ balaĝ-ga-na* 'саранча своего инструмента-balaĝ' и *buru₅ za-ra-aĝ₂* 'саранча-голос'. Эта ассоциация, наравне со звукоподражательным характером лексемы и семантикой когнатов (евр. постбибл. *šaršūr* и иудео-арам. *šaršarā* 'сверчок' [SED II: 278]), послужила основанием для отождествления *šaršaru* / *šāširu* со 'сверчком' уже в работах Б. Ландсбергера [Landsberger 1934: 124]. Однако подобное отождествление расходится с приведенными контекстами (письма), свидетельствующими о том, что насекомые-*šaršar* представляют угрозу для сельского хозяйства, в то время как ущерб, наносимый сверчками (сем. *Gryllidae*), незначителен [Çiplak 2011: 3]. Кроме того, в старовавилонских источниках вместо наименования *šaršar* в аналогичных контекстах могла использоваться архисема *erbu* / *BURU₅*. В ритуальных текстах I тыс. до н. э. родственное обозначение *šāširu* опять-таки встречается при перечислении сельскохозяйственных вредителей в одном ряду с *erbu*, но не в качестве его аналога³⁹. По всей видимости, это свидетельствует об изменении семантики наименования *šaršaru*: в текстах I-й пол. II тыс. до н. э. оно указывало на бескрылую стадию развития саранчи, а в текстах I тыс. до н. э. — вместе со своим фонетическим вариантом *šāširu* — отсылало, по-видимому, к сверчкам или им подобным, на что могут указывать эквиваленты в лексических списках и когнаты.

Помимо *šaršaru*, в качестве обозначений различных стадий развития саранчи в лексических списках, вероятно, могли использоваться

³⁹ На разницу в употреблении двух терминов указывает описание ритуала в тексте BM 45686+55561 серии *zu₂-buru₅-dab-be₂-da*, стк. ii 19–20: *DÙ.DÙ. BI BURU₅.ZA.PA.ÁG šá 'i' UDU DÙ-u[š ina IZI] / ŠUB-di ÉN an-nit ŠID-nu BURU₅ i-[tel-li]* 'Его ритуал: ты сделаешь *šāširu* из курдюка, бросишь [в огонь], прочитаешь это заклинание. Саранча-*erbu* [уйдет]' [George, Taniguchi 2010: 129, 133].

наименования, указывающие на размер, а именно перечисленные в начале группы *buru₅* такие термины, как: *ṣinnarabû* (или *ṣinnarbû*, отождествл. с шум. *buru₅ saĝ* ‘саранча-голова’ и *buru₅ gal* ‘большая саранча’), *ḫilimmu* (или *ḫilammu*, отождествл. с шум. *buru₅ gal* ‘большая саранча’), *zirzirru* (или *zerzerru*, отождествл. с шум. *buru₅ tur-tur* ‘крошечная саранча’) ⁴⁰ и *zīru* (*zirru*, отождествл. с шум. *buru₅ tur* ‘маленькая саранча’ в ЛТВА 1 45 r ii 7). Лексема *ṣinnarabû* не засвидетельствована вне лексикографического корпуса [Landsberger 1934: 122], равно как и термин *zīru* (в основном значении — ‘мелкий’) [CAD Z: 136]. Наименование *ḫilimmu* используется в ритуальных текстах MDP 18 253 5 и KAR 91 r 12, однако контексты не указывают на какие-либо особые характеристики животного.

Лексема *zirzirru* упомянута в качестве параллели собирательному термину *erebu* в новоассирийском гимне Саргона II богине Нанайе (8 в. до н. э.), SAA 3 4 r ii 24’–25’ ⁴¹: ‘*erebu* злобный, губящий злаки / *zirzirru* недобрый, высушивающий сады’ ⁴². Данный контекст не дает оснований для однозначной идентификации животного *zirzirru*. Этот термин вполне мог указывать здесь на бескрылую стадию (ср. шумерский эквивалент *buru₅ tur-tur*, см. выше), подобно *ṣarṣar* в старовавилонских документах. Вместе с тем в качестве вредителя плодовых деревьев логичнее было бы ожидать упоминания взрослой, крылатой стадии, более приспособленной к залезанию на деревья.

Некоторые из древнееврейских наименований разновидностей саранчи также представляется возможным идентифицировать как стадии развития насекомого. Так, в Книге Наума при описании грядущего падения Ниневии приводится несколько сравнений, в которых

⁴⁰ Комментарий К. 152+ (Murgud A2) r ii 15’ отождествляет акк. *zirzirru* с акк. *zunzunu* [DCCLT: P393770].

⁴¹ SAA 3 4 r ii 24’–25’: *ṣi-in-nu e-re-bu mu-ḫal-liq áš-na-¹an¹ / lem-nu zi-ir-zi-ru mu-ub-bil ṣip-pa-a-¹ti¹* [SAA 3: 16].

⁴² Акк. *ṣippatu*, согласно CAD, является синонимом *kirû* ‘сад’, употребляемым в поэтических текстах; нередко используется в отношении плодовых садов [CAD S: 202–203].

не связанных с саранчой насекомых, а именно ‘таракана’ и ‘гусеницы’, соответственно [Köhler 1926: 331–332]. По предположению К. А. Креднера, выдвинутому еще в 1831 г., все четыре термина обозначали четыре различных стадии развития одного и того же насекомого [Thompson 1955: 54]⁴⁷. Это предположение развивает О. Р. Селлерс, обосновывая такую идентификацию эквивалентами в библейских переводах и семитскими когнатами. По его мнению, лексемой *’arbä* обозначалась заключительная стадия развития саранчи, т. е. взрослая летающая, откладывающая яйца, далее упомянут *yäläq* как обозначение первой стадии развития бескрылых личинок и *ḥäsil* — как последней, и последним в перечислении должно стоять наименование *gâzâm*, указывавшее, по его мнению, на взрослую, готовую к полету саранчу. В связи с этим исследователь предлагает эмэндацию текста Jo 1.4, переместив *gâzâm* с первого места в перечислении на последнее [Sellers 1938].

Наименование *ḥäsil*, помимо рассматриваемого контекста, встречается также в параллели с *’arbä* в Ps 78.46 и 1Reg 8.37 // 2Chr 6.28 и в Is 33.4 вместе с *gebim*, другим собирательным термином для саранчи или обозначением полчищ саранчи (ед. ч. **gebä*) [HALOT: 170]. Схожим образом в одном ряду с *’arbä* употребляется обозначение *yäläq*, благодаря описанию в Na 3.16 (см. выше) однозначно идентифицируемое как бескрылая стадия развития саранчи. В связи с этим и термин *ḥäsil*, скорее всего, должен был указывать на бескрылую стадию, однако определить в имеющихся контекстах, какое насекомое «взрослее» — *yäläq* или *ḥäsil*, едва ли представляется возможным. Обозначение *gâzâm* засвидетельствовано только в Jo 1.4 // 2.25 и Am 4.9⁴⁸. В последнем контексте термин *gâzâm*, в отличие от *yäläq* и *ḥäsil*, стоит в одном ряду не с наименованиями саранчи,

⁴⁷ В HALOT для обеих лексем даны два варианта интерпретации [HALOT: 187, 337–338].

⁴⁸ Am 4.9 [BHS]: הַיְתִי אֶתְכֶם בְּשִׁדְפוֹן וּבִזְרָקוֹן הַרְבֹּת גְּנוּזֵיכֶם וְכַרְמֵיכֶם וְתַאֲנִיכֶם וְזֵיתֵיכֶם יֶאֱכַל יְאֵם יְהוָה: ‘Я порази́л вас головно́й и плесенью, в большо́м количестве ваши сады и виноградники, твои смоквы и оливы пожрет *gâzâm* — а вы (до сих пор) не вернулись ко мне, — говорит יהוה’.

а с обозначениями болезней растений, вероятно, по типу головни или спорыньи (*šiddāpon* и *yerāqon*⁴⁹). Вероятно, ущерб, который наносило растениям животное *gāzām*, был схож с ущербом от этих болезней. В связи с этим лексема *gāzām* могла подразумевать не стадию развития саранчи, а другого сельскохозяйственного паразита (или скопление паразитов), чем, возможно, и объясняется различное местоположение *gāzām* при перечислениях в Jo 1.4 и 2.25. Таким образом, можно предположить, что лишь три (*ʿarbā*, *yälāq*, *ḥāsil*) из четырех перечисленных в Книге Иоила наименований вредителей растений являлись обозначениями стадий развития саранчи.

6. Заключение

Сопоставление контекстов употребления аккадских и древнееврейских обозначений саранчи и схожих насекомых позволяет, систематизируя и дополняя данные уже имеющихся исследований, разграничить специфику наименований:

1. Собираательные термины: акк. *erbu* и др.-евр. *ʿarbā*;
2. Обозначения угрожающих сельскому хозяйству:
 - 2.1. Бескрылых стадий развития саранчи: акк. *šaršar* (также продукт питания, позднее — ‘сверчок’) и др.-евр. *ḥāsil* и *yälāq* (вероятно, в некоторых контекстах синонимичные);
 - 2.2. Некрупных разновидностей: акк. *zirzirru* (в одном ряду с *erbu*) и др.-евр. *ḥāgāb* (прямокрылое, также продукт питания);

⁴⁹ Два термина, как правило, встречаются вместе и должны указывать на некие разновидности грибковых заболеваний, главным образом культивируемых злаковых культур [Moldenke, Moldenke 1952: 142]. Л. Кёлер обращает внимание на передачу в Септуагинте др.-евр. *ḥāsil* (а также *šälāšal* в Dt 28.42) в четырех случаях как др.-греч. ἐρυσίβη, как правило, обозначающего заболевание растений [Köhler 1926: 330]; И. Бивис, тем не менее, считает ἐρυσίβη здесь наименованием саранчи [Beavis 1988: 69].

- 2.3. Иных насекомых: акк. *kulīlu* ‘подёнка’, *zizānu* ‘цикада, сверчок’ и *ṣāšīru / ṣarṣaru* ‘сверчок’ (разновидности *erbu*) и др.-евр. *ṣālāṣal* и *gāzām* (в одном ряду или схожих с *ʿarbä* описаниях);
- 2.4. Вероятно, полчищ саранчи или схожих насекомых: др.-евр. *gebim* (**geb(ā)*) и (*gob*) *gobay*;
3. Обозначения саранчи или других прямокрылых, употребляемых в пищу или в ритуальных целях: акк. *ḫilimtu* (крупная разновидность *erbu*), *ergilu* и *erḫizzu* (другие разновидности *erbu*) и др.-евр. *sālʿām* и *ḫargol* (вместе с *ḫāḡāb* в одном ряду с *ʿarbä*).

Наименования саранчи и ее разновидностей широко представлены в клинописных лексикографических текстах, где в качестве разновидностей ‘саранчи’ *bir*₅ / *buru*₅ / *erbu* приведены десятки шумерских и аккадских обозначений животных. В перечнях насекомых *bir*₅ в списках животных III тыс. до н. э. упоминается вплоть до 18 различных шумерских обозначений, по-видимому, широкого круга насекомых и других членистоногих; большинство из этих терминов в более поздних списках не представлены. Состав групп *bir*₅ / *buru*₅ в списках серии Уга II–I тыс. до н. э., напротив, свидетельствует о преемственности лексикографической традиции в эти периоды. При этом перечень шумерских терминов, впоследствии дополненный аккадскими эквивалентами, неоднократно расширялся, от восьми наименований в старовавилонских списках до 19 парных шумеро-аккадских обозначений в новоассирийских копиях. Поменялось и местоположение перечня относительно других групп животных: изначально следовавшие в списках после не крупных летающих насекомых и перед грызунами, термины группы *bir*₅ / *buru*₅ позднее заняли место между обозначениями крабов и сельскохозяйственных вредителей и включали наименования не только разновидностей саранчи и других прямокрылых (кузнечиков, сверчков), но и, например, богомолы, подёнок, цикад и креветок (или иных ракообразных). В других лексических списках и комментариях в перечнях *buru*₅, наряду с орфографическими и фонетическими вариантами известных

обозначений, приводится около десяти дополнительных синонимичных терминов, не встречающихся вне лексикографического корпуса.

Особо стоит проблема идентификации обозначений нелетающих стадий саранчи. Для указания на бескрылую саранчу в клинописных документах 1-й пол. II тыс. до н. э., по всей видимости, использовалась аккадская лексема *šaršar*; в более поздние периоды этот термин стал использоваться в качестве обозначения сверчка. Некоторые из наименований, перечисленных в лексических списках, вероятно, также могли обозначать стадии развития саранчи (крупные разновидности *šinnarabû* и *ḫilimmu* и некрупные *zirzirru* и *zirru*), однако эти термины либо не встречаются вне лексикографического корпуса, либо контексты их употребления не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть эту идентификацию. В древнееврейском языке однозначно определить как обозначение бескрылой стадии можно лексему *yäläq*. По-видимому, схожую семантику имело наименование *ḥâsil*, которое, как и *yäläq*, употребляется в паре с *ʾarbä* (и также *gebim*), однако вместе с *yäläq* в *Jo* 1.4 // 2.25 могло несколько отличаться от него по смыслу. Термин *gâzâm*, благодаря упоминанию в одном ряду с *yäläq* и *ḥâsil* интерпретируемый некоторыми исследователями также как обозначение одной из стадий развития саранчи, вероятно, мог указывать на другого сельскохозяйственного вредителя или паразита, ущерб от которого сравним с вредом от заболеваний сельскохозяйственных растений.

Список условных сокращений

акк. — аккадский; др.-греч. — древнегреческий; др.-евр. — древнееврейский; евр. постбибл. — еврейский постбиблейский; иудео-арам. — иудео-арамейский; лат. — латинский; угарит. — угаритский; шум. — шумерский; м. р. — мужской род; ж. р. — женский род; ед. ч. — единственное число; мн. ч. — множественное число; отождествл. — отождествляется.

Литература

Лачининский 2020 — Руководство по трем видам стадных саранчовых на Кавказе и в Центральной Азии. Биология, экология и поведение. ФАО;

- A. Лачининский. 2020 (электронный ресурс). URL: <https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cb0879ru> (дата обращения: 01.07.2024). DOI: 10.4060/cb0879ru.
- AHw — W. von Soden. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965–1974.
- ARCHIBAB — ARCHIBAB (Archives babyloniennes, XXe–XVIIe siècles) (электронный ресурс). URL: <https://www.archibab.fr/> (дата обращения: 01.07.2024).
- Beavis 1988 — I. C. Beavis. Insects and other Invertebrates in Classical Antiquity. Exeter: University of Exeter Press, 1988. DOI: 10.5949/liverpool/9780859892841.001.0001.
- BHS — K. Elliger, W. Rudolph (eds.). Biblia Hebraica Stuttgartensia, 5. Auflage. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.
- Boddy 2023 — K. Boddy. Šumma Ālu T. 85NZK // electronic Babylonian Library. 2023 (электронный ресурс). URL: <https://www.ebl.lmu.de/corpus/D/2/1/SB/85NZK> (дата обращения: 01.07.2024).
- Boddy, Mittermayer 2023 — K. Boddy, C. Mittermayer. Šumma Ālu T. 88 // electronic Babylonian Library. 2023 (электронный ресурс). URL: <https://www.ebl.lmu.de/corpus/D/2/6/SB/88> (дата обращения: 01.07.2024).
- CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago: Oriental Institute, 1956–2010. Vol. A1–Z.
- Choukassizian Eypper 2016 — S. Choukassizian Eypper. Diseases of the Feet in Babylonian-Assyrian Medicine. A study of Text K. 67+ // Le Journal des Médecines Cunéiformes. 2016. No. 27. P. 1–58.
- Çiplak 2021 — B. Çiplak. Locust and Grasshopper Outbreaks in the Near East: Review under Global Warming Context // Agronomy. 2021. No. 11 (электронный ресурс). URL: <https://www.mdpi.com/2073-4395/11/1/111> (дата обращения: 01.07.2024). DOI: 10.3390/agronomy11010111.
- DCCLT — Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts. University of California, Berkeley, 2003– (электронный ресурс). URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/> (дата обращения: 01.07.2024).
- Duhan-Kaplan 2024 — L. Duhan-Kaplan. Locusts: YHWH’s Army // TheTorah.com. 2024 (электронный ресурс). URL: <https://thetorah.com/article/locusts-yhwhs-army> (дата обращения: 01.07.2024).
- Freedman 2006 — S. M. Freedman. If A City is Set on a Height: The Akkadian Omen Series *Šumma Alu ina Mele Šakin*. Vol. 2. Tablets 22–40. Philadelphia: The University of Pennsylvania Museum, 2006.
- Freedman 2017 — S. M. Freedman. If A City is Set on a Height: The Akkadian Omen Series *Šumma Alu ina Mele Šakin*. Vol. 3. Tablets 41–63. Winona Lake: Penn State University Press; Eisenbrauns, 2017. DOI: 10.1515/9781575067698.

- Gabbay 2014 — U. Gabbay. The Balaḡ Instrument and its Role in the Cult of Ancient Mesopotamia // J. Goodnick Westenholz, Y. Maurey, E. Seroussi (eds.). *Music in Antiquity: The Near East and the Mediterranean*. Berlin; Boston; Jerusalem: De Gruyter; Hebrew University Magnes Press, 2014. DOI: 10.1515/9783110340297.129.
- Geller 2005 — M. J. Geller. *Renal and Rectal Diseases*. (Die Babylonisch-assyrische Medizin VII). Berlin: De Gruyter, 2005. DOI: 10.1515/9783110914931.
- George, Taniguchi 2010 — A. R. George, J. Taniguchi. The Dogs of Ninkilim, Part Two: Babylonian Rituals to Counter Field Pests // *Iraq*. 2010. Vol. 72. P. 79–148.
- HALOT — L. Koehler, W. Baumgartner. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Vol. 1–5. Leiden; New York; Köln; Boston: Brill, 1994–2000.
- Heimpel 1996 — W. Heimpel. Moroccan Locusts in Qaṭṭunan // *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*. 1996. Vol. 90. No. 2. P. 101–120.
- Huehnergard 1999 — J. Huehnergard. On the etymology and meaning of Hebrew *nābī* // *Eretz-Israel*. 1999. Vol. 26. P. 88–93.
- Kelhoffer 2004 — J. A. Kelhoffer. Did John the Baptist Eat like a Former Essene? Locust-eating in the Ancient Near East and at Qumran // *Dead Sea Discoveries*. 2004. Vol. 11. No. 3. P. 293–314. DOI: 10.1163/1568517042643756.
- Kogan 2001 — L. Kogan. *ḡ in Akkadian // *Ugarit-Forschungen*. 2001. Vol. 33. P. 263–298.
- Köhler 1926 — L. Köhler. Die Bezeichnungen der Heuschrecke im Alten Testament // *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*. 1926. Bd. 49. H. 4. S. 328–333.
- Landsberger 1934 — B. Landsberger. Die Fauna des Alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie ḪAR-ra = *hubullu*. Leipzig: Hirzel, 1934.
- Lion, Michel 1997 — B. Lion, C. Michel. Criquets et autres insectes à Mari // *MARI*. 1997. Vol. 8. P. 707–724.
- Lion et al. 2000 — B. Lion, C. Michel, P. Noël. Les Crevettes dans la documentation du Proche-Orient ancien // *Journal of Cuneiform Studies*. 2000. Vol. 52. P. 55–60. DOI: 10.2307/1359685.
- Maul 2013 — S. Maul. Ein altorientalischer Pferdesegen — Seuchenprophylaxe in der assyrischen Armee // *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. 2013. Vol. 103. No. 1. S. 16–37. DOI: 10.1515/za-2013-0004.
- Moldenke, Moldenke 1952 — H. N. Moldenke, A. L. Moldenke. *Plants of the Bible*. Waltham; New York: The Chronica Britannica Co.; Stechert-Hafner, 1952.
- MSL 8/2 — B. Landsberger. *The Fauna of Ancient Mesopotamia*. Second Part: ḪAR-ra = *hubullu*. Tablets XIV and XVIII (Materialien zum Sumerischen Lexikon VIII/2). Rome: Pontificum Institutum Biblicum, 1962.
- Radner 2004 — K. Radner. Fressen und gefressen werden. Heuschrecken als Katastrophe und Delikatesse im Alten Orient // *Die Welt des Orients*. 2004. Vol. 34. P. 7–22.

- RINAP — The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period. University of Pennsylvania, 2011– (электронный ресурс). URL: <https://oracc.museum.upenn.edu/rinap/> (дата обращения: 01.07.2024).
- SAA 3 — A. Livingstone. Court Poetry and Literary Miscellanea. (State Archives of Assyria 3). Helsinki: Helsinki University Press, 1989.
- SED II — A. Militarev, L. Kogan. Semitic etymological dictionary. Vol. II: Animal Names. Münster: Ugarit-Verlag, 2005.
- Sellers 1936 — O. R. Sellers. Stages of Locust in Joel // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. Vol. 52. No. 2. P. 81–85. DOI: 10.1086/370473.
- Thompson 1955 — J. A. Thompson. Joel's Locusts in the Light of Near Eastern Parallels // Journal of Near Eastern Studies. 1955. Vol. 14. No. 1. P. 52–55. DOI: 10.1086/371242.
- Veldhuis 2004 — N. Veldhuis. Religion, literature, and scholarship: the Sumerian composition Nanše and the Birds, with a catalogue of Sumerian bird names. Leiden; Boston: Brill; Styx, 2004. DOI: 10.1163/9789047405771.
- Veldhuis 2014 — N. Veldhuis. History of the Cuneiform Lexical Tradition. Münster: Ugarit-Verlag, 2014.

References

- AHw — W. von Soden. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965–1974.
- ARCHIBAB — *ARCHIBAB (Archives babyloniennes, XXe–XVIIe siècles)*. Available at: <https://www.archibab.fr/> (accessed on 01.07.2024).
- Beavis 1988 — I. C. Beavis. *Insects and other Invertebrates in Classical Antiquity*. Exeter: University of Exeter Press, 1988. DOI: 10.5949/liverpool/9780859892841.001.0001.
- BHS — K. Elliger, W. Rudolph (eds.). *Biblia Hebraica Stuttgartensia. 5. Auflage*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.
- Boddy 2023 — K. Boddy. Šumma Ālu T. 85NZK. *Electronic Babylonian Library*. 2023. Available at: <https://www.ebl.lmu.de/corpus/D/2/1/SB/85NZK> (accessed on 01.07.2024).
- Boddy, Mittermayer 2023 — K. Boddy, C. Mittermayer. Šumma Ālu T. 88. *Electronic Babylonian Library*. 2023. Available at: <https://www.ebl.lmu.de/corpus/D/2/6/SB/88> (accessed on 01.07.2024).
- CAD — *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Chicago: Oriental Institute, 1956–2010. Vol. A1–Z.

- Choukassizian Eypper 2016 — S. Choukassizian Eypper. Diseases of the Feet in Babylonian-Assyrian Medicine. A study of Text K. 67+. *Le Journal des Médecines Cunéiformes*. 2016. No. 27. P. 1–58.
- Çiplak 2021 — B. Çiplak. Locust and Grasshopper Outbreaks in the Near East: Review under Global Warming Context. *Agronomy*. 2021. No. 11. Available at: <https://www.mdpi.com/2073-4395/11/1/111> (accessed on 01.07.2024). DOI: 10.3390/agronomy11010111.
- DCCLT — *Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts*. University of California, Berkeley, 2003–. Available at: <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/> (accessed on 01.07.2024).
- Duhan-Kaplan 2024 — L. Duhan-Kaplan. Locusts: YHWH's Army. *TheTorah.com*. 2024. Available at: <https://thetorah.com/article/locusts-yhwhs-army> (accessed on 01.07.2024).
- Freedman 2006 — S. M. Freedman. *If A City is Set on a Height: The Akkadian Omen Series Šumma Alu ina Mele Šakin. Vol. 2: Tablets 22–40*. Philadelphia: The University of Pennsylvania Museum, 2006.
- Freedman 2017 — S. M. Freedman. *If A City is Set on a Height: The Akkadian Omen Series Šumma Alu ina Mele Šakin. Vol. 3: Tablets 41–63*. Winona Lake: Penn State University Press; Eisenbrauns, 2017. DOI: 10.1515/9781575067698.
- Gabbay 2014 — U. Gabbay. The Balaḡ Instrument and its Role in the Cult of Ancient Mesopotamia. J. Goodnick Westenholz, Y. Maurey, E. Seroussi (eds.). *Music in Antiquity: The Near East and the Mediterranean*. Berlin; Boston; Jerusalem: De Gruyter; Hebrew University Magnes Press, 2014. DOI: 10.1515/9783110340297.129.
- Geller 2005 — M. J. Geller. *Renal and Rectal Diseases (Die Babylonisch-assyrische Medizin VII)*. Berlin: De Gruyter, 2005. DOI: 10.1515/9783110914931.
- George, Taniguchi 2010 — A. R. George, J. Taniguchi. The Dogs of Ninkilim, Part Two: Babylonian Rituals to Counter Field Pests. *Iraq*. 2010. Vol. 72. P. 79–148. DOI: 10.1017/S0021088900000607.
- HALOT — L. Koehler, W. Baumgartner. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Vol. 1–5. Leiden; New York; Köln; Boston: Brill, 1994–2000.
- Heimpel 1996 — W. Heimpel. Moroccan Locusts in Qaṭṭunan. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale*. 1996. Vol. 90. No. 2. P. 101–120.
- Huehnergard 1999 — J. Huehnergard. On the etymology and meaning of Hebrew *nābī*. *Eretz-Israel*. 1999. Vol. 26. P. 88–93.
- Kelhoffer 2004 — J. A. Kelhoffer. Did John the Baptist Eat like a Former Essene? Locust-eating in the Ancient Near East and at Qumran. *Dead Sea Discoveries*. 2004. Vol. 11. No. 3. P. 293–314. DOI: 10.1163/1568517042643756.

- Kogan 2001 — L. Kogan. *g in Akkadian. *Ugarit-Forschungen*. 2001. Vol. 33. P. 263–298.
- Köhler 1926 — L. Köhler. Die Bezeichnungen der Heuschrecke im Alten Testament. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*. 1926. Bd. 49. H. 4. S. 328–333.
- Latchininsky 2020 — *Rukovodstvo po trem vidam stadnykh saranchovykh na Kavkaze i v Tsentralnoy Azii. Biologiya, ekologiya i povedeniye* [A guide to three gregarious locust species in the Caucasus and Central Asia. Biology, ecology and behavior]. FAO; A. Latchininsky 2020. Available at: <https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cb0879ru> (accessed on 01.07.2024). DOI: 10.4060/cb0879ru.
- Landsberger 1934 — B. Landsberger. *Die Fauna des Alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie HAR-ra = hubullu*. Leipzig: Hirzel, 1934.
- Lion, Michel 1997 — B. Lion, C. Michel. Criquets et autres insectes à Mari. *MARI*. 1997. Vol. 8. P. 707–724.
- Lion et al. 2000 — B. Lion, C. Michel, P. Noël. Les Crevettes dans la documentation du Proche-Orient ancien. *Journal of Cuneiform Studies*. 2000. Vol. 52. P. 55–60. DOI: 10.2307/1359685.
- Maul 2013 — S. Maul. Ein altorientalischer Pferdesegen — Seuchenprophylaxe in der assyrischen Armee. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. 2013. Vol. 103. No. 1. S. 16–37. DOI: 10.1515/za-2013-0004.
- Moldenke, Moldenke 1952 — H. N. Moldenke, A. L. Moldenke. *Plants of the Bible*. Waltham; New York: The Chronica Britannica Co.; Stechert-Hafner, 1952.
- MSL 8/2 — B. Landsberger. *The Fauna of Ancient Mesopotamia. Second Part: HAR-ra = hubullu Tablets XIV and XVIII (Materialien zum Sumerischen Lexikon VIII/2)*. Rome: Pontificum Institutum Biblicum, 1962.
- Radner 2004 — K. Radner. Fressen und gefressen werden. Heuschrecken als Katastrophe und Delikatesse im Alten Orient. *Die Welt des Orients*. 2004. Vol. 34. P. 7–22.
- RINAP — *The Royal Inscriptions of the Neo-Assyrian Period*. University of Pennsylvania, 2011–. Available at: <https://oracc.museum.upenn.edu/rinap/> (accessed on 01.07.2024).
- SAA 3 — A. Livingstone. *Court Poetry and Literary Miscellanea (State Archives of Assyria 3)*. Helsinki: Helsinki University Press, 1989.
- SED II — A. Militarev, L. Kogan. *Semitic etymological dictionary. Vol. II: Animal Names*. Münster: Ugarit-Verlag, 2005.
- Sellers 1936 — O. R. Sellers. Stages of Locust in Joel. *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*. Vol. 52. No. 2. P. 81–85. DOI: 10.1086/370473.
- Thompson 1955 — J. A. Thompson. Joel's Locusts in the Light of Near Eastern Parallels. *Journal of Near Eastern Studies*. 1955. Vol. 14. No. 1. P. 52–55. DOI: 10.1086/371242.

Veldhuis 2004 — N. Veldhuis. *Religion, literature, and scholarship: the Sumerian composition Nanše and the Birds, with a catalogue of Sumerian bird names*. Leiden; Boston: Brill; Styx, 2004. DOI: 10.1163/9789047405771.

Veldhuis 2014 — N. Veldhuis. *History of the Cuneiform Lexical Tradition*. Münster: Ugarit-Verlag, 2014.

Получено / received 17.03.2024

Принято / accepted 27.08.2024

Вопросительные местоимения ‘кто?’ и ‘что?’ в диалектах группы Минь

М. М. Лоренц

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия);
lorentzmarina8@gmail.com; ORCID: 0009-0005-6833-4829

Аннотация. В статье рассматривается система вопросительных местоимений категории предмета и лица на материале всех ветвей диалектов группы Минь сино-тибетской семьи. Главная задача исследования — выявить различные инновации в этой системе, возникающие в миньском регионе, вскрыть лежащие в их основе механизмы и (методом исключения) определить, какие из наблюдаемых лексем можно вывести на праминьский уровень. Помимо обычного сравнительно-исторического метода, анализ учитывает также ареальный фактор, отмечая возможное влияние на формирование современных систем вопросительных местоимений со стороны как соседних диалектных групп, так и общенационального литературного языка.

Ключевые слова: миньские диалекты, древнекитайский язык, вопросительные местоимения, среднекитайский язык, диалекты группы Минь, базисная лексика, списки Сводеша.

Interrogative pronouns ‘who?’ and ‘what?’ in the Min dialects

Marina M. Lorentz

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); lorentzmarina8@gmail.com; ORCID: 0009-0005-6833-4829

Abstract. In this paper, I examine the genesis of the system of interrogative pronouns (referring to persons or inanimate objects) within each branch of the Min group of the Sinitic family (separately covering the Northern, Central, Shao-Jiang, Southern, Eastern,

Pu-Xian and Qun-Wen branches). As a rule, these pronouns are known to be resistant to lexical substitutions, but in the studied material they show uncharacteristic instability. The main objective of the study is to identify various innovations in this system that arise in the Min region, reveal the underlying mechanisms and, through elimination, determine which of the observed lexemes can be reconstructed to the Proto-Min level. Where possible, the substitutions are accompanied with etymological elaboration; special attention is paid to compound formations, especially when they display “partial cognacy” across idioms (i.e. one of the morphemes is etymologically cognate while the other is different, having been attached to the main root independently in different idioms). In addition to using the standard comparative historical method, the analysis also takes into account the areal factor. I note the possible influence on the formation of modern systems of interrogative pronouns from both neighboring dialect groups and the national literary language. This allows to observe (within certain idioms) a mixed distribution and coexistence of interrogative pronouns from different historical periods, suggesting that the system of interrogatives was mobile and (not always consistently) has absorbed innovations. Although the Southern and Northern clusters are fairly closely related (considering the large percentage of lexical matches between them), it is most likely that they originally employed different question words. It is possible to identify several key interrogative words that could lay claim to proto-linguistic status, but none of them occur simultaneously in the Northern and Southern clusters, making the reconstruction of a single proto-language lexeme difficult without resorting to external comparison (e.g., with Old and Middle Chinese). In addition to historical analysis, I also note certain semantic transitions (having to do with grammaticalization of certain lexemes and lexicalization of verb connectives) that could represent rare phenomena, not yet described in earlier typological surveys.

Keywords: Min dialects; Old Chinese language; interrogation pronouns; Middle Chinese language; basic lexicon; Swadesh lists.

1. Введение

В исследовании рассматриваются системы вопросительных местоимений *предмета* и *лица* во всех ветвях диалектной группы¹

¹ В данной статье вслед за установившейся традицией используется термин «диалект», однако с точки зрения лингвистики данная группа состоит

Минь (северной, центральной, шао-цзянской, южной, восточной, пу-сяньской, цюнь-вэньской²) синитической ветви сино-тибетской семьи. Однако только в *южной, восточной, северной* и *шао-цзянской* ветвях одновременно прослеживаются общие вопросительные компоненты для этих местоимений. Данные по всем диалектам были отобраны из словарей и словников в ходе составления 100-словных списков Сводеша³. Отделившись от общекитайского ствола примерно в III–IV вв. н. э. миньские языки в целом сохраняют значительный пласт лексики именно классического древнекитайского языка (далее КДК) и позднедревнекитайского периодов (далее ПДК), однако устойчивые в остальных диалектах КДК континуанты вопросительных местоимений слабо представлены в миньских диалектах. Примечательно, что при анализе базисной лексики все диалекты изучаемой группы оказываются близкородственными с высокими процентами лексических совпадений, однако внутри большинства ветвей обнаруживаются замены в вопросительных словах ‘кто?’ и ‘что?’.

В работе мы сосредотачиваемся на вопросительных местоимениях категории предмета и лица в рамках всех ветвей изучаемой языковой группы, чтобы показать неустойчивость лексем в данной диалектной группе, относящихся к наиболее устойчивой лексике во многих языках мира (см. Коровина 2019). Кроме того, важно определить, какая из лексем может быть возведена на праязыковой уровень. Мы рассматриваем в этом случае, как общеминьская ситуация по развитию двух основных вопросительных категорий выглядит в общетипологическом контексте, но не затрагиваем синтаксис и интонацию, поскольку отсутствует описательный материал. Получить новейшие сведения и данные от информантов в ходе полевых

из самостоятельных языков, взаимопонимаемость между которыми весьма осложнена. В то же время нами будет также использоваться и термин «язык».

² Все ветви распределяются по географическому принципу на северный кластер (в который входят северная, центральная и шао-цзянская ветви) и южный (в который входят южная, восточная, пу-сяньская и цюнь-вэньская ветви).

³ С полным перечнем списков, за исключением двух диалектов ЗНТ (чжэнь-тянь) и ДКО (дикоу) можно ознакомиться в статьях [Лоренц 2020, 2023].

исследований, сопоставить фактические данные с теми, которые уже были зафиксированы ранее, оказалось затруднительным. В будущем непременно будут включены эти уточнения, а также полноценные сравнения систем местоимений предмета и лица группы Минь с соседними диалектными группами.

Методология в данном случае в большей степени сосредоточена на сравнительно-сопоставительном и этимологическом анализе и в меньшей степени на ономаσιологической реконструкции, основные правила которой раскрыты в работе [Starostin 2016]. Сведения об исторической семантике подкреплены данными из древнекитайского языка [Starostin 2019], а также среднекитайского языка (далее СК). Транскрипция диалектов группы Минь дана в соответствии с системой МФА. Числовые индексы возле каждой морфемы обозначают соответствующий тон.

2. Анализ вопросительных местоимений в группе Минь

В процессе сбора и исследования данных стало очевидным, что этимоны классического языка 何 КДК **g^hāj*⁴ ‘что?’ и 誰 КДК **dwəj* ‘кто?’ практически не зафиксированы в диалектах, что говорит о том, что они были вытеснены инновационными лексемами еще на общеминьском уровне [Лоренц 2020: 158–159]. Лексический материал был распределен на две таблицы в зависимости от присутствия общего вопросительного компонента в обоих местоимениях (см. ниже *Таблицу 1* и *Таблицу 2*).

⁴ Указанные чтения ДК реконструкции в данной работе приводятся согласно модели С. А. Старостина [Старостин 1989].

Таблица 1. Сопоставление вопросительных слов ‘кто?’ и ‘что?’ с общим первым компонентом

Table 1. Comparison of the question words ‘who?’ and ‘what?’ with the common first component

Классификация	Ключевое слово	Вопросительное местоимение ‘что?’	Вопросительное местоимение ‘кто?’
Южная ветвь	啥	啥 QNZH siã ₃ ~siã ₂ , XMN sia ₃ ~siã ₃ , TAIW siann ₂ ~ sann ₂	啥人 QNZH siã _{3,2} -lan ₂ , XMN siã _{3,1} -lan ₂ , TAIW siann ₂ -lang ₅
Центральная ветвь		啥貨 SHX sɔ ₃ -xɔ ₅	啥人 SHX sɔ ₃ -nein ₂
Шао-цзянская ветвь		啥個 SHW eia ₆ -kəi ₄	啥個人 SHW eia ₆ -kəi ₀ -nin ₂
Северная ветвь	乜	乜乜 SHON ni ₁ -nɔ ₄	呢乜儂 SHON ni ₁ -nɔ ₆ -nein ₂
Южная ветвь		乜個 CHY mi? ₇ -kai ₂	乜人 CHY mi? ₇ -nan ₂
Восточная ветвь	乜	乜乜~哪 ⁵ 乜 HUB nɔ? ₆ -nɔ ₄ ~nɔ? ₆ -nɔ ₀ ; FDN nɔ ₅ -nɔ ₄ , PIN (nɔ ₁)-nɔ ₄	乜儂~哪儂 FDN nɔ ₇ -nein ₄ , HUB nɔ ₅ in ₄ , PIN nɔ ₅
Северная ветвь	孰	孰事 JNO su ₄ -ti ₁ , JNY so ₇ -hai ₃	孰人 JNO su ₄ -nein ₃ , JNY so ₆ -nɔin ₂
Северная ветвь		孰(慕)事~事(慕)事 SHB su ₅ -(mu ₅)-ti ₅	孰(慕)人 SHB su ₅ -(mu ₅)-nein ₄
Северная ветвь	何	何□ ZHT he ₄ -me ₄ ~he ₄ -me ₄	何人 ZHT hein ₄ -nein ₂
Северная ветвь		何□事 DKO hi ₄ -ni ₄ -ti ₄	何人 DKO hein ₄ -nein ₂

⁵ Во многих случаях наблюдается графическая вариация. В диалектах может использоваться иероглифический знак 哪 СК nà из-за фонетической и семантической схожести. Подробные комментарии относительно всех случаев вариативности знаков в данной статье даваться не будут.

Таблица 2. Сопоставление вопросительных слов ‘кто?’ и ‘что?’ с различным первым компонентом

Table 2. Comparison of the question words ‘who?’ and ‘what?’ with the different first component

Классификация	Ключевое слово	Вопросительное местоимение ‘что?’	Вопросительное местоимение ‘кто?’
Южная ветвь	啥	啥 ZHZ sāh ₇	啥人 DNSH sian ₂ -laŋ ₂
		啥乜 ~ 什 乜 ~ 甚麼 JINJ siaŋ ₇ -miŋ ₇ , YCH siam ₃ -miŋ ₆	
Центральная ветвь		啥貨 YAN so ₂ -ho ₃	
Восточная ветвь		甚乜 GTA sia ₄ - nɔŋ ₆	
Южная и цюнь- вэньская ветви	乜	乜 LEI mi ₄ , QNZH miŋ ₇ , HKO mi ₆	乜人 DNSH miŋ ₂ -laŋ ₂
Восточная ветвь		乜乜 ~ 麼 乜 ~ 呢乜 ZHN miŋ ₆ -nɔŋ ₆ , FQN mie ₄ -no ₅ , FUA mi ₁ -nɔk ₆	
Южная и цюнь- вэньская ветви		乜個 WCH mi ₆ - kai ₂ , CHZH meŋ ₄ -kai ₅	
Южная ветвь		乜嘢 LND man ₃ -je ₄	
Южная ветвь	是	是乜 LNX siŋ ₆ - miŋ ₆ , JIE si ₆ - muc ₅ , LNY sim ₄ -mɛ ₅ , LNY sim ₄ -mɛ ₅ , DNSH sim ₁ -miŋ ₇	是誰啊 ZHZ tsuah ₈

Шао-цзянская и северная ветви	哪		哪蜀個 SHW ŋo ₂ -ei ₀ - kæi ₅ 哪儂 SNX naŋ ₅ -neiŋ ₂
Восточная ветвь	乜	乜乜 ~ 哪乜 NND no ₇ -no ₇ , YNT no ₅ -no ₇ ,	乜儂 ~ 哪儂 XNC nœŋ ₄ , JDU no ₇ - nœuŋ ₀ ~nœuŋ ₄
Восточная ветвь	什	甚乜 ~ 什乜 FCH θieŋ ₂ -nok ₆ , CNL sieŋ ₂ -no ₇	
Северная ветвь		什麼事 SNX soŋ ₂ -moŋ ₁ -tei ₅	
Восточная ветвь	甚 ~ 什(?)	甚乜 ~ 什乜 FCH θiek ₇ -nok ₆ , HUB θi ₇ -no ₅ , XNC (eit ₅)-no ₇ , JDU (eit ₆)-no ₇	
Пу-сяньская ветвь		什麼 PTI lok ₅ - muai ₁	
Южная, цюнь- вэньская и восточная ветви	底		底人 ~ 誰 WCH njaŋ ₃ (diaŋ ₃), LEI tiaŋ ₄ , DNSH ti ₄ -laŋ ₂ , CHY ti ₃ -naŋ ₂ , CHZH ti ₇ -tiang ₅ , HKO ʔdiaŋ ₅ , YCH tiaŋ ₂ , LNY taŋ ₅ , YOX te ₁ -nyŋ ₂ , JIE ti ₀ -tiaŋ ₂ , LND taŋ ₂ -naŋ ₅ , FCH tak ₇ -nœyŋ ₂ , GTN tœyŋ ₁ , NND ti ₅ -nœŋ ₂ , ZHN tœuŋ ₃ , FQN tie ₁ - nœŋ ₂ , CNL tœ ₁ -lœyŋ ₂ , YNT ti ₁ -nœyŋ ₂ , FUA tœŋ ₃
Центральная ветвь	誰		誰 𠵼 畚 YAN ʃi ₄ -so ₄
Пу-сяньская ветвь	何		何人 PTI hŋ ₁ -ŋaŋ ₂

Поскольку синитические языки относятся к изолирующим, образование новых слов в изучаемых языках происходит за счет

словосложения. Аналогичное построение происходит и в вопросительных местоимениях других южных диалектов, где, как правило, происходит комбинация вопросительного компонента с вариативным уточняющим элементом, ср.: группа У *вэньчжоуский* 何也 $a_7\text{-}\eta_2$ ‘что?’, 何也人 $(g)a_7\text{-}\eta_2\text{-}na_2$ ‘кто?’; группа Хакка *мэйсяньский* 乜個 $ma_3\text{-}ke_4$ ‘что?’, 滿人 $ma_3\text{-}\eta_2$ ‘кто?’; группа Юэ *янцзянский* 乜嘢 $mi_2\text{-}je_3$ ‘что?’, 乜誰 $met_6\text{-}fui_2 \sim mut_6\text{-}fui_2$ ‘кто?’ [Li 1998: 127; NYFC 1995: 564].

Дополнительно следует отметить, что в миньских языках отчетливо видна оппозиция между категориями лица и объекта за счет вариативного уточняющего компонента, что согласуется с ситуацией в большинстве языков мира [Cysouw 2004: 13].

Несмотря на то что в большинстве языков мира формы вопросительных местоимений и неопределенных местоимений совпадают, в нашем случае мы не можем четко подтвердить или опровергнуть эту универсалию для миньских языков ввиду отсутствия достаточного количества диагностируемых контекстов.

Далее мы подробно разберем каждую лексему в обеих таблицах одновременно, переходя от одной таблицы к другой, в большей степени акцентируя внимание на вопросительных компонентах, которые будут рассматриваться в следующем порядке: 啥 СК *śá*, 乜 СК *má*, 是 КДК **dé*, 哪 СК *ná*, 乜 ПВМ **nɔʔ*, 什 СК *ʒim*, 甚 ~ 什 ПМ **sit* ~ **sik*, 底 ПДК *táj* 誰 КДК **dwəj*, 孰 КДК **duk*, 何 КДК **gʰāj*.

2.1. Вопросительное слово 啥 СК *śá*

Вопросительное слово 啥, которое распространено в южных, восточных (диалект гутянь) и центральных (диалект шасянь) диалектах, восходит к СК⁶ слову *śá* и записывается тем же иероглифом, что и слово в путунхуа⁷ 啥 *shà* ‘что?’ (последнее начинает встречаться

⁶ КДК, ПДК или СК чтения к каждой лексеме приводятся исходя из того, в какой период времени впервые фиксируется то или иное слово в литературных памятниках.

⁷ Путунхуа — это наименование государственного языка в КНР.

в цинских литературных памятниках (1644–1912)). Предположительно, у обеих лексем единое происхождение, однако их точный источник неизвестен [Лоренц 2020: 158]. Лексема 啥 СК *śá* в вопросительном местоимении *предмета* может использоваться самостоятельно, а может образовывать композиты со следующими морфемами: 1) лексема 乜 СК *má*, являющаяся сокращенным вариантом лексемы 物 КДК **mʰət* ‘вещь’ (сокращение произошло не раньше VI в., что соответствует эпохе Тан, при этом новое вопросительное слово активно начинает употребляться в государственном языке того времени); впоследствии она взяла на себя функции вопросительного местоимения, поскольку часто встречается в составе двуслога 啥乜 СК *śá-má*; 2) лексема 貨 КДК **ɣwājh* ‘товар’ (исключительно в *центральной* ветви), 3) классификатор 個 КДК **kājh* ‘штука’ (исключительно в *шао-цзянской* ветви) [Lien 2017: 139; Schuessler 2007: 222, 248; NYDC III: 388–389].

Для записи вопросительного слова ‘кто’ лексема 啥 СК *śá* всегда расширяется до композита с помощью следующих компонентов: 1) лексема 儂 КДК **nīŋ* с исходным значением ‘земледелец, крестьянин’, у которой в миньских диалектах произошел семантический сдвиг ‘земледелец, крестьянин’ → ‘человек’ (используется в *южной* и *центральной* ветвях), 2) 個人 КДК **kājh-nīn* букв. ‘(одна) штука человека’ (исключительно в *шао-цзянской* ветви) [Schuessler 2007: 403].

Согласно исследованиям Лянь Цзиньфа, лексема 啥 СК *śá* не фиксируется в ранних южноминьских памятниках⁸ эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912), поэтому следует предположить, что она представляет собой позднюю инновацию [Lien 2017: 133–143]. Нельзя исключать ее появление в миньских диалектах под влиянием литературного языка.

Как можно заметить по *Таблице 1*, единый вопросительный компонент 啥 СК *śá* наблюдается в диалектах *цюаньчжоу*, *сямэнь*, *тайвань*, *шасянь*, *шао-у*.

⁸ Первые литературные памятники, написанные на южноминьском языке, датируются XVI в.

2.2. Вопросительное слово 乜 СК *má*

Упомянутая выше лексема 乜 СК *má*, как видно из наших данных, может самостоятельно выступать в качестве вопросительного слова и нередко «обрастает» другими показателями. В вопросительном местоимении ‘что?’ обнаруживаются следующие расширительные элементы: 1) лексема 乜 ПВМ **nɔʔ*⁹ ‘вещь’, по всей видимости, заимствованная из австроазиатских языков, условно записывается иероглифом ‘листик травы’, см. близкие формы бунон *pa:w* ‘вещь’, центральный ролон *no:* ‘вещь’, рианг ланг *neʔ* ‘что?’, ‘что-нибудь’, палаунг *ne* ‘вещь’ (при этом она сама может брать на себя функции вопросительного местоимения, как в языке рианг лианг, таким образом, мы видим семантический переход ‘вещь’ → ‘что?’ см. *Раздел 2.4*); сам композит 乜 乜 встречается только в *восточной* ветви; 2) классификатор 個 КДК **kājh* ‘штука’; 3) лексема 嘢 *je*₄ ‘вещь’, которая, вероятно, была заимствована из *кантонского* диалекта (этимология не поддается анализу) [Shorto 1995: 553, 560].

Среди расширителей у слова ‘кто?’ встречаются следующие компоненты: 1) 乜 儂 (乜 ПВМ **nɔʔ* и 儂 КДК **nīŋ*) букв. ‘вещь и человек’ (исключительно в *восточной* ветви), 2) 儂 КДК **nīŋ* ‘человек’. При этом композит 乜 儂 употребляется только в диалектах группы Минь и в некоторых диалектах группы У [Lien 2017: 151]. Следует подчеркнуть, что единый вопросительный компонент 乜 СК *má* одновременно в обоих интеррогативах встречается только в диалектах *шоунин* и *чаоян*.

2.3. Вопросительное слово 是 КДК **dé*

Как уже было сказано ранее, исходное значение лексемы 是 КДК **dé* ‘это (есть)’ (см. *Таблицу 2*), однако в ряде диалектов *южной* ветви

⁹ Правосточноминьские формы, представленные в данной работе, реконструированы лично автором статьи, подробно с данной реконструкцией можно ознакомиться в работе [Лоренц 2023].

(лунси, цзеян, лунъян, дуншаньдао, чжанчжоу) слово определенно используется уже в новом значении. По мнению Лянь Цзиньфа, лексема 是 $si_{6,5}$ перестала быть глагольной связкой и стала вопросительным словом. Непосредственно лексикализация произошла не раньше XVII века [Lien 2017: 132–133; 144].

Во всех случаях, кроме диалекта чжанчжоу, лексема употребляется исключительно для передачи вопросительного местоимения предмета и образует композит с другим вопросительным словом 乜 СК $má$, который описан был нами ранее.

Чжоу Чанцзи отмечает, что вопросительное слово лица в диалекте чжанчжоу выражается с помощью стяжения трех компонентов 是誰啊 $si_{6,5}-sui_2-a_0 \rightarrow tsuah_8$, где в качестве второго компонента используется КДК этимон 誰 $*dwəj$ ‘кто?’ [Zhou 2006: 10]. Что касается последнего компонента, то, по всей видимости, это именно южноминьский суффикс 仔 a_2 [Douglas 1873: 583]. Лянь Цзиньфа обращает внимание, что лексема 是誰啊 $tsuah_8$ появилась в южноминьских диалектах не раньше начала XVII в. и скорее представляет собой влияние литературного языка того времени [Lien 2017: 132, 144].

2.4. Вопросительное слово 哪 СК $ná$

СК вопросительное слово 哪 $ná$ встречается только в диалектах *шао-у* и *сунси* в составе лексемы ‘кто?’ (см. Таблицу 2) и при этом расширяется либо с помощью сочетания 蜀個 ПВМ $*sok_7-kāj_5$ ¹⁰, где первый элемент — это эксклюзивная для миньского региона лексическая единица ‘один’, а второй — уже встречавшийся нам ранее классификатор ‘штука’, либо, как в случае с диалектом *сунси*, с помощью лексемы 儂 КДК $*nīŋ$ ‘человек’ [Лоренц 2020: 148–149]. В литературных памятниках композит 哪個 СК $ná-ká$ ‘кто? который из?’ начинает встречаться примерно с XVII века [HYDC III: 348].

¹⁰ В данном случае указываются реконструированные правосточноминьские чтения, поскольку первый расширитель ни в классическом языке, ни в позднедревнекитайском не обнаружен.

2.5. Вопросительное слово 乜 ПВМ *nɔʔ₆

Далее мы вновь сталкиваемся с лексемой 乜 ПВМ *nɔʔ₆ ‘вещь’, но уже в функции вопросительного слова для обоих местоимений, которое встречается исключительно в *восточной ветви*. При передаче лексемы ‘что?’ она может использоваться в редуцированной форме. Для записи лексемы ‘кто?’ в качестве второго компонента используется уточняющая лексема 儂 КДК *nīŋ ‘человек’, при этом бином 乜儂 также может стягиваться в однослог [Лоренц 2023: 145–147]. Однако симметричное построение этих двух местоимений наблюдается только в 3-х диалектах: *хубэй, фудин, пиннань* (см. *Таблицу 1*), из чего следует предположить, что функции вопросительного местоимения развились у лексемы 乜 ПВМ *nɔʔ₆ ‘вещь’ относительно недавно. Нельзя исключать появление вопросительного местоимения лица в восточных диалектах под влиянием лексемы ‘что?’.

2.6. Вопросительное слово 什 СК žim

Формы с вопросительным словом 什¹¹ (см. *Таблицу 2*), скорее всего, восходят к вопросительной лексеме 什麼 СК žim-mwá ‘что?’, которая проникла в диалекты *фучжоу, чанлэ, сунси* под влиянием литературного языка. Чаще оно представлено без второго компонента 麼 СК mwá. Автономно этот вопросительный компонент не употребляется; в *восточной ветви*, как и обычно, в качестве расширителя используется лексема 乜 ПВМ *nɔʔ₆ ‘вещь’. Отдельно следует акцентировать внимание на трехсложной форме в диалекте *сунси* из *северной ветви* 什麼事 son₂-moŋ₁-tei₃¹², где без усечения представлена

¹¹ В некоторых диалектах используется другой графический знак 甚 СК žim, который с древности также полноправно используется для записи этого слова.

¹² У данного слова в диалекте *сунси*, как и в некоторых других диалектах, наблюдается нерегулярное развитие инициали.

биномиальная форма 什麼 СК *ʒim-mwá* в сочетании с расширителем 事 КДК **ʒrəh* ‘вещь, дело’ [Schuessler 2007: 465].

2.7. Вопросительное слово 甚 ~ 什(?) ПМ **sit* ~ **sik*

В случае с вопросительным элементом ПМ **sit* ~ **sik* (см. *Таблицу 2*) этимологическое объяснение привести не удастся, поскольку эта форма не является семантически тождественной вопросительному слову 什 СК *ʒim* из-за финали **-k* ~ **-t*, и лишь проявляет фонетическое сходство с ним. Следует подчеркнуть, что лексема зафиксирована исключительно в диалектах *восточной* и *пу-сяньской* ветвей и употребляется в вопросительном местоимении *предмета*. Элемент представлен только в составе композита. В *миньдунских*¹³ диалектах расширителем остается 乜 ПВМ **nɔʔ* ‘вещь’, а для диалекта *путянь* используется компонент 麼 СК *mwá*, который впоследствии стал суффиксом и начал оформлять вопросительные и указательные местоимения с эпохи Сун (960–1279) [HYDC XII: 1279].

2.8. Вопросительное слово 孰 КДК **duk*

В *северной* ветви в диалектах *цзяньян*, *цзяньюу* и *шибэй* для обоих вопросительных местоимений используется этимон 孰 КДК **duk* ‘кто?’, ‘что?’, ‘который из?’ (см. *Таблицу 1*), исчезнувший из литературных памятников из-за «усиления» лексемы 誰 КДК **dwaj* к эпохам Вэй (220–265 гг.) — Цзинь (265–420 гг.) [Lien 2017: 133]. Автономно он не употребляется ни в одном из этих двух случаев. Для передачи вопросительного местоимения ‘что?’ в качестве второго компонента используется лексема 事 КДК **ʒrəh* ‘вещь, дело’ с ассимиляцией инициали *s* → *h* в диалекте *цзяньян* (в диалектах *шибэй* и *цзяньян* зафиксированы случаи с нерегулярными развитиями инициали, как

¹³ В данном случае нами используется альтернативное китайское название восточной ветви.

в диалекте сунси см. сноску 7), а для значения ‘кто?’ в качестве расширителя используется лексема 儂 КДК **nīŋ* ‘человек’.

2.9. Вопросительное слово 何 КДК **g^hāj*

В двух других диалектах *северной ветви* чжэньтянь и дикоу главным вопросительным словом выступает лексема, которая, наиболее вероятно, восходит к континуанту 何 КДК **g^hāj*, при этом в автономной форме не зафиксирована. В вопросительном местоимении предмета в диалекте *чжэтянь* расширительным компонентом выступает лексема □¹⁴ *te*₄, этимология которой остается туманной, а в диалекте *дикоу* используются две уточняющих морфемы □事 *ni*₄-*ti*₄, где знак и этимология первого компонента остаются неизвестными, а последняя морфема восходит к слову 事 КДК **zrəh* ‘вещь, дело’, но с нерегулярным развитием инициали. Вопросительное местоимение лица, как и в остальных случаях, образуется при сочетании с лексемой 儂 КДК **nīŋ* ‘человек’. Поскольку эта лексема не наблюдается в других вопросительных словах прочих *северных* диалектов, вероятно, следует считать эту форму контактно-ареальным заимствованием из языков группы У, где этимон 何 КДК **g^hāj* представлен (группа У *вэньчжоуский* 何也 *a*₇-*ŋi*₂ ‘что’, 何也人 (*g*)*a*₇-*ŋi*₂-*naŋ*₂ ‘кто’).

Кроме северной ветви, континуант 何 КДК **g^hāj* ‘что?’ используется в диалекте *путянь* для передачи вопросительного местоимения ‘кто?’ в сочетании с расширительным компонентом 儂 КДК **nīŋ* ‘человек’ (см. *Таблицу 2*). Поскольку представители северной ветви удалены от ареала распространения диалекта *путянь*, то появление КДК этимона в этом диалекте в результате контактов исключается. Из этого следует предположить сценарий, при котором в *путяньском* языке этимон появился под влиянием литературного языка. Следует добавить, что в альтернативных источниках обнаруживается форма 甚農 *lin*₄-*naŋ*₂, разложимая на вопросительное местоимение 什 ~ 甚

¹⁴ Поскольку в двух случаях иероглифическая запись отсутствует, то вместо иероглифов используются пустые квадраты.

СК *ʒim* ‘что’ (см. *Раздел 2.6*) и лексему 農 КДК **nīŋ* ‘человек’ [Chen, Li 1991: 122; FJSZ 1998: 547].

2.10. Вопросительное слово 底 ПДК **tǎj*

В миньнаньской¹⁵, цюнь-вэньской и миньдунской ветвях прослеживается вопросительное местоимение лица 底人 ПДК **tǎj-nōŋ* (см. *Таблицу 2*), где в качестве первого компонента выступает вопросительное слово 底 ПДК¹⁶ **tǎj* (впервые зафиксировано в стихотворении эпохи Южных династий IV–V в. н. э. «Песня о четырех сезонах Цзы-е» 子夜四時 из литературного произведения «Сборник стихов юэфу» 樂府詩集), а в качестве второго — уже встречавшаяся ранее лексема 儂 КДК **nīŋ* ‘человек’, при этом в диалектах *вэньчан*, *хайкоу*, *лэйчжоу*, *гутянь*, *чжоунин*, *юнтай* и *фуань* двуслог может стягиваться в односложную форму [Lien 2017: 136; Starostin 2019: 164; Лоренц 2023: 146–147; НУДС III: 1218]. Впрочем, данное вопросительное слово также фигурирует в качестве основного компонента в диалектах восточной, южной и пу-сяньской ветвей в лексеме ‘где?’, см. 倒落 ~ 底所 FCH *tie₂-lo₄*, FQN *to₃-lo₁*, CNL *tie₃-lō₃*, YNT *tie₃-le₃*, JNJ *tit₃-lo₂*, XNY *te₂-lo₁* и др. [Lin 2002: 75; Li 1999: 117; 177]. Следовательно, можно сделать предположение, что лексема 底 ПДК **tǎj* исконно была и в лексеме ‘кто’, однако позже вытеснена инновацией.

Цзу Линьмэй и Ян Сюфан считают, что лексема 底 ПДК **tǎj* является реликтом древнего цзяннаньского языка¹⁷ 江南 [Mei, Yang 1995: 8]. Следует добавить, что это инновативное вопросительное слово действительно употребляется в литературных произведениях южного региона области У, включая упоминавшееся нами выше

¹⁵ Миньнань — альтернативное название для южной ветви языковой группы Минь.

¹⁶ Язык IV–V в. н. э. относится к позднедревнекитайскому периоду, поэтому в данном случае используется реконструкция ПДК формы.

¹⁷ Под цзяннаньским языком обычно обобщенно называется группа диалектов, распространенная южнее реки Янцзы.

стихотворение «Песня о четырех сезонах Цзы-е». Впоследствии лексема 底 ПДК *tǎj начинает регулярно употребляться в литературных памятниках эпохи Тан (618–907). Из этого следует предположить, что диалектная инновация широко распространилась в литературном языке под влиянием престижного языка с юга.

2.11. Вопросительное слово 誰 КДК *dwəj

Что касается упоминавшегося нами ранее КДК этимона 誰 *dwəj ‘кто?’, то он употребляется только в двух диалектах [Starostin 2019: 164]. Один из них — это диалект юньань центральной ветви, однако континуант используется там в расширенной до бинорма форме с помощью компонента 𠂇 со₄, этимология которого неизвестна. Другой случай употребления зафиксирован в диалекте чжанчжоу южной ветви и представляет собой стяжение этимона 誰 КДК *dwəj с другими компонентами (см. выше *Раздел 2.3*).

3. Заключение

Проведенный нами на узком материале анализ показывает, что одни из самых стабильных корней во многих языках мира могут оказаться совершенно нестабильными в отдельных языковых семьях или группах. Кроме этого, в исследуемых языках наблюдается смешанная по ветвям дистрибуция, сосуществование разных интеррогативов из разных исторических периодов. В северной ветви используются вопросительные слова 孰 КДК *duk, 何 КДК *g^hāj, 乜 СК má, 哪 СК nǎ, 什 СК žim, в центральной — 啥 СК sá, 誰 КДК *dwəj, в шао-цзянской — 啥 СК sá, 哪 СК nǎ, в южной — 啥 СК sá, 乜 СК má, 是 КДК *dè, 底 ПДК tǎj, в восточной — 乜ПВМ *nɔ₆, 乜 СК má, 什 СК žim, 甚 ~ 什(?) ПМ *sit ~ *sik, 底 ПДК tǎj, в пу-сяньской — 甚 ~ 什(?) ПМ *sit ~ *sik, 何 КДК *g^hāj, в цюнь-вэньской — 乜 СК má, 底 ПДК tǎj. Это говорит о подвижности системы вопросительных местоимений,

которая вбирала в себя инновации, и, вероятно, не всегда последовательно. Нельзя исключать, что одни инновации впоследствии были вытеснены другими. Несмотря на эти сложности, мы склонны считать, что изначально у вопросительных слов ‘кто?’ и ‘что?’ был единый материальный компонент, т. е. у этих лексем общее происхождение.

Если исключить из всего перечня лексемы, которые очевидно появились в миньских диалектах под влиянием литературного языка, лексемы с неизвестной этимологией, а также непродуктивные континуанты, то можно выделить несколько ключевых вопросительных слов, которые претендуют на праминьский статус: 乜 СК *má*, 孰 КДК **duk*, 底 ПДК **tǎj*. Однако однозначно выделить единственный кандидат для реконструкции на праминьский уровень не удастся, поскольку ни один из них не встречается одновременно в северном и южном кластерах.

Можно предположить, что единого вопросительного слова не было, и когда северный кластер диалектов отделился от южного, в каждом из них было свое ключевое вопросительное слово. Наилучшим кандидатом для северного кластера предположительно является лексема 孰 КДК **duk*, а для южного — лексема 底 ПДК **tǎj* (инновация преимущественно распространена на территориях бассейна реки Янцзы). Несмотря на широкую дистрибуцию, лексема 乜 СК *má* не является надежным кандидатом для выведения на праминьский уровень, поскольку ее распространение среди некоторых восточных диалектов напрямую связано с ареально-контактным влиянием носителей-переселенцев южноминьских диалектов, соответственно ее дистрибуция ограничена *южной* и *цюнь-вэньской* ветвями; подробно карту расселения носителей группы Минь см. [LAC 2012: 110]. Таким образом, мы предлагаем амбивалентную реконструкцию для обеих лексем: 孰 ПМ **su₇* и 底 ПМ **tie₃* ‘что?’, 孰儂 ПМ **su₇-neij₂* и 底儂 ПМ **tie₃-neij₂* ‘кто?’.

Наконец, следует обратить внимание на семантические переходы, где происходит грамматикализация лексем — 乜 СК *má* ‘вещь’ → ‘что?’, 乚 ПВМ **nɔ₆* ‘вещь’ → ‘что?’ и лексикализация глагольной связки 是 КДК **dé* ‘это (есть)’ → вопросительное слово. Аналогичные процессы грамматикализации прослеживаются и в других диалектных группах синитической семьи (см. подробнее NYFC 1995: 564).

Список условных сокращений

CHY — диалект чаоян; CHZH — диалект чаочжоу; CNL — диалект чанлэ; DKO — диалект дикоу; DNSH — диалект дуншаньдао; FCH — диалект фучжоу; FDN — диалект фудин; FQN — диалект фуцин; FUA — диалект фуань; GTA — диалект гутянь; HKO — диалект хайкоу; HUB — диалект хубэй; JDU — диалект цзюду; JE — диалект цзеян; JINJ — диалект цзинцзян; JNO — диалект цзяньоу; JNY — диалект цзяньян; LEI — диалект лэйчжоу; LND — диалект лунду; LNX — диалект лунси; LNY — диалект луньян; NND — диалект ниндэ; PIN — диалект пиннань; PTI — диалект путянь; QNZH — диалект цюаньчжоу; SHB — диалект шибей; SHON — диалект шоунин; SHX — диалект шасянь; SHW — диалект шао-у; SNX — диалект сунси; TAIW — диалект тайвань; WCH — диалект вэньчан; XMN — диалект сямэнь; XNC — диалект сяньцунь; XNY — диалект сянью; YAN — диалект юньань; YCH — диалект юнчунь; YNT — диалект юнтай; YOX — диалект юси; ZHN — диалект чжоунин; ZHT — диалект чжэньтянь; ZHZ — диалект чжанчжоу.

Литература

- Коровина 2019 — Е. В. Коровина. Ранжирование базисной лексики С. А. Старостина: материалы к улучшению // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. Т. 23. С. 546–556. DOI: 10.30842/iclcp230690152345.
- Лоренц 2020 — М. М. Лоренц. Анализ базисной лексики диалектов группы Минь и реконструкция праминьского 100-словного списка // *Journal of Language and Relationship*. 2020. № 18/1–2. С. 126–169. DOI: 10.31826/jlr-2020-181-210.
- Лоренц 2023 — М. М. Лоренц. Классификация восточной ветви диалектов группы Минь и реконструкция правосточноминьского 100-словного списка // *Journal of Language and Relationship*. 2023. № 21/1–2. С. 117–155. DOI: 10.1515/jlr-2023-211-211.
- Старостин 1989 — С. А. Старостин. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.: Наука, 1989.
- Cysouw 2004 — M. Cysouw. Interrogative words: an exercise in lexical typology. Paper presented at the at the seminar “Bantu Grammar: Description and Theory 3”, ZAS, Berlin, 13th February 2004.
- Douglas 1873 — C. Douglas. Chinese-English Dictionary of the Vernacular or Spoken Language of Amoy, with the Principal Variations of the Chang-chew and Chang-chew Dialects. London: Trübner and Co, 1873.

- LAC = Xióng Zhēnghuī et al. 2012 — 熊正輝. 中國語言地圖集第二版: 漢語方言卷. 北京: 商務印書館出版社, 2012. Xióng Zhēnghuī et al. Zhōngguó yǔyán dìtújí dì èr bǎn: Hànyǔ fāngyán juǎn [The Linguistic Atlas of Chinese dialects. 2nd edition: Chinese dialect volume]. Beijing: The Commercial Press, 2012.
- Lien 2017 — C. Lien. Human-denoting interrogative words in early southern min: coexistence and evolution // Journal of Chinese Linguistics Monograph Series. 2017. № 27. P. 130–158.
- Schuessler 2007 — A. Schuessler. ABC etymological dictionary of Old Chinese. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007. DOI: 10.1515/9780824861339.
- Starostin 2016 — G. Starostin. From wordlists to proto-wordlists: reconstruction as «optimal selection» // Faits de langues. 2016. Vol. 47. Iss. 1. P. 177–200. DOI: 10.3726/432492_177.
- Starostin 2019 — G. Starostin. Chinese basic lexicon from a diachronic perspective: implications for lexicostatistics and glottochronology // Journal of Language Relationship. 2019. № 17/1–2. P. 153–176. DOI: 10.31826/jlr-2019-171-213.
- Méi Zǔlín, Yáng Xiùfāng 1995 — 梅祖麟, 楊秀芳. 幾個閩語語法成分的時間層次 // 中央研究院歷史語言研究所集刊. 1995. Vol. 66. P. 1–21. Méi Zǔlín, Yáng Xiùfāng. Jǐgè Mǐnyǔ yǔfǎ chéngfèn de shíjiān céngcì [Stratification in the Grammatical Elements of Several Min Dialects]. The Bulletin of the Institute of History and Philology Academia Sinica. 1995. Vol. 66. P. 1–21.

Источники

- Chén, Zhāngtài, Lǐ Rúlóng 1991 — 陳章太, 李如龍. 閩語研究. 北京: 語文出版社. Chén, Zhāngtài, Lǐ Rúlóng. Mǐnyǔ yánjiū [Studies in Min Dialects]. Beijing: Yǔwén chūbǎnshè, 1991.
- FJSZ = Liú Zǔbì, Hè Wèi (ed.) 1998 — 劉祖陛, 賀魏. 福建省志方言志. 北京: 方志出版社, 1998. Liú Zǔbì, Hè Wèi (ed.) Fújiànshěngzhì fāngyánzhì [Languages and dialects of Fujian province]. Beijing: Fāngzhì chūbǎnshè, 1998.
- Lǐ Róng (ed.) 1998 — 李榮. 溫州方言詞典. 南京: 江蘇教育出版社, 1998. Lǐ Róng. Wēnzhōu fāngyán cídiǎn [Wenzhou dialect dictionary]. Nanjing: Jiangsu Educational Press, 1998.
- Lǐ, Rúlóng 1999 — 李如龍. 福建縣市方言志12種. 福州: 福建教育出版社, 1999. Lǐ, Rúlóng. Fújiàn xiànshì fāngyánzhì 12 zhǒng [The Twelve Dialects of Fujian Province]. Fuzhou: Fujian Education Publishing House, 1999.
- Lín Hánshēng 2002 — 林寒生. 閩東方言詞匯語法研究. 昆明: 雲南大學出版社, 2002. Lín Hánshēng. Mǐn dōngfāng fāngyán cíhuì yǔfǎ yánjiū [A study of the

- vocabulary and grammar of the Mingdong dialects]. Kunming: Yunnan University Press, 2002.
- Hirouyuki Akitani 2008 — 秋谷裕幸. Studies on Northern Min Dialects: Shipi, Zhengqian, and Dikou. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2008.
- HYDC = Luó Zhúfēng (ed.) 1993 — 羅竹風. 漢語大詞典. 上海: 上海辭書出版社, 1993. Luó Zhúfēng (ed.). Hànyǔ dà cídiǎn [Grand Chinese Dictionary]. Shanghai: Shanghai Lexicographical Publishing House, 1993.
- HYFC = Lǐ Shǒuyè (ed.) 1995 — 李守业. 汉语方言词汇. 北京: 语文出版社, 1995. Lǐ Shǒuyè (ed.). Hànyǔ fāngyán [Chinese dialect vocabulary]. Beijing: Chinese Language Press, 1995.
- Shorto Harry 1995 — H. L. Shorto. A Mon-Khmer Comparative Dictionary. Canberra: Pacific Linguistics, 1995.
- Zhōu Chángjí (ed.) 2006 — 周長楫. 閩南方言大詞典. 福州: 福州人民出版社, 2006. Zhōu Chángjí (ed.). Mǐnnán fāngyán dàcídiǎn [Dictionary of Southern Min Dialects]. Fuzhou: Fuzhou People's Publishing House, 2006.

References

- Cysouw 2004 — M. Cysouw. *Interrogative words: an exercise in lexical typology*. Paper presented at the seminar “Bantu Grammar: Description and Theory 3”, ZAS, Berlin, 13th February 2004.
- Douglas 1873 — C. Douglas. *Chinese-English Dictionary of the Vernacular or Spoken Language of Amoy, with the Principal Variations of the Chang-chew and Chang-chew Dialects*. London: Trübner and Co, 1873.
- Korovina 2019 — E. V. Korovina. Ranzhironiye bazisnoy leksiki S. A. Starostina: materialy k uluchsheniyu [Method of obtaining a ranked list of the basic vocabulary developed by Sergey A. Starostin]. *Indo-European linguistics and classical philology*. 2019. Vol. 23. P. 546–556. DOI: 10.30842/ielcp230690152345.
- LAC = Xióng Zhēnghuī et al. 2012 — 熊正輝. 中國語言地圖集第二版: 漢語方言卷. 北京: 商務印書館出版社, 2012. Xióng Zhēnghuī et al. *Zhōngguó yǔyán dìtújí dì èr bǎn: Hànyǔ fāngyán juǎn* [The Linguistic Atlas of Chinese dialects. 2nd edition: Chinese dialect volume]. Beijing: The Commercial Press, 2012.
- Lien 2017 — C. Lien. Human-denoting interrogative words in early southern min: coexistence and evolution. *Journal of Chinese Linguistics Monograph Series*. 2017. № 27. P. 130–158.
- Lorentz 2020 — M. M. Lorentz. Analiz bazisnoy leksiki dialektov gruppy Min i rekonstruktsiya praminskogo 100-slovnogo spiska [Analysis of Min basic lexicon and reconstruction of the Swadesh wordlist for Proto-Min]. *Journal*

- of Language and Relationship*. 2020. № 18/1–2. P. 126–169. DOI: 10.31826/jlr-2020-181-210.
- Lorentz 2023 — M. M. Lorentz. Klassifikatsiya vostochnoy vetvi dialektov gruppy Min i rekonstruktsiya pravostochnominskogo 100-slovnogo spiska [Classification of Eastern Min dialects and reconstruction of the 100-item wordlist for Proto-Eastern Min]. *Journal of Language and Relationship*. 2023. № 21/1–2. P. 117–155. DOI: 10.1515/jlr-2023-211-211.
- Schuessler 2007 — A. Schuessler. *ABC etymological dictionary of Old Chinese*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007. DOI: 10.1515/9780824861339.
- Starostin 1989 — S. A. Starostin. *Rekonstruktsiya drevnekitaiskoy fonologicheskoy sistemy* [Reconstruction of the Old Chinese phonological system]. Moscow: Nauka, 1989.
- Starostin 2016 — G. Starostin. From wordlists to proto-wordlists: reconstruction as «optimal selection». *Faits de langues*. 2016. Vol. 47. Iss. 1. P. 177–200. DOI: 10.3726/432492_177.
- Starostin 2019 — G. Starostin. Chinese basic lexicon from a diachronic perspective: implications for lexicostatistics and glottochronology. *Journal of Language Relationship*. 2019. № 17/1–2. P. 153–176. DOI: 10.31826/jlr-2019-171-213.
- Méi Zùlín, Yáng Xiùfāng 1995 — 梅祖麟, 楊秀芳. 幾個閩語語法成分的時間層次. 中央研究院歷史語言研究所集刊. 1995. Vol. 66. P. 1–21. Méi Zùlín, Yáng Xiùfāng. Jǐgè Mǐnyǔ yǔfǎ chéngfèn de shíjiān céngcì [Stratification in the Grammatical Elements of Several Min Dialects]. *The Bulletin of the Institute of History and Philology Academia Sinica*. 1995. Vol. 66. P. 1–21.

Получено / received 27.05.2024

Принято / accepted 22.10.2024

Семантика и морфосинтаксис глагольно-каритивных конструкций в типологической перспективе

Н. А. Муравьев

Университет Гамбурга (Гамбург, Германия); nikita.muraviev@gmail.com;
ORCID: 0000-0001-9586-5928

Н. О. Гордеев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); permanentdaylight@mail.ru; ORCID: 0009-0002-3811-1163

М. С. Кукушкина

Университет Потсдама (Потсдам, Германия); erinqua.hecil@gmail.com; ORCID:
0009-0007-6000-0212

Аннотация. В статье на материале шести языков: русского, французского, испанского, английского, норвежского и хантыйского — рассмотрены каритивные конструкции в типологической перспективе. Исследование сочетает подходы Грамматики конструкций (CxG) и Московской лексико-типологической группы, источник данных — опрос носителей. Выделяется три семантических домена: утраты / необладания, уступки и избегания. Переходные конструкции акцентируют внимание на участии агенса, а в фокусе непереходных — отношение обладания между двумя участниками. К основным лексическим источникам конструкций относятся глаголы позиции, движения и упорядочивания.

Ключевые слова: Грамматика конструкций, лексическая семантика, каритив, глагольно-каритивные конструкции, полисемия, фреймы, грамматикализация, переходность.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Типологический конструктикон» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2022–2023 г. Авторы признательны Е. В. Рахилиной, А. Б. Летучему, В. В. Жуковой, Д. Д. Мордашовой, Т. В. Сибиной, А. Ф. К. Рохасу, М. С. Суворовой, Е. М. Синевой и В. В. Молчанову

за обсуждение материала, а также анонимному рецензенту за ценные замечания, позволившие улучшить качество статьи. Авторы также благодарят носителей исследуемых языков, согласившихся заполнить анкету-опросник.

Semantics and morphosyntax of verbal caritive constructions in typological perspective

Nikita A. Muravyev

University of Hamburg (Hamburg, Germany); nikita.muraviev@gmail.com;
ORCID: 0000-0001-9586-5928

Nikita O. Gordeev

HSE University (Moscow, Russia); permanentdaylight@mail.ru; ORCID: 0009-0002-3811-1163

Maria S. Kukushkina

University of Potsdam (Potsdam, Germany); erinqua.hecil@gmail.com; ORCID: 0009-0007-6000-0212

Abstract. This study presents a typological comparison of verbal caritive constructions in Russian, English, French, Norwegian, Spanish and Khanty based on elicited data from native speakers. By caritive we understand a lexico-grammatical category denoting the absence of an expected participant, the absentee, in the situation. Caritive nominal marking combines with a verbal component to form new constructions belonging to three semantic domains: loss and non-possession, concession and avoidance. The domain of loss and non-possession contains contexts in which the agent loses the absentee or discovers the absence of the absentee ('lose, end up without, be without'). A concession is a situation in which participant X performs an action in the absence of the normal or expected participant Y ('do without, get by without'). Constructions in the avoidance domain express the absence of a participant undesirable for the situation, an obstacle ('avoid'). In accordance with the CxG framework, we consider primarily non-compositional constructions in which some aspects of their form or meaning are not predictable based on their components. We also compare them with synonymous simple transitive constructions. The main attention is paid to the formal make-up of constructions, their morphosyntactic properties, lexical sources, constant and variable aspects of meaning, and models of polysemy. The comparative analysis reveals that transitive constructions emphasize the participation of the agent,

while intransitive ones highlight the possessive relationship between the subject and the absentee. Verbal caritive constructions exhibit various degrees of polysemy ranging from highly polysemic constructions covering the majority of functions in the domain to specialized ones expressing only one function. Major lexical sources of verbal caritive constructions are motion verbs (concession, avoidance), posture verbs (loss), verbs of ordering (concession) and modal verbs (concession).

Keywords: Construction grammar, lexical semantics, caritive, verbal caritive constructions, polysemy, frames, grammaticalization, transitivity.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project “Typological Constructicon” supported by the Humanitarian Research Fund of FGN NIU Higher School of Economics in 2022-2023. The authors are grateful to E. V. Rakhilina, A. B. Letuchy, V. V. Zhukova, D. D. Mordashova, T. V. Simonova, A. F. K. Rojas, M. S. Suvorova, E. M. Sineva, and V. V. Molchanov for discussion of the material, and to an anonymous reviewer for valuable comments that improved the quality of the article. The authors also thank the native speakers of the languages under study who agreed to fill in the questionnaire.

1. Введение

Грамматика конструкций представляет собой стремительно набирающее популярность функциональное направление лингвистики и одновременно семейство теоретических функционально-ориентированных моделей языка. Конструкционный подход позволяет фиксировать, описывать и типологизировать языковые единицы между словоформой и простым предложением, которые не попадают в поле зрения традиционных исследований по грамматике и лексике. К таким единицам, в частности, относятся глагольно-каритивные конструкции, которым посвящена данная статья. На материале шести языков: русского, английского, норвежского, французского, испанского и хантыйского — рассматриваются семантическое разнообразие, особенности кодирования участников и лексические источники конструкций. Основное внимание уделено тому, как конструкции

со значением утраты / необладания, уступки и избегания складываются семантически и морфосинтаксически из каритивно маркированных именных групп ('без X') и полностью либо частично десемантизированных глагольных лексем, относящихся к различным семантическим классам, таким как глаголы позиции, изменения позиции, движения, упорядочивания, часть которых используется в маркированной залоговой форме. В частности, показывается, что грамматикализация глагольной лексемы с развитием у нее аспектуальных функций в сочетании с каритивной ИГ ведет к образованию составной единицы с собственным, не выводимым напрямую из отдельных компонентов, набором значений, двухместной непереходной валентностной рамкой и фокусом на посессивные отношения между двумя участниками в сравнении с синонимичными переходными конструкциями, выделяющими динамические аспекты ситуации.

2. Грамматика конструкций и каритивы

Основополагающей для теории Грамматики конструкций (*CxG*) считается статья [Fillmore et al. 1988], в которой была поставлена под сомнение автономность различных модулей языка — синтаксиса, лексики, семантики, прагматики, — а также возможность их независимого изучения; в качестве альтернативы была предложена новая языковая единица — конструкция, — объединяющая элементы перечисленных ветвей. Конструкции могут принадлежать к различным языковым уровням и объединяться в более крупные конструкции, однако при этом конструкция всегда в той или иной мере идиоматична, ее значение не может быть однозначно выведено из значений ее составляющих.

Существенный вклад в обобщение и развитие идей Ч. Филлмора внесла А. Голдберг. В своей монографии [Goldberg 1995: 4] она предложила одно из наиболее распространенных определений конструкции — языковое выражение, «в котором какой-либо аспект плана выражения или плана содержания не может быть точно

предсказан, исходя из компонентов конструкции или иных ранее установленных конструкций»; согласно данному определению ключевым критерием для выявления конструкций является невыводимость (*unpredictability*), ср. упомянутая выше идиоматичность или некомпозициональность.

Помимо этого, Голдберг развила идею Филлмора о наличии у конструкции собственного значения, введя понятие коэрсии (англ. *coercion*), то есть своеобразного подстраивания конструкцией входящих в нее элементов в формальном и/или семантическом отношении, ср. приводимое Голдберг словосочетание *to sneeze the napkin off the table* ‘чихая, сбросить (букв. счихнуть) салфетку со стола’, в котором глагол *to sneeze* ‘чихать’ приобретает несвойственный ему смысл каузации движения.

В этой же работе Голдберг обращает внимание на то, что подход *CxG* хорошо подходит для анализа случаев, когда неприемлемость грамматически верных предложений обуславливается их лексическим наполнением. В частности, обсуждая конструкции каузации движения, она приводит следующую пару примеров: *Sam carefully broke the eggs into the bowl*. ‘Сэм аккуратно разбил яйца в миску’ и **Sam unintentionally broke the eggs onto the floor*. ‘Сэм случайно разбил яйца на пол’. В рамках *CxG* неприемлемость второго примера объясняется семантикой конструкции, предполагающей целенаправленное разрушение, что делает неуместным наречие *unintentionally* ‘случайно’ и целевую поверхность *floor* ‘пол’.

Важной вехой в развитии теории *CxG* стало оснащение ее статистическими методами исследования, примером которых служит разработанный С. Грисом и А. Стефановичем коллострукционный анализ [Stefanowitsch, Gries 2003, 2005; Gries, Stefanowitsch 2004a, b]. Предлагаемый ими подход избегает ряда недостатков, свойственных корпусным исследованиям на основе прямого сопоставления единиц по частотности. Коллострукционный анализ использует точный критерий Фишера, позволяющий отследить статистически значимые отклонения данных по одной языковой единице от среднего значения для всех единиц того же типа. Применительно к лексическим сочетаниям коллострукционный анализ позволяет обнаружить

обусловленное семантическими факторами «тяготение» лексем друг к другу в рамках конструкций.

Не менее ценный вклад в развитие *SxG* внес У. Крофт, нашедший в Грамматике конструкций подходящий способ для преодоления «методологического оппортунизма», который, по его мнению, свойственен существующим синтаксическим теориям. В качестве альтернативы У. Крофт предлагает метод Радикальной конструкционной грамматики (*RCG*), описанный им в монографии [Croft 2001]. Крофт также постулирует конструкцию в качестве основной единицы языка; при этом в его модели каждая конструкция лингво-специфична, а синтаксические роли элементов в свою очередь конструкционно-специфичны, так как невозможно говорить о наличии какого-либо ограниченного набора универсальных синтаксических ролей. Согласно Крофту, выполняемая конструкцией функция предполагает определенный способ кодирования в языке, тем самым характеризуя и ограничивая внутри- и межъязыковое разнообразие форм конструкций. Подобного рода паттерны варьирования конструкций обуславливаются предполагаемым универсальным концептуальным пространством, присутствующим в человеческом сознании. Что немаловажно, *RCG* стала первой обстоятельной и достаточно удачной попыткой открыть для Грамматики конструкций перспективу типологических исследований.

Сформированное в рамках *SxG* понятие конструкции нашло свое применение в диахронических исследованиях процессов грамматикализации и «конструкционализации», в результате чего к настоящему времени стало возможно говорить об оформлении Диахронической конструкционной грамматики в качестве отдельной и независимой сферы исследования.

Теория *SxG* получила распространение и в российской лингвистике, в частности в обобщающем труде [Рахилина (ред.) 2010]. Помимо цельного и доступного обзора ключевых зарубежных и отечественных работ, посвященных тематике *SxG*, в книге затрагивается ряд проблем — в частности, даются конструкционные описания нескольких нестандартных языковых единиц, описываются некоторые семьи конструкций русского языка, поднимаются вопросы

анализа аргументной структуры и пути изменения и формирования конструкций.

Интенсивное развитие и распространение теории *SxG* впоследствии послужило толчком к разработке разнообразных ресурсов по конструкциям; инициатором в данном случае вновь выступил Ч. Филлмор, предложивший идею создания конструктикона английского языка. Конструктикон представляет собой некий «словарь» конструкций — это структурированная база данных, в которой перечисляются и с различных точек зрения (семантических, формальных, стилевых и т. д.) характеризуются конструкции того или иного языка. Идея Филлмора получила широкий отклик, благодаря чему появились проекты по созданию конструктиконов других языков, в частности шведского, немецкого, португальского, японского и русского.

Следуя вышеизложенным положениям теории *SxG*, мы планируем рассмотреть семьи глагольно-каритивных конструкций ряда языков: русского, английского, французского, испанского, норвежского, а также хантыйского. Каритив, или «лишительность», в узком смысле понимается как грамматическая категория, выражающая «отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника». Каритив находится в семантической оппозиции к комитативу (категории «сопутствования»), что позволяет некоторым исследователям определять каритив как отрицание сопровождения. Помимо этого, стоит отметить, что собственно термин «каритив» не является общепринятым и используется наряду с, например, привативом и абессивом — данное обстоятельство представляется важным ввиду того, что термин абессив получил широкое распространение в работах по финно-угорским языкам, к которым относится рассматриваемый нами хантыйский. В целом же подробный и обстоятельный разбор существующих определений каритива представлен в статье [Оскольская и др. 2020].

Эта статья является частью проекта «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов», о котором следует сказать чуть подробнее. Участники проекта отстраняются от ранее использовавшихся подходов, согласно которым каритив определялся как отрицание комитатива или посессива; вместо этого каритив

наделяется ими самостоятельной функцией — он модифицирует ситуацию или ее участника семантикой отсутствия (или невовлеченности) у них некоего другого ожидаемого участника. Такой подход позволяет исключить из рассмотрения некоторые близкие, но не относящиеся к каритиву конструкции (например, отрицания обладания, как в предложении — *У меня нет детей*), не накладывая при этом на каритивную конструкцию какие-либо формальные ограничения (каритивным маркером может быть аффикс, клитика, предлог и т. д.) и допуская к рассмотрению как специализированные, так и неспециализированные каритивные показатели в разных языках мира (специализированным показателем каритива в русском языке, например, являются предлог *без* и приставка *без-/бес-*; в языке без специализированного показателя каритив может выражаться, например, отрицанием комитатива, и предложение *Сын ушел без шапки* будет переводиться на такой язык буквально как *Сын ушел не с шапкой*). С. А. Оскольская и коллеги отбирали в каждом рассматриваемом языке (в общей сложности в выборку попало 100 языков) наиболее специализированные, грамматикализованные и частотные каритивные маркеры. Такой подход позволяет описать формальное разнообразие каритивных показателей и конструкций в языках мира, точнее охарактеризовать семантику таких показателей (в том числе указать, какие не собственно каритивные значения таким показателям свойственно выражать), а также выделить семантические типы участников каритивной конструкции. Тем не менее данное исследование затрагивало прежде всего центральные употребления каритивных маркеров, в то время как за его рамками, как будет показано далее, остались разнообразные конструкции, сформировавшиеся из сочетания каритивных маркеров с другими лексическими единицами.

3. Постановка задачи

Функционирование каритивных показателей, как показано для русского языка в работе (Христосова 2021), может выходить за рамки простого маркирования отсутствующего участника и участвовать

в формировании новых конструкций, таких как, например, X-ном *остаться* {infl} без Y-gen. В этой конструкции глагол *остаться* внешне ничем не отличается от других его употреблений, но претерпеет как минимум одно важное изменение. В сочетании с каритивной группой он обозначает не сохранение исходного состояния, как в *остался дома* или *остался холостым*, а вхождение в новое состояние, что в сочетании с каритивной группой дает новый смысл утраты, ср. *Петя остался без работы* как примерный эквивалент *Петя потерял работу*. Помимо утраты, конструкции похожего вида с каритивной группой встречаются в значении уступки, как в *Маша обошлась без электричества*, избегания, как в *Мероприятие прошло без эксцессов*, и состояния необладания, как в *Мы сидим без горячей воды*. Некомпозициональность таких сочетаний каритивной группы с глаголом делает их интересным объектом для типологического исследования как в плане синхронного устройства, так и с точки зрения диахронической эволюции. С одной стороны, такого рода единицы можно изучать с позиций лексической семантики, определяя постоянные и переменные аспекты значения и устанавливая модели полисемии. В то же время разнообразный и часто нестандартный морфологический состав этих единиц по сравнению с простыми переходными глаголами, вроде того же *потерять*, побуждает учитывать также их морфологические и морфосинтаксические свойства, что традиционно находится в ведении грамматической типологии. Необходимость изучения взаимосвязи первого и второго обусловлен наш выбор Грамматики конструкций как описательной модели.

Исследование представляет собой анализ глагольно-каритивных конструкций в шести языках: русском, французском, испанском, норвежском, английском, хантыйском. Глагольно-каритивные конструкции, фиксируемые в каждом языке, сопоставляются между собой в рамках одного языка и между языками. Кроме того, данные конструкции сопоставляются с синонимичными конструкциями без специальных каритивных показателей, выражающими аналогичные значения. Основным материалом для исследования послужили данные опросов носителей при помощи Google Forms, но также используются данные доступных корпусов и онлайн-переводчика Reverso

Context, а для хантыйского — полевые данные опроса носителей в с. Казым ХМАО в 2021 г.

Основные вопросы исследования можно сформулировать следующим образом:

- Какой набор значений выражают глагольно-каритивные конструкции?
- К каким лексическим источникам они восходят?
- В какой дистрибуции находятся непереходные конструкции с каритивными маркерами и синонимичные им переходные конструкции?
- Как варьируется их морфологический облик и кодирование участников?

В качестве теоретической базы мы опираемся на фреймовый подход Московской лексико-типологической группы [Рахилина, Резникова 2013], применяемый в исследованиях по лексической семантике. В рамках данного подхода квазисинонимичные лексические единицы сопоставляются между собой внутри одного языка и типологически, на основе такого сопоставления выделяются фреймы, или типовые ситуации, в которых они используются. Составленная по итогам такого сопоставления типологическая анкета позволяет установить семантический потенциал каждой исследуемой единицы.

Синхронное сопоставление конструкций представлено в терминах морфосинтаксической типологии. Основное внимание уделено сопоставлению переходных и непереходных конструкций, набору их семантических ролей и их морфологическому кодированию посредством падежей и предлогов или послелогов, а также маркированным диатезам глагола. Основу диахронического описания составляет Теория грамматикализации, в частности, работы Б. Хейне, Т. Кутевой и коллег [Heine, Kuteva 2002; Kuteva et al. 2019], в которых суммируются и обсуждаются основные пути развития лексических значений в грамматические и дальнейшая эволюция грамматических значений. Запись конструкций дана в стандартной для Грамматики конструкций нотации с латинскими буквами X, Y, Z для слотов конструкции и приводимыми полностью якорными элементами. Формы

слотов даны в глоссированном виде через дефис, формы якорных¹ элементов приводятся в фигурных скобках, глаголы даны в словарной форме (как правило, в инфинитиве), за которой следует словоизменительная морфология, обозначенная как {infl}, фиксированные словоформы записываются полностью.

Следующий раздел посвящен описанию выявленных нами глагольно-каритивных конструкций, которые образуют три семантических домена, а именно домен утраты/необладания (4.1), уступки (4.2) и избегания (4.3). В каждом домене выделяется ряд типовых ситуаций, или фреймов, со своим характером протекания события и набором участников. Далее мы представим инвентарь конструкций каждого из доменов и входящих в него фреймов и обсудим основные их особенности, после чего в *Разделе 5* подведем итоги исследования.

4. Обзор глагольно-каритивных конструкций

4.1. Домен утраты/необладания

Домен утраты/необладания представляет собой наиболее богатый и разнообразный семантический домен, который обслуживают глагольно-каритивные конструкции. Разнообразие проявляется как в количестве выделяемых фреймов, так и в формальном облике конструкций с различиями в переходности, прямом и косвенном (каритивном и некаритивном) кодировании субъекта и объекта утраты и семантической роли субъекта утраты. В онлайн-ресурсе «Фреймнет»² выделяется два релевантных фрейма: *Losing* и *Losing_track_of*. На основе сопоставления контекстов обсуждаемых конструкций мы выделили всего восемь фреймов: утрата контроля, утрата обладания, обнаружение утраты, утрата потенциального обладания, необладание,

¹ Имеются в виду постоянные элементы конструкции, противопоставленные переменным — слотам.

² База данных «Фреймнет», URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/>.

невозможность, утрата сущности и утрата свойства. Рассмотрим в отдельности каждый из фреймов.

Прототипической для утраты следует, по всей очевидности, считать переходную ситуацию, в которой первый участник с ролью агенса теряет второго участника с ролью темы. Соответствующий фрейм мы назовем фреймом **утраты контроля**. Данный фрейм описывает ситуацию, в которой участник X не контролирует присутствие участника Y, в результате чего второй участник больше не обнаруживается в ожидаемой участником X локации. Во «Фреймнете» этому фрейму соответствует фрейм *Losing_track_of* с участниками наблюдатель и тема и соответствующими вариантами *Losing_track_of_perceiver* и *Losing_track_of_theme*, различающимися перспективой, ср. *The burglar lost the police as the thief turned the corner* ‘Грабитель потерял из виду полицию, когда повернул за угол’ и *The police lost the burglar as the thief turned the corner* ‘Полиция потеряла из виду грабителя, когда тот повернул за угол’. Дефолтной для данного фрейма является переходная конструкция, в которой первый участник X — переходный субъект с семантической ролью (ненамеренного) агенса потери, а второй участник Y — прямой объект с ролью темы. Этой модели соответствуют конструкции X *perdre*{infl} Y во французском, X *perder*{infl} Y в испанском, X *lose*{infl} Y в английском, X *miste*{infl} Y в норвежском, X Y *wətši*{infl} в хантыйском и X-*nom* *потерять*{infl} Y-*acc* в русском языке, ср. примеры (1), (2) ниже. Стоит также отметить, что для русской, французской и английской конструкций в контексте одушевленного утрачиваемого участника, как в (2), возможен и даже более предпочтителен вариант с уточнением *потерял из виду* (аналогично для французского, см. (3)), так как без уточнения и контекстной поддержки предложение может интерпретироваться как утрата по причине смерти участника.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Петя никак не может найти свои ключи.}

(1) *Peter lost the keys*. ‘Петя потерял ключи’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Маленький Петя ходит туда-сюда, не видит отца.}

- (2) *pet'a-jen aše-λ wətš-əs*
 Петя-POSS.2SG³ отец-POSS.3SG терять-PST[3SG]

‘Петя потерял своего отца’.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Маленький Петя ходит туда-сюда, не видит отца.}

- (3) *Pierre a perdu son père de vue*
 Пьер AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP его.М отец от взгляд

‘Пьер потерял из виду своего отца’.

В некоторых языках в дополнение к переходной конструкции также встречается непереходная конструкция, в которой первый участник X — косвенный объект с ролью обладателя, а второй участник Y — субъект с ролью обладаемого. Так, в испанском и в русском языке, помимо переходной конструкции X-nom потерять {infl} Y-acc и X *perder*{infl} Y (4a), имеется непереходная конструкция A X *se le perder*{infl} Y и у X-gen потеряться {infl} Y-nom (4б).

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (4) а. *Pedro ha perdido las llave-s*
 Педро AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP DEF.F.PL ключ-PL

‘Педро потерял ключи’.

б. А *Pedro se le han perdido*
 к Педро REFL 3SG.OBJ AUX.PRS.3PL терять.PFV.PTCP
las llaves
 DEF.F.PL ключ-PL

‘У Педро потерялись ключи’.

Непереходная конструкция с возвратной залоговой формой глагола в (4б) продвигает обладаемое в позицию подлежащего и понижает исходный субъект в позицию косвенного дополнения, подчеркивая неконтролируемый характер совершаемого действия, подробнее

³ Посессивный показатель второго лица используется в некоторых диалектах севернохантыйского языка в качестве определенного артикля, а также артикля на именах собственных.

о конструкциях ненамеренного агенса см. в [Kittilä 2005]. Агенса в данном случае выступает как внешний посессор утрачиваемого участника, на что указывает, в том числе, его морфологическое кодирование.

Если фрейм утраты контроля описывает обратимую ситуацию, в которой временно теряется доступ первого участника ко второму, но сохраняется и сам второй участник, и его свойства, и посессивное отношение между первым и вторым участником, то фрейм **утраты обладания** описывает ситуацию, в которой участник X утрачивает статус обладателя по отношению к участнику Y. Аналогичный фрейм во «Фреймнете» — Losing, с участниками обладатель и обладаемое. Характерным средством выражения утраты обладания является непреходная конструкция, в которой первый участник X — субъект с ролью обладателя, а второй участник Y — косвенный объект, выраженный каритивной группой, с ролью обладаемого. Каритивный показатель может иметь вид предлога или послелога либо деривационной морфемы, ср. (5) и (6) ниже. Этой модели соответствуют конструкции X-nom остаться {infl} без Y-gen в русском языке (5), X bli {infl} Y-løs в норвежском (6), X se quedar {infl} sin Y в испанском, X se retrouver {infl} sans Y во французском и X Y-ли/Y takli xətsi {infl} в хантыйском. Выбор между каритивным суффиксом *-li* и послелогом *takli* в хантыйской конструкции коррелирует с референтностью участника: послелог сочетается преимущественно с референтными, суффикс — с нереферентными участниками, ср. *xot-li* ‘без дома, бездомный’ и *xot-əl takli* ‘без его дома’ (дом-POSS.3SG без).

{Петя неоднократно нарушал правила трудовой дисциплины, поэтому в итоге его уволили.}

- (5) *Петя остался без работы.*

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Из-за экономического кризиса Пер попал под сокращение.}

- (6) *Per ble arbeid-s-løs*
Пер стать.PST работа-OBL-CAR

‘Пер остался без работы’.

Также во всех языках, кроме хантыйского, утрата обладания может выражаться и стандартной переходной конструкцией: X perdre{infl} Y во французском языке (7), X perder{infl} Y в испанском языке, X lose{infl} Y в английском, X miste{infl} Y в норвежском и X-ном потерять{infl} Y-асс в русском. В переходной конструкции субъект является агенсом, поэтому ситуация представляется в динамическом ракурсе, в то время как субъект непереходной конструкции выступает в роли обладателя, что смещает акцент на результирующее состояние необладания.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Давид грубо нарушил правила, и у него отобрали водительские права.}

- (7) *David a perdu son permis de conduire*
 Давид AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP его.М разрешение от
 водить.INF

‘Давид лишился водительских прав’.

В хантыйском, ср. (8), использование переходной конструкции возможно, только если утрата произошла по вине субъекта (например, если бы Петю уволили из-за проблем с дисциплиной), что описывается фреймом утраты контроля.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Из-за локдауна музей, где работает Петя, закрылся, и Пете негде работать.}

- (8) *pet'a-jen rəpata-li xǎś-əs / #rəpata-jəl*
 Петя-POSS.2SG работа-CAR остаться-PST[3SG] работа-POSS.3SG
wətš-əs
 терять-PST[3SG]

‘Петя остался без работы’.

В русском также имеется специализированная⁴ квазипереходная конструкция X-ном лишиться{infl} Y-gen, в которой второй участник

⁴ Здесь и далее под специализированной мы будем понимать такую конструкцию, которая ограничена выражением значения данного фрейма.

оформляется не аккузативом, а генитивом, поскольку глагол *лишиться* является декаузативным дериватом от переходного глагола *лишить* и глагольная деривация на *-ся* за редким исключением не позволяет выразить прямое дополнение. В контексте примера (5), таким образом, уместен также вариант *Петя лишился работы*.

По сравнению с фреймом утраты обладания фрейм **обнаружения утраты** представляет собой ситуацию, в которой участник X неожиданно обнаруживает собственную утрату, совмещая роли субъекта утраты и наблюдателя. В этом фрейме переходные конструкции в рассматриваемых языках не используются, что ожидаемо, поскольку обнаружение происходит на результирующей стадии события и динамическая фаза остается за кадром. Вместо этого используется вышеупомянутая непереходная модель с обладателем X в позиции субъекта и обладаемым Y, выраженным каритивной группой. Перечень используемых непереходных конструкций во многом пересекается с конструкциями во фрейме утраты обладания, ср. X-ном остаться {infl} без Y-gen в русском, X se retrouver {infl} sans Y во французском, X se quedar {infl} sin Y в испанском, X Y-ли/Y takli xətsi {infl} в хантыйском, ср. употребление последней конструкции в (9) ниже.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{В автобусе у Пети украли кошелек, в котором лежали все его деньги.}

- (9) *pet'a-jen wux takli xəś-əs*
Петя-POSS.2SG деньги без остаться-PST[3SG]

‘Петя оказался без денег’.

В норвежском существует специализированная конструкция обнаружения утраты X stå {infl} uten Y, ср.:

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Выйдя из автобуса, Пер обнаружил, что у него нет кошелька.}

- (10) *Per stod uten peng-er*
Пер стоять.PST без деньги-PL.INDEF

‘Пер оказался без денег’.

В русском, помимо контекстного выражения при помощи уже названной выше конструкции, используются также две специализированные конструкции, передающие смысл неожиданного обнаружения: X-ном оказаться {infl} без Y-gen, как в *Петя оказался без денег*, и у X-gen пропасть {infl} Y-ном, как в *У Пети пропал кошелек*, делающие акцент, соответственно, на результирующем состоянии субъекта и на отсутствии в поле зрения утрачиваемого объекта.

Фрейм **утраты потенциального обладания** отличается от утраты обладания тем, что отношение обладания между двумя участниками в относительном будущем является ожидаемым для говорящего, исходя либо из текущего обладания (если речь, например, о доступе к какому-либо ресурсу, вроде горячей воды или электричества), либо из некоторых явных предпосылок. Утрата потенциального обладания акцентирует результирующее состояние и не инициируется агенсом, чем, по-видимому, обусловлено использование, как и в двух предыдущих фреймах, непереходных конструкций с субъектом обладателем X и косвенным каритивным объектом обладаемым Y: X se quedar {infl} sin Y в испанском (11), X-ном остаться {infl} без Y-gen в русском и X Y-*li*/Y tak*li* xätsi {infl} в хантыйском языке.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Петину посылку с книгами потеряли на почте.}

- (11) *Pedro se quedó sin libro-s*
 Педро REFL оставить.PST.3SG без книга-PL
 ‘Педро остался без книг’.

Во французском используются две конструкции: X se retrouver {infl} sans Y и X rester {infl} sans Y, ср. (12) и (13). Первая используется преимущественно с конкретным участником-темой, вторая — с абстрактными участниками.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Телефон Стефана сел, и в нужный момент он не был доступен.}

- (12) *Stéphane est resté /^{??}s’ est*
 Стефан COP.PRS.3SG оставить.PFV.PTCP REFL COP.PRS.3SG

retrouvé *sans contact*
 обнаружить.PFV.PTCP без связь

‘Стефан остался без связи’.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Спортсмен финишировал четвертым и не получил медаль.}

- (13) *L'athlète s' est retrouvé* */*est*
 DEF.M.SG REFL COP.PRS.3SG обнаружить.PFV.PTCP COP.PRS.3SG

resté *sans médaille*
 оставить.PFV.PTCP без медаль

‘Спортсмен остался без медали’.

В английском и норвежском также распространена непереходная конструкция с фразовым глаголом: X *end*{infl} *up* without Y и X *ende*{infl} *opp* *uten* Y (14), соответственно.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Спортсмен финишировал четвертым и не получил медали.}

- (14) *Utøver-en end-te opp uten medalje*
 спортсмен-SG.M.DEF закончить-PST вверх без медаль

‘Спортсмен остался без медали’.

В русском также фиксируется безличная конструкция с дативным оформлением обладателя и генитивным оформлением абсенса — потенциального обладаемого: X-dat не досталось Y-gen, ср.:

{Петя опоздал на ужин, и весь суп был уже съеден.}

- (15) *Пете не досталось супа.*

От утраты потенциального обладания еще на шаг отстоит фрейм **невоздействия**, в котором ожидаемое обладаемое заменяется ожидаемым внешним воздействием или реакцией, а предметное имя, заполняющее слот Y, — нефинитной глагольной формой, описывающей данное событие. Поскольку участник Y заполняет ситуационную валентность, существует две основные стратегии выражения данного фрейма: а) номинализация глагола, описывающего ситуацию воздействия, и б) отрицательное причастие от соответствующего глагола. Первая стратегия проиллюстрирована в (16) конструкциями

X rester {infl} sans Y во французском и ее переводом с конструкцией X-nom остаться {infl} без Y-gen в русском, ср. также X be {infl} left without Y в английском.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Ален задал вопрос, но никто не ответил.}

- (16) *La question d' Alain est restée sans*
 DEF.F вопрос от Ален COP.PRS.3SG оставить.PFV.PTCP.F без
réponse
 ответ

‘Вопрос Алена остался без ответа’.

Вторая стратегия представлена причастными конструкциями X remain {infl} un-V-ptcp в английском (17), X rester {infl} in-V-ptcp во французском, X forbli {infl} u-V-ptcp в норвежском и X-nom остаться {infl} не-V-ptcp в русском, а также деепричастной конструкцией X ãn V-man хăсті {infl} в хантыйском.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{На последнем совещании в проект решили не вносить никаких изменений.}

- (17) *The project remained unchanged.* ‘Проект остался без изменений’.

Продолжением фрейма утраты обладания также можно считать фреймы утраты сущности и свойства, в которых перестает иметь место не просто отношение обладания, а само существование второго участника или признака, характеризующего первого участника. Фрейм **утраты сущности** вариативен с точки зрения переходности конструкций. Например, в испанском и русском данный фрейм описывается как переходной, так и непереходной конструкцией: X perder {infl} Y и X se quedar {infl} sin Y в испанском и X-nom потерять {infl} Y-acc, X-nom лишиться {infl} Y-gen, X-nom остаться {infl} без Y-gen в русском, ср. разнообразие возможных средств в русском примере (18).

{Петин отец погиб в автомобильной аварии.}

- (18) *Петя потерял / остался без / лишился отца.*

Во французском языке также используются переходная X *perdre* {infl} Y и непереходная X *se retrouver* {infl} sans Y конструкции, однако последняя имеет более ограниченное использование в контекстах подобных (19), когда субъект неожиданно узнает об уже имеющей место или происходившей ранее ситуации, ср. (20).

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (19) *Michel a perdu son père /*
 Мишель AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP его.M отец /
s' est retrouvé sans père
 REFL COP.PRS.3SG обнаружить.PFV.PTCP без отец

‘Мишель потерял отца’.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Пьер вернулся с войны с тяжелой травмой ноги, ее пришлось ампутировать.}

- (20) *Pierre a perdu sa jambe / ??s'*
 Пьер AUX.PRS.3SG терять.PFV.PTCP его.F нога / REFL
est retrouvé sans jambe
 COP.PRS.3SG обнаружить.PFV.PTCP без нога

‘Пьер потерял ногу’.

В норвежском используется исключительно переходная конструкция: X *miste* {infl} Y (21), тогда как в хантыйском, напротив, используется исключительно непереходная конструкция X Y-ли/Y *takli xätsi* {infl} (22).

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

- (21) *Per mist-et / *ble uten far-en i en*
 Пер терять.PST стать.PST без отец-SG.M.DEF в INDF.M
bilulykke
 автокатастрофа

‘Пер потерял отца в автокатастрофе’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{В Петином доме произошел сильный пожар, и ему теперь негде жить.}

- (22) *pet'a-jen xot-li xǎś-əs* / **xot-əl wətš-əs*
 Петя-ART дом-САР остаться-РСТ[3SG] дом-POSS.3SG терять-РСТ[3SG]
 ‘Петя лишился дома’.

Столь же вариативен и фрейм **утраты свойства**, но в данном случае вариативность частично обусловлена разным набором свойств для одушевленных и неодушевленных участников. Одушевленные участники характеризуются посредством специфического набора свойств, включающего способности, например зрение, ловкость, или ментальные состояния, такие как надежда или уверенность, в то время как для неодушевленных участников более релевантны физические характеристики: цвет, запах, форма. Для полноценной картины употребления конструкций в значении утраты свойства необходим подробный анализ их сочетаемости с разными семантическими классами существительных, что выходит за рамки текущего исследования. Здесь мы для простоты ограничимся примером зрения как свойства одушевленных участников и цвета как свойства неодушевленных.

Переходная конструкция, как правило, доступна как для одушевленного, так и для неодушевленного субъекта, как в случае *X-пом потерять* {infl} *Y-acc* в русском, *X perdre* {infl} *Y* во французском, *X miste* {infl} *Y* в норвежском, *X lose* {infl} *Y* в английском, ср. пример использования в этой функции норвежской конструкции в (23). В русском также имеется специализированная переходная конструкция утраты свойства *X-пом утратить* {infl} *Y-acc*, ср. *Петя утратил надежду*.

- {Пер ослеп после инсульта.}
 НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)
 (23) *Per mist-et syn-et*
 Пер терять-РСТ зрение-SG.N.DEF
 ‘Пер потерял зрение’.

В испанском конструкция *X perder* {infl} *Y* в данном фрейме сочетается только с одушевленным субъектом (24), в то время как для неодушевленного субъекта обычно используется

специализированный глагол, лексикализирующий утрату конкретного признака (25). Вопрос о том, насколько это наблюдение применимо к любым признакам, нуждается в дополнительном изучении. Подобные глаголы встречаются и в других языках, ср. *se decolorer* ‘терять цвет’ во французском, *fade* ‘бледнеть’ в английском и *blekne* ‘бледнеть’ в норвежском.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (24) *Pedro perdió la vista*
 Педро терять.PST.3SG DEF.F зрение
 ‘Педро потерял зрение’.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (25) *La camisa se decoloró / *perdió su color*
 DEF.F рубашка REFL обесцветить.PST.3SG терять.PST.3SG свой
 цвет
 ‘Рубашка потеряла цвет’.

В хантыйском языке, напротив, переходная конструкция X Y wətš{i}{infl} фиксируется только для неодушевленных субъектов (26), тогда как для одушевленных используется специализированная непереходная конструкция X Y-λi/Y takλi pitti{i}{infl}. Буквально пример (27) означает ‘стал без глаза’, но в данной конструкции предметные имена интерпретируются как ассоциированные с ними абстрактные функции, здесь — зрение, ср. также сочетание *кырλi pitəs* ‘стал без ноги’, понимаемое как ‘потерял способность ходить’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Я постирал синюю рубашку с отбеливателем, и она стала светлее.}

- (26) *jernas-em xuras-əλ wətš-əs / *xuras-λi*
 рубашка-POSS.1SG вид-POSS.3SG терять-PST[3SG] вид-CAR
pit-əs
 остаться-PST[3SG]
 ‘Рубашка потеряла цвет (букв.: вид)’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

- (27) *pet'a-jen sem-li pit-əs* / **sem-əl*
 Петя-АРТ глаз-САР остаться-РСТ[3SG] / глаз-ПОСС.3SG

wətš-əs

терять-РСТ[3SG]

‘Петя потерял зрение (букв.: глаз)’.

Наконец, в русском, наряду с вышеупомянутыми переходными конструкциями, при одушевленном субъекте может использоваться квазипереходная конструкция X-*nom* лишиться {*infl*} Y-*gen*, ср. *Петя лишился зрения*.

Фрейм **необладания** описывает стативную ситуацию, в которой участник X вопреки условной норме или ожиданиям продолжает не обладать участником Y. В испанском, французском, русском и хантыйском языках для выражения данного фрейма контекстно используются непереходные глагольные конструкции утраты X *se quedar* {*infl*} *sin* Y (28), X *rester* {*infl*} *sans* Y, X-*nom* *остаться* {*infl*} без Y-*gen* и X Y-*li*/Y *takli xätsi* {*infl*}, соответственно.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Педро уже второй день забывает купить молоко.}

- (28) *Pedro se ha quedado sin leche*
 Педро REFL AUX.PRS.3SG оставить.PFV.PTCP без молоко

‘Педро остался без молока’.

В русском языке имеется специализированная конструкция X-*nom* сидеть {*infl*} без Y-*gen*, ср. *Петя сидит без молока*. Кроме того, в русском, а также в норвежском для выражения этой функции возможно использование каритивной группы с копулой (29), ср. *Маша без телефона*.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{В школе на неделю отключили горячую воду.}

- (29) *Skol-en er uten vann*
 школа-SG.M.DEF COP.PRS без вода

‘Школа без горячей воды’.

В испанском также имеется конструкция состояния необладания (30) с обязательным указанием на длительность этого состояния до текущего момента (от точки отсчета).

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (30) *Pedro lleva dos mes-es sin trabajo*
 Педро вести.PRS.3SG два месяц-PL без работа
 ‘Педро два месяца сидит без работы’.

4.2. Домены уступки и избегания

Домен уступки связан с идеей неожиданности некоторой ситуации, происходящей на фоне другой ситуации, поэтому прототипически выражается полипредикативными конструкциями, как в предложениях *Вася пришел, хотя его не звали* или *Сильно хромая, Петя все же сумел дойти до дома*. Такого рода конструкции достаточно подробно изучены, ср. [Haspelmath, König 1998; Crevels 2000], а также полипредикативный фрейм *Concessive* во «Фреймнете». Сюда же относятся некоторые стандартные для каритивных показателей контексты, вроде *Петя забил гвоздь без молотка*, в которых каритивная группа по смыслу эквивалентна отрицательной уступительной клаузе, ср. *Петя забил гвоздь, хотя у него не было молотка*. Существенно, что в интересующих нас глагольно-каритивных конструкциях основная ситуация (в примере выше — *Петя забил гвоздь*) остается не эксплицированной. Фреймов, соответствующих такого рода уступке, насчитывается три: активная, пассивная уступка и резистентность. Рассмотрим их по порядку.

Фрейм **активной уступки** описывает ситуацию, в которой участник X успешно выполняет некоторое контекстно заданное действие в отсутствие необходимого участника Y. Для выражения данного фрейма используются непереходные конструкции с косвенным объектом Y, ср. X-nom обойтись{infl} без Y-gen и X-nom справиться{infl} без Y-gen в русском (31), X se débrouiller{infl} sans Y во французском (32), X klare{infl} seg uten Y (33) и X greie{infl} seg uten

У в норвежском, X do{infl} without Y в английском. В хантыйском данная функция выражается сочетанием каритивной группы с полнзначным глаголом, эксплицитно выражающим успешно выполняемое действие, как в (32) ниже.

{У Пети не было под рукой словаря, но он все равно смог сделать задание.}

(31) *Петя обошелся / справился без словаря.*

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Петя не взял нож в поход, поэтому ел хлеб и колбасу отдельно.}

(32) *pet'aj-en keši-li nań-əl šnkət-s-əlle*
Петя-POSS.2SG нож-CAR хлеб-POSS.3SG ломать-PST-3SG>SG

‘Петя разделил хлеб без ножа’.

Поскольку речь идет об однократном основном событии разделения хлеба и колбасы на части, которое остается имплицитным, для данного фрейма типичен перфективный видовой ракурс, как в этом примере и других примерах ниже, хотя имперфективный также возможен, ср. *Петя в эту минуту справляется без словаря* или *Петя каждый раз справлялся без словаря*.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Анна не взяла нож в поход, поэтому ела хлеб и колбасу отдельно.}

(33) *Anna s' est débrouillée sans couteau*
Анна REFL COP.PRS.3SG распутать.PFV.PTCP.F без нож

‘Анна обошлась без ножа’.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Друзья не захотели помогать Перу, но Пер смог все сделать сам.}

(34) *Per klar-te seg uten hjelp fra venn-ene*
Пер справиться-PST REFL без помощь от друг-PL.DEF
sine
свой.PL

‘Пер справился без помощи друзей’.

Примечательно, что, если уступка подразумевает отсутствие одушевленного участника, как в примере (34) и в (36) ниже, второй слот конструкции часто, хотя и не обязательно заполняется не напрямую таким участником, а неодушевленным отглагольным существительным со значением помощи, вмешательства, участия со стороны этого лица.

Отдельного упоминания заслуживает французская непереходная конструкция *X se passer*{infl} *de Y* (35), в которой вместо каритивного предлога употребляется пространственный предлог *de* ‘из, от’.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (35) *Pierre s' est passé de dictionnaire*
 Пьер REFL COP.PRS.3SG пройти.PFV.PTCP от словарь

‘Петя справился без словаря’.

Примечательна своей идиоматичностью конструкция *X se las arreglar*{infl} *sin Y* в испанском (36), в составе которой присутствует застывшая прономинальная форма третьего лица множественного числа *las*, не реферирующая к какому-либо конкретному участнику.

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

- (36) *Pedro se las arregló sin la ayuda de sus amigos*
 Педро REFL 3PL.OBJ упорядочить.PST.3SG без DEF.F помощь
 от ego.PL друг-PL

‘Педро обошелся без помощи друзей’.

Фрейм **пассивной уступки** описывает ситуацию, в которой участник *X* не выполняет какого-либо одного конкретного действия, как при активной уступке, но в целом не испытывает серьезных трудностей в отсутствие необходимого участника *Y*. Перечень конструкций, используемых в этой функции, во многом пересекается с конструкциями активной уступки: *X se passer*{infl} *de Y* во французском (37), *X do*{infl} *without Y* в английском (38), *X-nom обойтись*{infl} *без Y-gen* в русском, *X klare*{infl} *seg uten Y* и *X greie*{infl} *seg uten Y* в норвежском и *X se las arreglar*{infl} *sin Y* в испанском. Однако в сравнении с активной уступкой фрейм пассивной уступки

описывает не выполнение одного индивидуального действия, а общее положение дел, поэтому для этого фрейма более типично использование тех же конструкций в имперфективном ракурсе.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{В студенческие годы Мари часто не ложилась спать по ночам.}

- (37) *Marie se passait de sommeil*

Мари REFL пройти.IPF.3SG от сон

‘Мари обходилась без сна’.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Обычно Петя берет в помощники Васю, но сейчас Вася занят, и Пете приходится работать в одиночку.}

- (38) *Today Peter does without Vasya.* ‘Сегодня Петя обходится без Васи’.

Вместе с тем в этой функции также фиксируются непереходные каритивные конструкции, для которых имперфективный ракурс является единственно возможным, ср. X get {infl} by without Y в английском (39), X kunne {infl} leve uten Y в норвежском, X Y-ли/Y takli wølti sír {poss} wølti {infl}, ср. (40), X Y-ли/Y takli wølti pís {poss} wølti {infl} и X Y-ли/Y takli weritti {infl} Vinf в хантыйском.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Петя ищет работу, и ему приходится занимать деньги у родственников}

- (39) *Peter gets by without work.* ‘Петя обходится без работы’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{У Пети сломался дизельный генератор, и он топит печь и зажигает свечи.}

- (40) *pet'a-jen tut takli wøł-ti sír-əł*

Петя-POSS.2SG огонь без быть-NFIN.NPST образ-POSS.3SG

wøł

быть:NPST[3SG]

‘Петя обходится без электричества’.

Отсутствие у данных конструкций перфективного ракурса и интерпретации активной уступки можно видеть на примере контекста в (41), в котором хантыйская конструкция X Y-ли/Y takli wəlti sír{poss} wəlti{infl} признается неуместной.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{У Пети не было под рукой словаря, но он все равно смог сделать задание.}

- (40) #pet'a-jen kiniška-li wənəlt-ijəł-ti
Петя-POSS.2SG книга-CAR учить-DETR-NFIN.NPST

sir-əł wə-s
образ-POSS.3SG быть:PST[3SG]

Ожид.: 'Петя справился без словаря'.

Кроме того, пассивная уступка может выражаться конструкциями с эксплицитованным модальным компонентом и десемантизированным лексическим глаголом 'жить' или 'делать', ср. X-ном мочь{infl} жить без Y-gen, X pouvoir{infl} faire sans Y (42) во французском, X can live without Y в английском, X Y-ли/Y takli weritəł wəlti.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{У Пети угнали машину, но он без проблем ходит везде пешком, даже на работу, хотя это занимает больше получаса.}

- (42) Pierre peut faire sans voiture
Пьер мочь.PRS.3SG делать.INF без машина

'Пьер может жить без машины'.

Фрейм **резистентности** описывает ситуацию, в которой участник X поддерживает существование в отсутствие критически необходимого участника Y, в частных случаях эта ситуация продолжается в течение периода Z. Как и в предыдущих случаях, фрейм выражается непереходными конструкциями с Y в роли косвенного объекта. Чаще всего для передачи этой идеи используются специализированные конструкции: X last{infl} (Z) without Y в английском (43), X Y-ли/Y takli pakti{infl} (Vinf) в хантыйском (44), X-ном продержаться{infl} Z-acc без Y-gen и X-ном протянуть{infl} Z-acc без Y-gen в русском, X tendre{infl} sans Y во французском и X kunne{infl} holde ut uten Y (i Z) в норвежском.

АНГЛИЙСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Петя долго тренировался нырять под воду и задерживать дыхание, и сейчас он смог не дышать три минуты.}

(43) *Peter lasted three minutes without air.*

‘Петя продержался три минуты без воздуха’.

ХАНТЫЙСКИЙ (ФИННО-УГОРСКИЕ)

{Пете нужно было проехать за рулем тысячу километров за сутки, поэтому он не спал.}

(44) *pet'a-jen atəλ pa xətəλ oləm-li pak-əs*

Петя-POSS.2SG ночь ADD день сон-CAR терпеть-PST[3SG]

‘Петя продержался сутки без сна’.

Однако также встречается и контекстное использование полисемичных конструкций, ср. X se passer {infl} de Y во французском (45), X-nom мочь {infl} прожить Z-acc без Y-gen в русском, X klare {infl} seg uten Y, X greie {infl} seg uten Y, X kunne {infl} leve uten Y в норвежском, X can do without Y.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{В критических условиях человек может ограниченное время прожить, не принимая пищу.}

(45) *Une personne se passe de nourriture*

INDEF человек REFL пройти.PRS.3SG от еда

pendant plusieurs jours

в.течение некоторый.PL день.PL

‘Человек может прожить несколько дней без еды’.

Смежным с доменом уступки является домен избегания, который также связан с идеей неожиданности одной ситуации или ее отсутствия по отношению к другой или к контексту, однако в данном случае речь идет об отсутствии не необходимой ситуации, а, напротив, нежелательной. Материал рассматриваемых языков позволяет выделить всего три фрейма: агентивное избегание, пассивное избегание и отсутствие помех.

Так, фрейм **агентивного избегания** описывает ситуацию, в которой участник X активно препятствует возникновению нежелательной

ситуации Y. Это единственный из трех фреймов, представленный во «Фреймнете» под названием Avoiding. Существенно, что нежелательная ситуация может быть не только внешней, но и со стороны другого участника или со стороны самого X-а. Данный фрейм обуславливается переходными конструкциями, ср. X-nom избежать {infl} Y-gen в русском, X éviter {infl} Y во французском (46), X avoid {infl} Y в английском, X evitar {infl} Y в испанском и X unngå {infl} Y в норвежском.

ФРАНЦУЗСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Мари переночевала у друзей, потому что не хотела разговаривать с отцом.}

- (46) *Marie a évité de parler*
 Мари AUX.PRS.3SG избежать.PFV.PTCP от говорить.INF
à son père
 к его.М отец

‘Мари избежала разговора с отцом’.

Фрейм **пассивного избегания** описывает ситуацию, в которой деятельность X-а не осложняется воздействием ожидаемой нежелательной ситуации Y. Фрейм выражается непереходной конструкцией с косвенным объектом, ср. X-nom обойтись {infl} без Y-gen и X foregå {infl} uten Y в норвежском (47); возможны также безличные непереходные конструкции, ср. обошлось без Y-gen в русском и sans faire de Y во французском, в которых участник X остается невыраженным.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Пер и Мари спокойно поговорили, не устраивая скандала.}

- (47) *Det foregikk uten bråk*
 оно пройти.PST без скандал

‘Обошлось без скандала’.

Фрейм **отсутствия помех** описывает ситуацию, в которой фоновая ситуация X не осложняется воздействием ожидавшейся нежелательной ситуации Y; отличие данного фрейма от предыдущего в том, что в роли X-а выступает не одушевленный субъект, а некое событие, мероприятие, процесс. Как и предыдущий, этот фрейм выражается

непереходными конструкциями с косвенным дополнением, ср. X *forløpe* {infl} *uten* Y в норвежском (48), X-ном обойтись {infl} без Y-gen и X-ном пройти {infl} без Y-gen в русском.

НОРВЕЖСКИЙ (ГЕРМАНСКИЕ)

{Все участники опасной экспедиции остались здоровы, никто не погиб.}

- (48) *Ekspedisjon-en forløp uten tap*
экспедиция-SG.N.DEF пройти[PST] без потеря[PL.INDEF]

‘Экспедиция прошла без потерь’.

В испанском языке также обнаруживаются непереходные конструкции с местоимением *todo* ‘все’ в анафорической функции — *Todo se llevo a cabo sin* Y (букв.: все было доведено до конца без Y), ср. (49), и *Todo se solucionó sin* Y (букв.: все решилось без Y).

ИСПАНСКИЙ (РОМАНСКИЕ)

{Мероприятие прошло согласно плану, никаких неожиданностей не было.}

- (49) *Todo se llevó a cabo sin contratiempo-s*
все REFL нести.PST.3SG к мыс без неожиданность-PL

‘Обошлось без сюрпризов’.

В хантыйском языке каких-либо конструкционных или лексических средств выражения семантики избегания не фиксируется. Смысл избегания передается имплицитно либо простым отрицанием полнозначного глагола, либо конструкцией с полнозначным глаголом и каритивной группой.

Как можно было увидеть из анализа, глагольно-каритивные конструкции неодинаковы по объему значений, которые они выражают. Часть из них специализирована на выражении одной функции, другая часть полисемична, выражая несколько функций, и набор и объем значений таких конструкций варьируются по языкам. В следующем разделе мы рассмотрим полисемию обсуждаемых конструкций, сопоставим между собой их лексические источники и морфосинтаксические свойства. На основе совмещаемых конструкциями функций мы представим модели концептуального пространства

глагольно-каритивных конструкций, выполненные по методу семантических карт, см., например, [Croft 2001].

5. Типологические обобщения

5.1. Полисемия и лексические источники конструкций утраты / необладания

Сопоставление конструкций по совмещаемым ими семантическим функциям в домене утраты / необладания дает нам семантическую карту, представленную на рисунках ниже. По совмещаемым функциям в этом домене можно выделить два кластера: агентивный (*Рис. 1*) и посессивный (*Рис. 2*). В агентивный кластер входят конструкции, следующие простой переходной агентивно-пациентивной модели, а именно $X \text{ perdre}\{\text{infl}\} Y$ во французском, $X \text{ perder}\{\text{infl}\} Y$ в испанском, $X \text{ miste}\{\text{infl}\} Y$ в норвежском, $X\text{-nom}$ потерять $\{\text{infl}\} Y\text{-acc}$ в русском, $X \text{ lose}\{\text{infl}\} Y$ в английском и $X Y \text{ wətši}\{\text{infl}\}$ в хантыйском. Обладатель в этих конструкциях концептуализуется как агенс потери, ответственный за утрату второго участника, хотя и не действующий намеренно. Большинство переходных конструкций этого кластера являются доминантными, выражающими максимальный для данного кластера набор значений: утрату обладания, утрату контроля, утрату сущности и утрату свойства. Отклоняется от модели хантыйская конструкция $X Y \text{ wətši}\{\text{infl}\}$, выражающая только функции утраты контроля и утраты свойства. Кроме того, в русском и хантыйском языках есть специализированная переходная конструкция утраты свойства: $X \text{ утратить}\{\text{infl}\} Y$ и $X Y\text{-}\lambda i/Y \text{ tak}\lambda i \text{ pitti}\{\text{infl}\}$. Наконец, в русском и испанском есть непереходные конструкции с рефлексивным дери́ватом от переходного глагола потери, выражающие утрату контроля с пониженной степенью агентивности: $у X\text{-gen}$ потерялся $Y\text{-nom}$ и $а X \text{ se le perder}\{\text{infl}\} Y$. Сосуществование в одном языке доминантной и специализированных стратегий следует общему тренду, отмеченному в лексической типологии, например [Рахилина и др. 2020].

Рис. 1. Семантическая карта домена утраты / необладания, агентивный кластер
 Fig. 1. Semantic map of the loss and non-possession domain, agentive cluster

В посессивный кластер, в свою очередь, входят непереходные конструкции с субъектом обладателем, в которых обладаемое оформляется грамматически периферийными средствами, чаще всего показателями каритива, а именно: *X-nom остаться{infl}* без *Y-gen* в русском, *X se quedar{infl} sin Y* в испанском, *X se retrouver{infl} sans Y* и *X rester{infl} sans Y* во французском, *X stå{infl} uten Y* и *X bli{infl} Y-løs* в норвежском, *X Y-ли/Y takli xätsi{infl}* в хантыйском. В отличие от конструкций агентивного кластера здесь обладатель концептуализируется как пациентивный субъект, затронутый событием, но сам не инициирующий событие утраты и не ответственный за это событие. Наиболее распространенной в этом кластере является доминантная модель, которая представлена конструкциями *X se quedar{infl} sin Y*, *X-nom остаться{infl}* без *Y-gen* и *X Y-ли/Y takli xätsi{infl}* и состоит из шести функций: утрата обладания, утрата сущности, обнаружение утраты, утрата потенциального обладания, необладание и невзаимодействие. В последней из шести функций конструкция имеет глагольное зависимое, что отражается в выборе альтернативного средства его кодирования, поэтому может с равным успехом рассматриваться как отдельная конструкция, но мы предпочитаем на основе общности якорного глагольного компонента все же объединить это употребление со всеми остальными. Любопытная ситуация наблюдается во французском языке: конструкции *X se retrouver{infl} sans Y* и *X rester{infl} sans Y* делят между собой функции посессивного кластера таким

образом, что первая выражает преимущественно утрату референтных, предметных и/или конкретных сущностей, а именно функции утраты обладания, утраты сущности и обнаружение утраты, в то время как вторая в большей степени ориентирована на нереферентные, глагольные и/или абстрактные сущности, а именно функции необладания и невзаимодействия. Функция потенциального обладания при этом может выражаться обеими конструкциями. В русском языке, параллельно с доминантной конструкцией X-nom остаться {infl} без Y-gen, есть также ряд специализированных конструкций: X-nom оказаться {infl} без Y-gen и у X-gen пропасть {infl} Y-nom с функцией обнаружения утраты, X-dat не досталось Y-gen с функцией утраты потенциального обладания, X-nom сидеть {infl} без Y-gen и X-nom (быть {infl}) без Y-gen с функцией необладания. В норвежском и английском языках доминантная конструкция в посессивном кластере отсутствует. В норвежском имеются специализированные конструкции утраты обладания, X bli {infl} Y-løs, обнаружения утраты, X stå {infl} uten Y, утраты потенциального обладания, X ende {infl} opp uten Y, необладания, X være {infl} uten Y, и невзаимодействия, X forbli {infl} u-V. В английском фиксируются отдельные конструкции для функций утраты потенциального обладания X end {infl} up without Y и невзаимодействия, X remain {infl} un-V. Промежуточное положение занимает русская конструкция X-nom лишиться {infl} Y-gen, совмещающая функции утраты обладания, сущности и свойства. Она выражает три из четырех функций агентивного кластера, но не выражает ключевой для этого кластера функции утраты контроля и морфосинтаксически ближе к конструкциям посессивного кластера в силу своей непереходности и выражения обладателя в позиции подлежащего.

Ситуация с лексическими источниками различается в агентивном и посессивном кластерах. Агентивный кластер прозрачен с точки зрения источников конструкций, поскольку семантика утраты передается напрямую лексическим значением используемого глагола⁵. В свою очередь, в посессивном кластере конструкции задействуют глагольные

⁵ Примечателен разве что случай двух переходных глаголов утраты в русском языке, *потерять* и *утратить*, которые восходят к одному и тому же

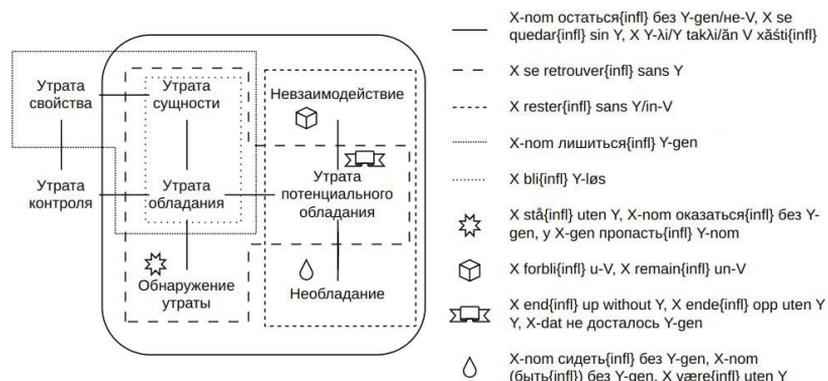

Рис. 2. Семантическая карта домена утраты / необладания, possessивный кластер

Fig. 2. Semantic map of the loss and non-possession domain, possessive cluster

лексемы, выражающие значения, изначально не связанные с утратой и необладанием. Наиболее широкую группу составляют глагольные основы в составе конструкций, диахронически связанные с глаголами позиции. В частности, в ряде конструкций глагольный компонент исходно выражает значение ‘стоять’ или ‘становиться’, ср. X-nom *остаться*{infl} без Y-gen, X-nom *остаться*{infl} не-V-ptcr и X-dat не досталось Y-gen в русском, X *rester*{infl} sans Y, X *rester*{infl} in-V во французском, X *stå*{infl} uten Y в норвежском. В русской конструкции X-nom *сидеть*{infl} без Y-gen в неизменном виде используется глагол ‘сидеть’. Другие конструкции, такие как X *ble*⁶ Y-lø̆s и X *forble* u-V в норвежском и X *remained* un-V⁷ в английском, имеют в основе глагол, обозначающий сохранение исходного состояния покоя. К этой же

этимологическому источнику — общеславянскому *terjati* ‘губить, разорять’ (Этимологический словарь М. Фасмера).

⁶ *Bli* ‘стать, остаться’ происходит от средненижнемецкого *bliven* ‘остаться’ (онлайн-словарь норвежского языка Ordbokene).

⁷ *Remain* из англо-нормандского *remaindre*, восходит к лат. *remanēre* с тем же значением (онлайн-словарь английского языка Merriam-Webster).

группе можно отнести глагол *quedarse* в испанской конструкции X se quedar⁸ {infl} sin Y и хăšti в хантыйской X Y-ли/Y takli хăšti {infl}, передающие каузированное состояние покоя. В первом случае глагол является прозрачным декаузативным дериватом от *quedar* ‘оставить’, во втором — глагол является членом каузативно-декаузативной пары *xăjti* ‘оставить’ ~ *xăšti* ‘остаться’. Две конструкции обнаружения утраты: французская X se retrouver {infl} sans Y и русская X-nom оказаться {infl} без Y-gen закономерно связаны со зрительным восприятием: в основе первой — глагол обнаружения *trouver* ‘находить’, второй — многозначный корень *-каз-*⁹, имеющий отношение к зрительному восприятию и речи. Английская конструкция X end {infl} up without Y и норвежская X ende {infl} opp uten Y имеют в основе фазовый глагол ‘закончить’. Конструкция у X-gen пропасть {infl} Y-nom в русском содержит в основе глагол падения. Глагол в конструкции X-nom лишиться {infl} Y-gen является декаузативным дериватом от глагола каузации прекращения обладания *лишить*¹⁰.

5.2. Полисемия и лексические источники конструкций уступки и избегания

Полисемия конструкций в доменах уступки и избегания позволяет построить семантическую карту, представленную ниже на *Рис. 3*. Максимальная модель полисемии фиксируется у русской конструкции X обойтись {infl} без Y-gen с безличным вариантом обошлось без Y-gen, которая охватывает функции активной, пассивной уступки, пассивного избегания и отсутствия помех. Функции активной, пассивной уступки и резистентности выражаются конструкциями X se passer {infl} de Y во французском, X klare {infl} seg uten Y и X greie {infl} seg uten Y в норвежском. Еще две конструкции, X se las arreglar {infl}

⁸ От позднелатинского *quĭētāre* ‘успокаивать’ (этимологический онлайн-словарь Diccionario Etimológico Castellano en Línea).

⁹ От ст.-слав. *казати* (Этимологический словарь М. Фасмера).

¹⁰ От ст.-слав. *лишити* (Этимологический словарь М. Фасмера).

sin Y в испанском и X do {infl} without Y в английском совмещают первые две функции. Конструкции X kunne {infl} leve uten Y в норвежском, X-ном мочь {infl} жить без Y-gen в русском и X can live without Y и X do {infl} without Y в английском совмещают функции пассивной уступки и резистентности. Все прочие конструкции относятся к специализированным, в частности, конструкции активной уступки: X-ном справиться {infl} без Y-gen в русском и X se débrouiller {infl} sans Y во французском, конструкции пассивной уступки: X get {infl} by without Y, X pouvoir {infl} faire sans Y во французском, X can live without Y в английском и X Y-ли/Y takli weritaλ, X Y-ли/Y takli wolti sir {poss} wolti {infl} и X Y-ли/Y takli wolti piś {poss} wolti {infl} в хантыйском, и конструкции резистентности: X-ном продержаться {infl} без Y-gen и X-ном протянуть {infl} без Y-gen в русском, X last {infl} (Z) without Y и X can do without Y в английском, X tendre {infl} sans Y во французском и X kunne {infl} holde ut uten Y в норвежском. Активное избегание выражается конструкциями X-ном избежать {infl} Y-gen в русском, X avoid {infl} Y в английском, X eviter {infl} Y во французском, X éviter {infl} Y в испанском, X ungå {infl} Y в норвежском. Для выражения пассивного избегания в норвежском используется конструкция X foregå {infl} uten Y. Ряд конструкций выражают функцию отсутствия помех: X-ном пройти {infl} без Y-gen в русском, X forløpe {infl} uten Y в норвежском, sans faire de Y во французском, todo se llevó a cabo sin Y и todo se solucionó sin Y в испанском.

- (1) X-ном справиться {infl} без Y-gen, X se débrouiller {infl} sans Y, (2) X get {infl} by without Y, X pouvoir {infl} faire sans Y, X can live without Y, X Y-ли/Y takli weritaλ, X Y-ли/Y takli wolti sir {poss} wolti {infl} и X Y-ли/Y takli wolti piś {poss} wolti {infl}, (3) X-ном продержаться {infl} без Y-gen, X-ном протянуть {infl} без Y-gen, X last {infl} (Z) without Y, X can do without Y, X tendre {infl} sans Y, X kunne {infl} holde ut uten Y, (4) X-ном пройти {infl} без Y-gen, X forløpe {infl} uten Y, sans faire de Y, todo se llevó a cabo sin Y, todo se solucionó sin Y, (5) X foregå {infl} uten Y, (6) X-ном избежать {infl} Y-gen, X avoid {infl} Y, X eviter {infl} Y, X éviter {infl} Y, X ungå {infl} Y.

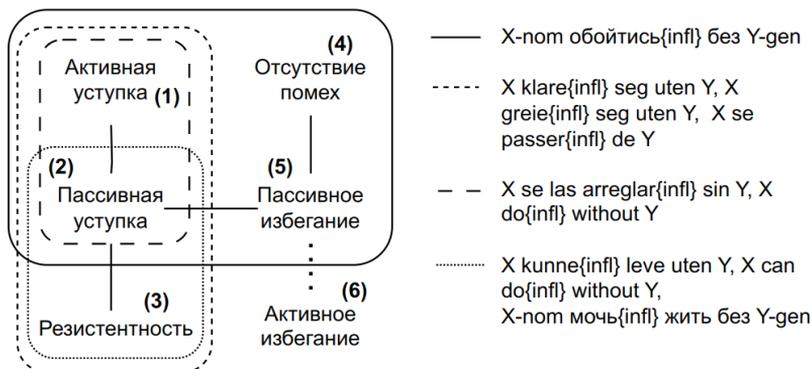

Рис. 3. Семантическая карта доменов уступки и избегания

Fig. 3. Semantic map of the concession and avoidance domains

Лексические источники уступки и избегания частично пересекаются. Так, для обоих доменов характерны конструкции с глаголами движения, ср. конструкции уступки и избегания X-nom обойтись{infl} без Y-gen в русском и X se passer{infl} de Y во французском; конструкции только избегания с основой ‘бежать’: X-nom избежать{infl} Y-gen в русском и X forløpe¹¹{infl} uten Y в норвежском; конструкции только избегания с основой ‘идти’ X-nom пройти{infl} без Y-gen в русском, X ungå{infl} Y и X foregå{infl} uten Y в норвежском. С активной уступкой ассоциированы глаголы, связанные с достижением состояния порядка и ясности, ср. X se las arreglar{infl} sin Y в испанском от *arreglar* ‘упорядочивать’, X se débrouiller{infl} sans Y во французском от *débrouiller* ‘распутывать’, X klare{infl} seg uten Y и X greie{infl} seg uten Y в норвежском от *klare*¹² и *greie* ‘про-

¹¹ *Forløp* от древнескандинавского *hlaupa* ‘прыгать, бежать’ (ср. англ. *leap* ‘прыгать’), происходящее, предположительно, от прагерманского *hlaupanan (онлайн-словарь норвежского языка Ordbokene).

¹² Норвежский глагол *klare* ‘мочь, справляться’ связан с прилагательным *klar* ‘ясный, чистый’, восходящим к древнескандинавскому *klágr* ‘ясный, прозрачный, ясный (о звуке)’ (онлайн-словарь норвежского языка Ordbokene), которое вероятно восходит к латинскому *clarus* ‘ясный’. У глагола *greie* ‘справлять, приводить

яснять' и X-nom справиться {infl} без Y-gen от близкой по значению основы -прав-¹³. Многие из них используются также во фрейме пассивной уступки. Лексическую основу конструкций потенциальной уступки составляют преимущественно глаголы 'мочь' и 'жить', например X-nom мочь {infl} прожить без Y-gen, X-nom мочь {infl} жить без Y-gen, X-nom мочь {infl} прожить без Y-gen, X can live without Y, X kunne {infl} leve uten Y. Хантыйские конструкции X Y-ли/Y takli wəlti śir {poss} wəlti {infl}, X Y-ли/Y takli wəlti piś {poss} wəlti {infl}, переводимые буквально как 'есть возможность быть / жить без Y', содержат модальное слово *śir* 'возможность', а также *piś* 'чудо', также используемое в некоторых модальных контекстах. Во фрейме резистентности якорные глаголы чаще всего имеют значение 'хватать, держать': X-nom продержаться {infl} без Y-gen, X kunne {infl} holde ut uten Y. В английском резистентность выражается конструкцией X last {infl} (Z) without Y с глаголом *last*¹⁴ 'длиться', в хантыйском — конструкцией X Y-ли/Y takli pakəɫ с глаголом *pakti* 'терпеть'. В английском для выражения уступки используются конструкции с глаголом 'делать': X do {infl} without Y и X can do without Y.

5.3. Лексические источники и пути грамматикализации

Набор лексических источников рассматриваемых конструкций по большей части соответствует фиксируемому во Всемирном лексиконе грамматикализации [Heine, Kuteva 2002; Kuteva et al. 2019] общему тренду развития вспомогательных глаголов с прогрессивным или хабитуальным значением из глаголов позиции, изменения

в порядок' также имеется связанное прилагательное *grei* 'дружелюбный, подходящий', оба восходят к древнескандинавскому *greida* 'облегчать, организовывать, причисывать' (онлайн-словарь норвежского языка Ordbokene).

¹³ Вероятно, из *prō-vos от *prō- (ср. пра-), родственного лат. *probus* 'добрый, честный, порядочный' (*prō-bhуos) (Этимологический словарь М. Фасмера).

¹⁴ От древнеанглийского *læstan* 'выдерживать, следовать' и прагерманского *laistjan 'следовать' (онлайн-словарь английского языка Merriam-Webster).

позиции, движения и некоторых других (ср. семантические переходы *sit, stay, go, remain, live, stand, do, keep* > continuous / progressive / durative, *sit, stay, go, remain, live* > habitual). Главным образом это касается конструкций уступки, избегания и необладания, описывающих непределённые ситуации отсутствия некоторого участника или ситуации. В конструкциях утраты же глаголы изменения позиции используются в предельном акциональном значении и, соответственно, развивают семантику изменения состояния. Глагол ‘жить’ в конструкциях уступки соответствует пути развития в глагол существования (*live* > *exist*), глаголы ‘упасть’, а также ‘пропасть’ как дериват от глагола падения, соответствуют пути развития в изменение состояния (*fall* > *change of state*). Глагол ‘пройти’ в конструкциях избегания в некотором смысле имеет семантику прохождения пути (*pass* > *path*), правда, метафорическую временную, а не пространственную. Применительно к конструкциям избегания уместно говорить о развитии каритивных показателей в показатели отрицания (*lack* > *negation*), поскольку в этих конструкциях характерный для каритивов смысл обладания уже не усматривается. Из не упомянутых во Всемирном лексиконе грамматикализации сценариев развития стоит отметить развитие глагольных значений прекращения и обнаружения в изменение состояния в домене утраты, значений упорядочивания в успешную деятельность и значений манипуляции (‘держат’, ‘хватать’) в резистентность в домене уступки, а также значений движения во вне ориентира и вокруг ориентира в избегание в домене избегания.

Показательным, однако, является то, что, помимо грамматикализации глагольных компонентов, рассматриваемые конструкции развивают собственные значения, не выводимые напрямую из значения частей. Например, в основе конструкций X-ном остаться {infl} без Y-gen в русском, X rester {infl} sans Y во французском, X bli {infl} Y-løs в норвежском и X Y-ли/Y takli xətsi {infl} в хантыйском — глагол сохранения исходного состояния, у которого смысл сохранения утрачивается и остается лишь акцент на итоговом состоянии. А смысл утраты возникает из сочетания глагола с каритивной группой, описывающей отсутствие участника и создающей контраст между итоговым состоянием его отсутствия и имплицитным исходным

состоянием наличия. У конструкций X-nom обойтись {infl} без Y-gen и X-nom пройти {infl} без Y-gen в русском, X foregå {infl} uten Y и X forløpe {infl} uten Y в норвежском и X se passer {infl} de Y во французском глагол движения используется в метафорическом значении успешного или, по крайней мере, не проблематичного завершения некоторой ситуации. Однако сам смысл уступки, а именно что субъект считается с отсутствием необходимой сущности или ситуации, получается уже только из сочетания глагола с каритивной группой. Эти семантические изменения следует рассматривать как примеры конструкционализации в смысле [Traugott, Trousdale 2013] и как подтверждение тезиса [Gildea, Barðdal 2023], что процесс грамматикализации отдельных лексических или грамматических единиц обретает смысл только в контексте конструкций, в которых эти изменения происходят. Стоит, однако, оговориться, что рассматриваемые в этой работе конструкции демонстрируют разную степень идиоматизации, далеко не всегда соответствуя тезису А. Голдберг о невыводимости конструкции из ее частей. На одном полюсе находятся конструкции, подобные испанской X se las arreglar {infl} sin Y, в которой мы видим не только десемантизированный глагол *arreglar* со значением ‘упорядочить’ в рефлексивной форме, но также застывшую прономинальную форму *las*. На другом полюсе, если оставить за скобками лексические средства вроде *потерять* или *избежать*, располагаются конструкции, подобные французской X se retrouver {infl} sans Y (буквально X обнаружил себя без Y) или русской X-nom остаться {infl} не-V-птср и ее аналогов, в которых глагольный компонент практически не десемантизирован и общее значение композиционально выводимо. К промежуточным случаям можно отнести конструкцию X мочь {infl} жить без Y и ее аналоги, единственным частично десемантизированным компонентом которых является глагол ‘жить’. Возникает закономерный вопрос о том, насколько некомпозициональность все же является обязательным свойством конструкции и целесообразно ли рассматривать в ряду конструкций композициональные или частично композициональные сочетания. В рамках данного исследования мы не проводили строгих границ и на текущий момент оставляем этот вопрос открытым.

5.4. Переходность и кодирование участников

Если провести сопоставление между непереходными конструкциями с каритивными маркерами и близкими по значению переходными глаголами, становится очевидно, что первые охватывают функции, при которых посессор отсутствующего или утрачиваемого участника не является в то же время агенсом. Так, конструкции утраты с каритивным показателем не выражают ключевой для переходных конструкций функции утраты контроля, а каритивные конструкции избегания аналогичным образом не выражают агентивного избегания. Это позволяет сделать вывод о том, что глагольно-каритивные конструкции реализуют в языке возможность описать взаимоотношение двух участников, выделяя посессивную связь между ними и не прибегая к переходной модели, подразумевающей прямое взаимодействие. Так, предложение *Петя потерял сумку* без специального контекста интерпретируется как утрата второго участника в результате неосторожных или непродуманных действий со стороны первого, а *Петя остался без сумки*, в котором первый участник по умолчанию не несет ответственности за потерю, — как происходящее скорее по внешним причинам. Кроме того, есть вариант *У Пети потерялась сумка*, в котором выбор глагольной лексемы сохраняет смысл прямого взаимодействия, но залоговая форма и предложно-падежное оформление агенса акцентируют ненамеренность события и роль Пети как обладателя, ср. та же предложная группа в конструкции обладания: *У Пети была сумка*. Вместе с тем между доменами утраты / необладания и избегания есть принципиальная разница: событие утраты в отличие от избегания никогда не происходит намеренно. Поэтому фреймы избегания четко дифференцированы: агентивное, намеренное избегание выражается переходной конструкцией, тогда как остальные функции ненамеренного избегания выражаются непереходными. Фреймы утраты же (исключительно ненамеренной) обнаруживают более сложную дистрибуцию и полисемию, часто допуская как переходный, так и непереходный способ выражения в зависимости от того, насколько субъект воспринимается

как ответственный за утрату. Особняком по отношению к доменам утраты / необладания и избегания стоит домен уступки, функции которого выражаются исключительно непереходными конструкциями, поскольку не подразумевают какого-либо прямого или косвенного взаимодействия между двумя участниками. Кроме того, конструкции утраты развивают дополнительные ограничения на переходность. Так, во фрейме утраты свойства переходные конструкции в норвежском и испанском используются только с одушевленным субъектом, а непереходные — с неодушевленным, в хантыйском же ситуация прямо противоположная. Во фрейме утраты сущности в норвежском используется только переходная конструкция и, напротив, только непереходная в хантыйском. Данные факты ставят хантыйский язык в особое положение по сравнению с европейскими языками, однако не позволяют на небольшом текущем материале сделать какие-либо содержательные типологические обобщения.

5.5. Дальнейшие перспективы

Изложенное в этой статье исследование представляет собой лишь первый шаг на пути к полноценному описанию глагольно-каритивных конструкций и оставляет ряд нерешенных вопросов. В частности, пока остается неясным, какая функция для каждой конструкции является центральной, а какие — периферийными, а также какими факторами обусловлен выбор конкретной функции: прагматическими, лексическими или какими-либо еще. Если глагольные компоненты являются десемантизированными и выполняют роль аспектуальной копулы, то какой набор аспектуальных значений они могут выражать и влияет ли конкретное значение на общую интерпретацию, ср., например, разницу между НСВ-вариантом X обошелся без Y и СВ-вариантом X обошелся без Y. Также неясно, насколько десемантизированным является каритивный компонент конструкций, отталкиваясь от трактовки функции каритивного показателя в [Оскольская и др. 2020] как «отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника».

Дальнейшие возможные шаги включают расширение типологического материала на языки других семей, а также совершенствование морфосинтаксического и лексико-семантического анализа, в том числе на материале доступных корпусов, а также рассмотрение обсуждаемых единиц в диахронии. Кроме того, перспективным видится, в целом, развитие идеи [Croft 2001] об интеграции конструкционного подхода к морфосинтаксическим явлениям и морфосинтаксической типологии, по большей части изучающей грамматические категории в отрыве от семантики сочетающихся с ними лексем. Такой подход не только эффективно дополнил бы существующие грамматические описания, но и позволил бы включить в рассмотрение довольно обширные классы менее регулярно устроенных языковых единиц.

6. Заключение

В статье на материале шести языков был рассмотрен круг конструкций, описывающих утрату или отсутствие участника, наличие которого является нормальным или ожидаемым, куда относятся, прежде всего, непереходные глагольные конструкции с каритивными показателями, но и другие непереходные конструкции, а также ряд переходных. Было выделено три семантических домена таких конструкций: домен утраты / необладания, который можно подразделить на агентивный и посессивный кластеры, домен уступки и домен избегания. На имеющемся материале было показано, что переходные конструкции акцентируют участие в ситуации агентивного субъекта, тогда как в фокусе непереходных конструкций оказывается отношение обладания между субъектом и отсутствующим участником. В каждом из рассмотренных доменов, по крайней мере в некоторых языках, имеются доминантные конструкции, охватывающие сразу несколько функций, однако большинство конструкций специализированно выражают только одну функцию. Основными лексическими источниками для домена утраты являются глаголы позиции, сохранения позиции или изменения позиции, для домена уступки — глаголы

движения и упорядочивания, для домена избегания — глаголы движения. Многие из источников соответствуют хорошо задокументированным процессам грамматикализации, но в то же время обнаружено несколько новых семантических переходов. Наконец, был подтвержден статус по крайней мере части описываемых единиц как конструкций, имеющих собственное значение, не выводимое напрямую из значения частей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; ART — артикль; AUX — вспомогательный глагол; CAR — каритив; COP — копула; DAT — датив; DEF — определенность; F — женский род; GEN — генитив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; LOC — локатив; M — мужской род; N — средний род; NFIN — нефинитная форма глагола; neg — отрицание; NOM — номинатив; npst — непрошедшее время; OBJ — объект; OBL — косвенная основа; PF — перфект; PFV — перфектив; POSS — посессив; PTCP — причастие; PTV — партитив; REFL — возвратность; PRS — настоящее время; SG — единственное число; PL — множественное число; PST — прошедшее время.

Литература

- Рахилина (ред.) 2010 — Е. В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. DOI: 10.4000/res.414.
- Рахилина и др. 2020 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 1. С. 9–63. DOI: 10.30842/alp2306573716101.
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 3–31.
- Оскольская и др. 2020 — С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов. Определение каритива как сравнительного понятия // *Вопросы языкознания*. 2020. № 3. С. 7–25. DOI: 10.31857/S0373658X0009370-6.
- Христосова 2021 — К. А. Христосова. Формирование семьи конструкций на примере каритивов: выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Crevels 2000 — E. I. Crevels. *Concession. A typological study*. Doctoral thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2000.

- Croft 2001 — W. Croft. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195396683.013.0012.
- Fillmore et al. 1988 — C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. *Regularity and idiomatcity in grammatical constructions: the case of let alone* // *Language*. 1988. Vol. 64. № 3. P. 501–538. DOI: 10.2307/414531.
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press, 2006. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199268511.001.0001.
- Gries, Stefanowitsch 2004a — S. Th. Gries, A Stefanowitsch. *Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on 'alternations'* // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2004. Vol. 9. № 1. P. 97–129. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gries, Stefanowitsch 2004b — S. Th. Gries, A Stefanowitsch. *Co-varying collexemes in the into-causative* // M. Achard, S. Kemmer (eds.). *Language, Culture, and Mind*. Stanford: CSLI, 2004. P. 225–236. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gildea, Barðdal 2023 — S. Gildea, J. Barðdal. *From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm* // *Studies in Language*. 2023. Vol. 47. № 4. P. 743–788. DOI: 10.1075/sl.20079.gil.
- Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. *Concessive conditionals in the languages of Europe* // Van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton, 1998. P. 563–640. DOI: 10.1515/9783110802610.563.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/s0022226703252063.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. *World lexicon of grammaticalization. 2nd, extensively revised and updated edition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. DOI: 10.1017/9781316479704.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. *Collocations: investigating the interaction between words and constructions* // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8. № 2. P. 209–243. DOI: 10.1075/ijcl.8.2.03ste.
- Stefanowitsch, Gries 2005 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. *Covarying collexemes* // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005. Vol. 1. № 1. P. 1–43. DOI: 10.1515/cllt.2005.1.1.1.
- Traugott, Trousdale 2013 — E. C. Traugott, G. Trousdale. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199679898.001.0001.

References

- Crevels 2000 — E. I. Crevels. *Concession. A typological study*. Doctoral thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2000.
- Croft 2001 — W. Croft. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001. DOI: 10.1093/oxford-hb/9780195396683.013.0012.
- Fillmore et al. 1988 — C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. Regularity and idiomatcity in grammatical constructions: the case of let alone. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 3. P. 501–538. DOI: 10.2307/414531.
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press, 2006. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199268511.001.0001.
- Gries, Stefanowitsch 2004 — S. Th. Gries, A Stefanowitsch. Extending collostruc-tional analysis: a corpus-based perspective on ‘alternations’. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2004. Vol. 9. No. 1. P. 97–129. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gries, Stefanowitsch 2004 — S. Th. Gries, A Stefanowitsch. Co-varying collexemes in the intocausative. M. Achard, S. Kemmer (eds.). *Language, Culture, and Mind*. Stanford: CSLI, 2004. P. 225–236. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gildea, Barödal 2023 — S. Gildea, J. Barödal. From grammaticalization to Diachronic Construction Grammar: A natural evolution of the paradigm. *Studies in Language*. 2023. Vol. 47. No. 4. P. 743–788. DOI: 10.1075/sl.20079.gil.
- Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive conditionals in the languages of Europe. Van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton, 1998. P. 563–640. DOI: 10.1515/9783110802610.563.
- Hristosova 2021 — K. A. Hristosova. *Formirovanie semi konstruksiy na primere karitivov* [Forming of a constructional family, the case of caritives]. Master thesis. Moscow: HSE University, 2021.
- Oskol'skaja et al. 2020 — S. A. Oskol'skaja, N. M. Zaika, S. B. Klimenko, M. L. Fedotov. Opređenje karitiva kak sravnitel'nogo ponyatiya [Defining caritive as a comparative concept]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2020. Vol. 3. P. 7–25. DOI: 10.31857/S0373658X0009370-6.
- Rahilina (ed.) 2010 — E. V. Rahilina (ed.). *Lingvistika konstruksiy* [Construction linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2010. DOI: 10.4000/res.414.

- Rahilina et al. 2020 — E. V. Rahilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova. Glagoly padeniya v yazykakh mira: freymy, parametry i tipy sistem [Verbs of falling in world languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. XVI. Pt. 1. P. 9–63. DOI: 10.30842/alp2306573716101.
- Rahilina, Reznikova 2013 — E. V. Rahilina, T. I. Reznikova. Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii [Frame approach to lexical typology]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2013. Vol. 2. P. 3–31.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Collostructions: investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 209–243. DOI: 10.1075/ijcl.8.2.03^{se}.
- Stefanowitsch, Gries 2005 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Covarying collexemes. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 1–43. DOI: 10.1515/cllt.2005.1.1.1
- Traugott, Trousdale 2013 — E. C. Traugott, G. Trousdale. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199679898.001.0001.

Получено / received 17.04.2024

Принято / accepted 5.10.2024

Этимология шести формально совпадающих тунгусо-маньчжурских праязыковых корней

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
pevnov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7421-7777

Аннотация. В данной работе представлены 6 словарных статей составляемого автором «Этимологического словаря тунгусо-маньчжурских языков (праязыковой фонд)». Праязыковые корни в этих статьях формально одинаковы (**dā-*), и задача автора заключается в том, чтобы доказать, что не все эти корни являются омонимами. Автор пришел к выводу о том, что 3 корня со значениями 1. ‘напасть на след, найти след’, 2. ‘впасть (о реке)’ и 3. ‘заразиться’ этимологически связаны друг с другом. Общее происхождение имеют также корни, означающие ‘родственник(и) со стороны матери, жены’, ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’ и ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’, причем первоначальным значением этих корней было, вероятно, ‘сторона’.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, праязык, этимология, словарная статья, корень, семантика.

Etymology of six phonetically identical roots in the reconstructed (Manchu-)Tungusic

Aleksandr M. Pevnov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); pevnov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7421-7777

Abstract. The Comparative Dictionary of Manchu-Tungusic Languages (Leningrad, Nauka; Vol. I – 1975, Vol. II – 1977) is an ideal basis for compiling an etymological dictionary. The author presents six entries in “Etymological Dictionary

of Manchu-Tungusic Languages (protolanguage fund)” being prepared for publication. Six reconstructed roots in these entries coincide formally (**dā-*), and the purpose of this paper is to find out if the roots are homonymous. The author comes to the conclusion that three roots meaning ‘to come upon the trail’, ‘to flow into (of a river)’ and ‘to become infected’ are etymologically connected to each other. The evidence for the connection between the meanings ‘to become infected’ and ‘to flow into (of a river)’ is that in Ewenki the verb stems *nā-w-* ‘to become infected’ and *nā-ldi-* ‘to flow into (of a river tributary)’ have a common root *nā-*. On the other hand, the Russian translations ‘напасть на след’ (‘to come upon the trails’) and ‘впасть (о реке)’ (‘to flow into (of a river)’) use identical verb root (cf. *напасть* and *впасть*). Consequently, if the meanings ‘to become infected’ and ‘to flow into (of a river)’ are connected to each other and if the meanings ‘to come upon the trails’ and ‘to flow into (of a river)’ are connected to each other, all the three meanings (‘to become infected’, ‘to flow into (of a river)’ and ‘to come upon the trails’) are undoubtedly interconnected as well. As for the roots **dā-* in the words (word stems) with the meanings ‘mother’s or wife’s relative(s)’ (**dā(-)*, **dā-ŋi-ta*), ‘to get across a river or lake’ (**dā-γ-*), ‘a linear measure equal to the distance between outstretched arms’ (**dā-r*), they also have a common origin, and their initial meaning may be reconstructed as ‘side’ (cf. the English translations: *relatives on the maternal side*, *to get to the other side of the river*, *a linear measure equal to the distance between arms stretched aside*).

Keywords: (Manchu-)Tungusic languages, protolanguage, etymology, entry, root, meaning.

1. Введение

История тунгусо-маньчжурской языковой семьи началась с обусловленной внешними факторами «первичной бифуркации» базисного (= пратунгусо-маньчжурского) праязыка — с обособления, с одной стороны, предка языков маньчжурской ветви (М) — чжурчжэньского, маньчжурского и сибинского, а с другой — того «праидиома», который дал начало всем остальным тунгусо-маньчжурским языкам (этот праидиом можно назвать «постпраязыком»). Предполагаю, что постпраязык возник в результате перехода носителей некоего

языка (возможно, неалтайского типа) на базисный тунгусо-маньчжурский праязык; происходил этот переход, вероятно, не раньше двух — двух с половиной тысяч лет назад предположительно в северо-западной Маньчжурии — на территории, прилегающей к восточным склонам северной части хребта Большой Хинган (этот хребет был условной границей двух языковых прародин — тунгусо-маньчжурской и монгольской).

Тунгусо-маньчжурский постпраязык отличался от базисного тунгусо-маньчжурского праязыка весьма существенными изменениями прежде всего в грамматике. Через некоторое время от тунгусо-маньчжурского постпраязыка отделился идиом, ставший предком языков амуро-сахалинской ветви (А) — к ней относятся орокский (уильта), ульчский и нанайский (а также смешанные языки с участием нанайского). Впоследствии наряду с уже существовавшими финальными праязыками М и А образовались еще два: один из них дал начало тунгусской ветви (Т), а другой — сихотэ-алиньской (С); к тунгусской относятся эвенкийский, хамниганский, ороченский, солонский, негидальский, эвенский и арманский языки, в сихотэ-алиньской ветви только два языка — орокский и удэгейский. Таким образом, история тунгусо-маньчжурской языковой семьи включает 7 языковых состояний: 1) базисный праязык МАСТ; 2) промежуточный праязык АСТ (постпраязык); 3) промежуточный праязык СТ; 4) финальный праязык М; 5) финальный праязык А; 6) финальный праязык С; 7) финальный праязык Т.

Работа над двухтомным «Сравнительным словарем тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю» [ССТМЯ 1975, ССТМЯ 1977] началась в секторе алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР в 1961 году. В 2009 г. автор данной статьи на основе этого сравнительного словаря, используя новые материалы, начал составлять «Этимологический словарь тунгусо-маньчжурских языков (праязыковой фонд)» (ЭСТМЯ).

Далее представлен небольшой фрагмент будущего ЭСТМЯ — 6 словарных статей. С одной стороны, это иллюстрация того, как выглядит словарная статья ЭСТМЯ. С другой стороны, эти словарные

статьи выбраны потому, что можно попытаться установить этимологические связи между некоторыми из них.

Словарная статья ЭСТМЯ состоит из заголовка и трех абзацев.

В заголовке приведена праформа и ее значение. В заголовке каждой словарной статьи заглавными буквами в скобках указано, в языках какой ветви имеются рефлексы данной праформы. Если сокращенное название ветви помечено астериском, то это означает, что рефлекс данной праформы можно надежно реконструировать для соответствующего финального праязыка, так как слово представлено во всех языках этой ветви. Если астериска нет, это означает, что слово представлено не во всех языках ветви, и потому реконструкция праформы для финального праязыка менее надежна. Например, запись *А, С, *Т означает, что праформа надежно восстанавливается для финальных праязыков А и Т, но менее надежно восстанавливается для финального праязыка С по той причине, что из современных языков сихотэ-алинской ветви соответствующее слово представлено только в одном — или в ороцком, или в удэгейском.

Праязыковая реконструкция осуществлена в ЭСТМЯ для двух самых ранних смежных временных уровней. Праформы более раннего (базисного) тунгусо-маньчжурского праязыка маркированы двумя астерисками: $^{TM}**dā$, $^{TM}**dā-ŋi-ta$ (М, *Т) ‘родственник(и) со стороны матери, жены’); праформы более позднего пратунгусо-маньчжурского языкового состояния (постпраязыка) отмечены одним астериском: $^{TM}dā-$ (*А, *С, *Т) ‘впасть (о реке)’.

В первом абзаце цитируются материалы «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ), необходимые для праязыковой реконструкции и этимологизации. В этом абзаце (а иногда и в следующем) подчеркнуты сокращенные названия тунгусо-маньчжурских языков, являющихся диагностическими для праязыковой реконструкции: это эвенкийский (обязательно должны быть какие-то западные его диалекты, например, подкаменно-тунгусский), удэгейский (иногда ороцкий), нанайский (в виде исключения может быть ульчский) и маньчжурский. Как видим, диагностические языки представляют все четыре ветви тунгусо-маньчжурской языковой семьи,

причем это такие языки, у которых было меньше контактов с другими тунгусо-маньчжурскими языками. Удэгейский и нанайский в этом отношении уступают эвенкийскому и маньчжурскому. Желательно, конечно, чтобы у диагностических языков вообще не было никаких контактов с родственными им языками, но такая ситуация характерна только для эвенкийского, а точнее, для его западных диалектов, географически весьма далеких от восточных. Так удачно получилось, что лексических материалов по трем диагностическим языкам — по эвенкийскому, нанайскому и маньчжурскому — больше, чем по другим тунгусо-маньчжурским (исключением является эвенский, по которому их также немало).

Второй абзац словарной статьи дополняет первый лексическими материалами, опубликованными после завершения работы над обоими томами ССТМЯ, или же теми, которые были когда-то записаны, но не опубликованы; кроме того, во втором абзаце приводятся формы и значения слов, более или менее существенно отличающиеся от тех, которые даны в ССТМЯ.

Третий абзац — этимологический (в нем могут быть и примечания, уточнения, которые имеют отношение к этимологии).

Тунгусо-маньчжурские слова и аффиксы в ЭСТМЯ и в данной статье транслитерированы латиницей, отражающей транскрипцию кириллицей в ССТМЯ. Обусловленный сингармонизмом и поэтому вполне предсказуемый увулярный характер согласных не отмечается ни в ЭСТМЯ, ни в данной статье (например, $k = \kappa, \text{ʃ}$); следует, правда, сказать, что в восточном диалекте негидальского языка увулярность не всегда связана с сингармонизмом (в западном диалекте увулярные вроде бы вообще отсутствуют, как в эвенкийском языке). В ССТМЯ диакритикой маркировались гласные i, y , употребляющиеся в словах с а-гармонией (относительно более низкий подъем). В ЭСТМЯ и в данной статье отмечены надстрочным знаком гласные $\hat{i}, \hat{u}, \hat{o}^1$ в словах с э-гармонией (относительно более высокий подъем). В праязыковой реконструкции предлагаю различать в анлауте k^1 и k^2 : рефлексом k^1 в нанайском, ульчском и орокском языках является x ,

¹ Соответствует θ в ССТМЯ.

в остальных тунгусо-маньчжурских языках — ноль звука; рефлексом k^2 во всех современных тунгусо-маньчжурских языках выступает k (при этом все или почти все такие слова или заимствованы, или имеют образное происхождение).

2. Образцы словарных статей ЭСТМЯ

тм**dā-* (*А, *С, *Т) ‘напасть на след, найти след’

1. Эвенк. *dā-* ‘выследить (зверя), напасть на след’; эвен. *dat-/č-* (Ол, М, П, Ск) ‘выследить (зверя); преследовать, догонять’; нан. *dāč-i-* ‘выследить (зверя); преследовать, догонять’ [ССТМЯ 1975: 184].

2. Эвенк. *dā-* (Б.) ‘«попасть на след медведя»’ [Shirokogoroff 1944: 26], *dāžāk* ‘место, где найден зверь’ [Василевич 1958: 105]; эвен. *dāč-/t-* ‘1) идти по следу кого-либо; 2) выследить (зверя), напасть на след; преследовать, догонять’ [Новикова 1980: 169]; ороч. *dā-* ‘найти след, напасть на след’, *dāgi-* ‘найти потерянный след’ [Аврорин, Лебедева 1978: 176]; уд. *dāla-* (Им, Смрг) ‘идти следом (за кем-либо)’, *dasi-* ‘идти следом (о собаке) (Им, Кп), сопровождать кого-либо, ходить вместе (Смрг)’, *dasikta-* (Смрг) ‘бегать за чужим хозяином (о собаке)’ [Кормушин 1998: 225, 226]; нан. *dāč-i-* ‘гнаться, погнаться за кем-либо, преследовать, догонять кого-либо’ [Оненко 1980: 142].

3. Возможно, сюда же относится ма. *dari-* ‘«натякаться» (зверь на охотника или охотник на зверя)’ [Захаров 1875: 794], однако непонятно, что представляет собой сегмент *-ri-*.

В [ССТМЯ 1975: 184] со ссылкой на работу Г. Рамстедта сравнивается с п.-мо. *daya-* ‘следовать за кем-либо, чем-либо, преследовать’ и соответствующими основами в других монгольских языках.

тм**dā-* (*А, *С, *Т) ‘впадать (о реке)’

1. Эвенк. *dāptu*, *dāptun* ‘устье реки’, *dāptu-*, *dāptuta-* ‘впадать (о реке)’; эвен. *dāptu-* (Ол, Б, Ох) ‘1) устье (реки, впадающей в море);

2) берег моря»; нег. *dāptu-* (Н) ‘впадать (о реке)’; ороч. *dāta*, *dātan* ‘устье (реки)’; уд. *data* (Хор, Ан) ‘устье реки’; ульч., орок. *dā* ‘устье (реки)’; нан. *dā* (Нх, Бк) ‘1) устье реки; 2) горловина (у посуды); 3) отверстие (вход, выход)’ [ССТМЯ 1975: 197].

2. Эвенк. *dā-* ‘впадать (о реке)’ [Горцевская и др. 1958: 47]; ороч. *data(n)* ‘устье реки, ручья, ключа’ [Аврорин, Лебедева 1978: 177]; сол. *dāt* ‘1. устье реки; нижнее течение реки’ [Do·Dorji 1998: 103]; уд. *dāta* ~ *data* (Хор, Ан, Бик, Им, Кп, Смрг) ‘устье (притоков)’ [Кормушин 1998: 226]; нан. *dā* ‘1) устье реки; горло залива; 2) узкий вход во что-либо, куда-либо’ [Оненко 1980: 130].

3. В работе [Аврорин, Лебедева 1978: 177] гласный первого слога в ороч. *data(n)* ‘устье реки, ручья, ключа’ краткий (в [ССТМЯ 1975: 197] он долгий).

тм**dā-* (*А, С, *Т) ‘заразиться’

1. Эвенк. *dā-* (М, Сх, Тнг, Тт, Урм, Учр, Члм), *dāwuw-* (П-Т, Алд, З, Е, И, Н, Сх, Тнг, Урм, Учр) ‘заразиться’, *dāwki*, *dāri* ‘заразный’; эвен. *dāw-* (Ол, Алл, Арм, Б, М, Ох, П, Ск, Т) ‘заразиться’; нег. *dāp-* (Н) ‘заразиться’; уд. *dā-* (Хор) ‘заражаться, передаваться, приставать (о болезни)’; ульч. *dā-*, *dāri-* ‘заразиться’; нан. *dā-* (Нх, К-У), *dāri-* (Нх) ‘заразиться’ [ССТМЯ 1975: 184].

2. Нан. *dā-* ‘(употребляется в 3-м лице) передаваться другим, переноситься, распространяться — о заразной болезни’, *dāp-* ‘заразиться, быть зараженным’ [Оненко 1980: 130, 139]; уд. *dā-* ‘приставать, прилипнуть (в частности, о болезни), пачкать’ [Шнейдер 1936: 24].

3. — — —

тм***dā(-)* (М, *Т), тм***dā-ŋi-ta* (М, *Т) ‘родственник(и) со стороны матери, жены’

1. Эвенк. *dā* (П-Т), *dāl* (П-Т, И, С, Урм), *dān* (П-Т, З, Е, Н, Сх, Урм) ‘1) родственник по свойству; 2) сват, сваты (отец, мать жениха); 3) род, откуда берут невесту’, *dā-* ‘передать мясо медведя родственникам’, *dāw* (П-Т) ‘обмен девушками-невестами между родами’, *dānən* (П-Т)

‘два человека, породнившиеся в результате обменного брака’; эвен. *dā* (Ол, М, Ох) ‘1) родственник по свойству (старший брат жены, муж младшей сестры); 2) сват, сваты’, *dāŋtʰ* (Ол, Алл, Б, Ох, П, Т) ‘дальний родственник (родня по мужской линии матери — младший брат матери; родня по женской линии отца — ребенок младшей сестры отца)’; нег. *dāŋta*, мн. ч. *dāŋnil* (Н, В) ‘1) родственник по свойству (родня по мужской линии матери; дети братьев жены); 2) медведь’; ма. *dančan* (З., Сиб), *danšan* (Сиб) ‘1) родственник по свойству; родство со стороны матери или жены; 2) сват, сваты’ [ССТМЯ 1975: 183–184].

2. Эвенк. *dān* (мн. ч. *dasa, daha*) ‘1) (П-Т, Н, Е, З, Урм, Сх) сват (прежде — человек из чужого рода); 2) (С, Урм) род, берущий невесту; 3) (Урм) отец или мать жениха, невесты’ [Василевич 1958: 107]; сол. *dāt* ‘род’ [Do·Derji 1998: 103].

3. Приведу соответствующее маньчжурское слово по первоисточнику: «даньчань; родство с матерней или жениной стороны, женин дом» [Захаров 1875: 775]. По-видимому, ма. *dančan* восходит к **dāŋtan*, ср. ма. *ənčū* ‘1) другой, иной; 2) отличный, особенный, непохожий’ и эвенк. *huŋtu* ‘1) другой, иной, особый; 2) чужой, неизвестный’ [ССТМЯ 1977: 349–350]. Праформа **dāŋtan*, к которой, вероятно, восходит ма. *dančan*, соответствует эвенскому слову *dāŋtʰ* (Ол, Алл, Б, Ох, П, Т) ‘дальний родственник (родня по мужской линии матери — младший брат матери; родня по женской линии отца — ребенок младшей сестры отца)’, а также негидальскому *dāŋta* («*dāŋ^{*}ta*») (мн. ч. *dāŋil*, в [ССТМЯ 1975: 184] *dāŋnil*), которое обозначает не только родственников по мужской линии матери и детей братьев жены, но также медведя [Цинциус 1982: 209].

Родство со стороны матери или жены у тунгусо-маньчжурских народов связывалось с родством человека с медведем. Именно поэтому в подкаменнотунгусском диалекте эвенкийского языка слово *dā* обозначает родственника по матери, а глагол *dā-* выражает значение ‘передать мясо медведя родственникам’. В негидальском языке, как было уже сказано выше, слово *dāŋta* («*dāŋ^{*}ta*», мн. ч. *dāŋil*) обозначает не только родственников по мужской линии матери и детей братьев жены, но также медведя [Цинциус 1982: 209]. «Свежевание медведя и его шкуры свойственником, вручение первого куска с медвежьей

головы самой старой женщине, слово *давун*, произнесенное во время трапезы, — все эти факты свидетельствуют о зарождении обряда в период материнской родовой организации и о том, что этот обряд вначале был обрядом двух родов, связанных взаимобрачными отношениями» [Василевич 1969: 238] (подчеркнуто мной. — А. П.).

™**dā-γ-* (А, Т) ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’

1. — — —

2. Эвенк. *dāγ-* (П-Т, Н, Е, И, С, В-Л) ‘1) перейти, переехать через реку’ [Василевич 1958: 103]; нан. *dāwān-* ‘послать на другой берег, на другую сторону; сделать так, чтобы кто-либо переправился на другой берег, на ту сторону’, *dāwo-* ‘переправить на другой берег, на другую сторону кого-либо, что-либо’; ср. также нан. *dagbori-* ‘переправить кого-либо или что-либо на чем-либо (напр. через реку, озеро)’ [Оненко 1980: 132].

3. Маньчжурскую основу *doo-* ‘переправляться, переезжать, переплывать, переходить (через реку)’, приведенную для сравнения в [ССТМЯ 1975: 187] в словарной статье «ДĀŸ- перебраться», вряд ли можно с учетом известных звуковых соответствий возводить к ™**dā-γ-*.

В [ССТМЯ 1975: 187] в словарной статье «ДĀŸ- перебраться» объединены этимологически не связанные друг с другом глагольные основы: одну их них можно реконструировать как ™**dā-γ-* ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’, а другую, заимствованную в тунгусо-маньчжурский праязык из прамонгольского, как ™***daba-* ~ ™***dabu-* ‘перевалить через гору; перейти через горный хребет; переправиться на другой берег’ (рефлексы варианта ™***daba-* даны в [ССТМЯ 1975: 185–186] в словарной статье «ДАВА-перевалить», а рефлексы варианта ™***dabu-* помещены в словарную статью «ДĀŸ- перебраться»).

Что касается сегмента ™*-γ- в основе ™**dā-γ-* ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’, то ср. ™***tū-γ-* ‘упасть’, ™***tō-γ-* ‘подняться (на что-либо)’, ™***tā-γ-* ‘узнать (забытое, виденное ранее)’, ™***k’ā-γ-* ‘пристать, причалить’, ™***nā-(γ-)* ‘попасть в цель (например, о стреле), наткнуться (на что-либо)’ (общим для этих

глаголов является достижение контрастного результата; интересно, что все основы состоят из одного слога).

ТМ***dā-r* (М, *А, *С, *Т) ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’

1. Эвенк. *dār*, *dārikta*, *dārin* ‘сажень (маховая, ручная — мера длины, равная расстоянию вытянутых в стороны рук)’, *dārinivčā* ~ *dārinipčā* ‘вытянутый в сторону (о руках)’, *dārinčā*- (Д) ‘стоять с вытянутыми в стороны руками’; эвен. *dār* (Ол, Б, М, Ох, П) ‘сажень (маховая, ручная)’, *dārʷpki* (Ол) ‘растянув руки в стороны’; нег. (Н, В), ороч., уд. *dā* (Хор) ‘сажень (маховая, ручная)’; ульч. *dā* ~ *dāl* ‘сажень (маховая, ручная)’; нан. *dā* ~ *dār* (Нх, Бк, К-У) ‘сажень (маховая, ручная)’; ма. *da* ‘сажень (маховая, ручная)’ [ССТМЯ 1975: 198].

2. Сол. *dār* ‘мера длины, равная расстоянию между вытянутыми в стороны руками’ [Do·Dərjǝ 1998: 103]; эвен. *dārkan*- ‘расправлять крылья (о птице)’ [В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005: 89]; ороч. *dā(g)* (вин. пад. *dābba*) ‘ручная сажень’, *dāwi*- ‘измерять ручной саженью’ [Аврорин, Лебедева 1978: 176]; орок. *dāri*- ‘измерять’ [Kegami 1997: 38].

3. Сегмент ТМ***-r* в слове ТМ***dā-r* ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’ выражал, вероятно, грамматическое значение (множественное число). Такое предположение основано на том, что в тунгусо-маньчжурском базисном праязыке в исходе основы слова реконструируются только согласные **n*, **r*, **l*, **γ*, при этом все они имели грамматическое значение (у сонантов **n*, **r*, **l* оно было связано с количественной стороной предметов или действий).

3. Этимологические связи между приведенными словарными статьями

Наличие шести корней-омонимов в тунгусо-маньчжурском праязыке (как в базисном, так и в постпраязыке) маловероятно, поэтому

следует искать этимологические связи между словарными статьями, приведенными в предыдущем разделе.

Корни ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’, ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’ вполне могут быть связаны между собой этимологически, ср. эвенкийскую основу с показателем пассива $n\bar{a}$ -w- ‘заразиться, заболеть всей семьей’ с эвенкийской же основой с аффиксом совместного залога $n\bar{a}$ - $ld\bar{i}$ - ‘1) впадать (о притоке); 2) сойтись, встретиться’ [Горцевская и др. 1958: 115, 116]. У этих двух основ общий корень $n\bar{a}$ - ‘1) удариться (обо что-либо); 2) ткнуться (во что-либо); 3) упасть; 4) деться (куда-либо)’ [Горцевская и др. 1958: 115]² — это служит доказательством наличия этимологической связи между корнями ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’. Далее, сравним русск. *впадать* (о реке)³ и *напасть* (на след); наличие этой пары однокоренных глаголов в русском языке можно считать доказательством того, что корни ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’ этимологически связаны друг с другом⁴. Но если, с одной стороны, ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’ этимологически связаны между собой, а с другой, — ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’ также этимологически связаны друг с другом, то можно сделать вывод: ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’ также имеют общее происхождение. Иначе говоря, корни ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’, ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’ не являются омонимами.

В майском и тоттинском говорах «аянского диалекта», а также в урмийском говоре амгуньско-урмийского диалекта эвенкийского

² В словаре [Василевич 1958: 273] приведены несколько иные значения: $n\bar{a}$ - ‘1) удариться (обо что-либо); 2) ткнуться (во что-либо); 3) попасть (в цель — о пуле); 4) упасть (о лучах солнца)’.

³ Интересно, что в английском языке многозначный глагол *to fall* может иметь значение ‘впадать (о реке)’.

⁴ Значения ‘наткнуться, напасть на след, заметить след’ и ‘впасть (о реке)’ в словаре, в котором представлена лексика главным образом эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски, даны как значения одного слова ($d\bar{a}$ -) [Горцевская и др. 1958: 47].

языка есть глагольная основа *dāw-* ‘попасть под дождь’ [Романова, Мыреева 1968: 39] (суффикс *-w-* является показателем пассива). В переводе на русский язык мы видим глагол с тем же самым корнем, так что использованный выше прием семантического доказательства позволяет считать эвенкийскую основу *dāw-* ‘попасть под дождь’ этимологически связанной с корневыми основами ^{TM*}*dā-* ‘впадать (о реке)’, ^{TM*}*dā-* ‘напасть на след, найти след’ и ^{TM*}*dā-* ‘заразиться’.

По отношению к трем другим словарным статьям (^{TM**}*dā(-)* (M, *T), ^{TM**}*dā-ŋi-ta* (M, *T) ‘родственник(и) со стороны матери, жены’, ^{TM*}*dā-γ-* (A, T) ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’, ^{TM**}*dā-r* (M, *A, *C, *T) ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’) также можно применить метод, который был использован для первых трех. В переводе на русский язык, как видим, имеется слово *сторона* — оно является ключевым для обоснования семантической связи между этими тремя словарными статьями.

Корень ^{TM**}*dā(-)* ‘родственник(и) со стороны матери, жены’ связан с представлением об одной из двух сторон, контактирующих друг с другом на основе брачных отношений. Что касается семантической связи ‘родственники по браку’ ↔ ‘сторона’, то аналогии есть в индоевропейских языках: родственники по линии отца и родственники по линии матери находятся как бы по разные стороны, в разных, противоположных сторонах — рус. *дядя со стороны матери*, англ. *relatives on the paternal side* ‘родственники по линии отца, со стороны отца’, фр. *un parent du côté de mon père* ‘родственник со стороны моего отца’, исп. *pariente del lado paterno* ‘родственник со стороны отца’.

Итак, ^{TM**}*dā-* ‘родственник(и) со стороны матери, жены’, ^{TM*}*dā-γ-* ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’ и ^{TM**}*dā-r* ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’ объединяет значение ‘сторона’. О том, что корень ^{TM**}*dā-* первоначально имел значение ‘сторона’, свидетельствует этимология, например, эвенкийского суффикса *-gidā*, означающего ‘сторона’ (*tar-gidā* ‘та сторона’, *bar-gidā* ‘противоположная сторона, другая сторона реки или озера’ и т. д.). Интересно, что значение ‘сторона’ в эвенкийском языке (а также в некоторых других

тунгусо-маньчжурских) лексически не выражается — только морфологически. Эвенкийский суффикс *-gidā*, имеющий соответствия в собственно тунгусских языках (например, в негидальском, эвенском), является составным, его первый компонент (*-gi-*) представляет собой рефлекс праязыкового $TM^{**}gī$ ($TM^{**}gia \sim TM^{**}gua$) ‘другой (из двух)’. Что касается второго компонента (*-dā*), то он, исходя из сказанного выше, мог иметь значение ‘сторона’. Компонент *-dā* в суффиксе *-gidā* был избыточным, поскольку в эвенкийском языке *bargidā-* и *bargī* имеют одно и то же значение — ‘противоположная сторона’ [Мыреева 2004: 77] (отсутствие долготы гласного *i* в суффиксе *-gidā* пока необъяснимо — но если бы он был этимологически кратким, он бы просто выпал в данной позиции).

В принципе допустима этимологическая связь первой тройки ($TM^{*}dā-$ ‘напасть на след, найти след’, $TM^{*}dā-$ ‘впадать (о реке)’, $TM^{*}dā-$ ‘заразиться’) со второй тройкой ($TM^{**}dā(-)$, $TM^{**}dā-ŋi-ta$ ‘родственник(и) со стороны матери, жены’, $TM^{*}dā-γ-$ ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’, $TM^{**}dā-r$ ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’).

Не исключено, что корень $TM^{**}dā-$, к которому могли бы восходить шесть указанных корней, выражал идею контакта в самом общем виде. Ближе всего к такой семантике находится одно из значений эвенкийской основы с каузативным показателем: *dā-wkān-* — ‘соединить’ [Василевич 1958: 102]; реконструируемое значение без каузативного показателя — ‘соединиться’ (очевидно, это соединение двух начал, двух сторон).

В заключение хотелось бы сказать о наличии интригующей параллели в тюркских языках.

Весьма вероятно, что $TM^{**}dā(-)$ ‘сторона’ имеет отношение к тюркскому $*jā-$ (< $*dā-$) ‘сторона’. В древнетюркском языке рефлексы корня $*jā-$ ‘сторона’ представлены, в частности, в словах *jaq* ‘сторона’ (< $*jā-q$), *jaŋaq* ‘сторона; щека’, *jan* ‘1. сторона, бок; 2. бедро’ (< $*jā-n$), *jaγi* ‘враг’ (< $*jā-γi$), *jat* ‘1. чужой, посторонний; 2. чужая страна, чужбина’ (< $*jā-t$), *jan-* ‘возвращаться’ (< $*jā-n-$), *jana* ‘1. снова, опять; 2. еще’ (первоначально деепричастная форма глагола *jan-* ‘возвращаться’), *janīγ* ‘ответ, ответное действие’ (*-iγ* является фонетическим вариантом словообразовательного суффикса существительных).

Судя по работе [Этимологический словарь тюркских языков 1989: 56, 82, 112, 113, 138, 158], все приведенные тюркские слова с большей или меньшей вероятностью имеют общий корень **jā-* («*йа:*-»).

Л. С. Левитская — автор интересующих нас словарных статей — сравнивает одно из производных от этого корня (слово *йагы* с архаичным по Х. Педерсену значением ‘чужой’) с эвенк. *дāн* ‘сват’, ‘человек из чужого рода’, ‘род, откуда берут невесту’ [Этимологический словарь тюркских языков 1989: 56].

Если сравнение тунгусо-маньчжурского ***dā(-)* ‘сторона’ и тюркского **jā-* (< **dā-*) ‘сторона’ является верным, то оно может быть весьма существенным для алтаистики, поскольку и тюркский корень, и тунгусо-маньчжурский вряд ли были заимствованы — хотя бы потому, что эти корни очень глубоко «проросли» в лексике языков обеих семей.

Список условных сокращений

англ. — английский язык; исп. — испанский язык; ма. — маньчжурский язык; нан. — нанайский язык; нег. — негидальский язык; орок. — орокский (уильта) язык; ороч. — ороцкий язык; п.-мо. — монгольский письменный язык; рус. — русский язык; сол. — солонский язык; уд. — удэгейский язык; ульч. — ульчский язык; фр. — французский язык; чж. — чжурчжэньский язык; эвен. — эвенский язык; эвенк. — эвенкийский язык

Территориальные варианты тунгусо-маньчжурских языков

(по [ССТМЯ 1975: XXIV–XXV], а также по [Мыреева 2004: 14; Кормушин 1998: 201])

Маньчжурский язык

З. — слово из словаря И. Захарова, Сиб — сибинский диалект (язык)

Нанайский язык

Бк — бикинский говор, К-У — кур-урмийский говор (по-видимому, это смешанный язык. — А. П.), Нх — найхинский говор

Негидальский язык

В — верхнеамгуньский говор, Н — нижнеамгуньский говор

Удэгейский язык

Ан — анойский говор, Бик — бикинский говор, Им — «форма из записей речи удыхейцев с р. Иман», Кп — «форма из записей речи удыхейцев с р. Коппи», Смрг — самаргинский говор, Хор — хорский говор, Ш. — «этой помете соответствуют собранные в основном на р. Хор материалы из словаря Е. Р. Шнейдера» (в кавычках цитаты из работы [Кормушин 1998: 201])

Эвенкийский язык

Б. — диалект (говор) бираров (по словарю [Shirokogoroff 1944]), Алд — алданский говор восточного наречия, В-Л — верхоленьский говор южного наречия, Д — дудинский говор северного наречия, Е — ербогочёнский говор северного наречия, З — зейский говор восточного наречия, И — илимпийский говор северного наречия, М — майский говор восточного наречия, Н — непский говор южного наречия, П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия, С — сымский говор южного наречия, Сх — сахалинские говоры восточного наречия, Тнг — тунгирский говор восточного наречия, Тт — тоттинский говор восточного наречия, Урм — урмийский говор восточного наречия, Учр — учурский говор восточного наречия, Члм — чульманский говор восточного наречия, Чмк — чумиканский говор восточного наречия

Эвенский язык

Алл — аллайховский говор среднего наречия, Арм — арманский диалект (язык. — А. П.), Б — быстринский говор восточного наречия, М — момский говор среднего наречия, Ол — ольский говор восточного наречия, Ох — охотский говор восточного наречия, П — пенжинский говор восточного наречия, Ск — саккырырский говор западного наречия, Т — томпонский говор среднего наречия.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Аврорин, Лебедева 1968 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороцкий язык // П. Я. Скорик (отв. ред.). Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Т. V. Л.: Наука, 1968. С. 191–209.

- Аврорин, Лебедева 1978 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
- Василевич 1969 — Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998.
- Новикова 1980 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор: глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л.: Наука, 1980.
- Суник 1968 — О. П. Суник. Ульчский язык // П. Я. Скорик (отв. ред.). Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Т. V. Л.: Наука, 1968. С. 149–171.
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.

Источники

- Василевич 1958 — Г. М. Василевич (сост.). Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Горцевская и др. 1958 — В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова (сост.). Эвенкийско-русский словарь. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- Захаров 1875 — И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Б. и., 1875.
- Мырсева 2004 — А. Н. Мырсева. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005 — В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005.
- Романова, Мырсева 1968 — А. В. Романова, А. Н. Мырсева. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говором эвенков Якутии. Л.: Наука, 1968.
- ССТМЯ 1975 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, 1975.
- ССТМЯ 1977 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука, 1977.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйсско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Этимологический словарь тюркских языков 1989 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». Авторы словарных статей: Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989.

- Do-Dorji 1998 — 杜·道尔基 编著. 鄂汉词典. 海拉尔: 内蒙古文化出版社, 1998 [Du Dao'erji bianzhe. E-Han cidian. Haila'er: Nei Menggu wenhua chubanshe, 1998. До Дорджи (сост.). Солонско-китайский словарь. Хайлар: Культура Внутренней Монголии, 1998].
- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A dictionary of the Uilta language spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Shirokogoroff 1944 — S. M. Shirokogoroff. A Tungus dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Tokyo: Minzokugaku kyōkai, 1944.

References

- Avrorin 1961 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka. Tom 2. Morfologiya glagolnykh i narechnykh chastei rechi, mezhdometi, sluzhebnykh slov i chastits* [Grammar of the Nanai language. Vol. 2. Morphology of the verbal and adverbial parts of speech, of interjections, function words and particles]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961.
- Avrorin, Lebedeva 1968 — V. A. Avrorin, Ye. P. Lebedeva. *Orochskiy yazyk* [The Oroch language]. P. Ya. Skorik (ed.) *Yazyki narodov SSSR. Mongolskiye, tunguso-manchzhurskiye i paleoaziatskiye yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Mongolic, Manchu-Tungusic, and Paleo-Asiatic languages]. Vol. V. Leningrad: Nauka, 1968. P. 191–209.
- Avrorin, Lebedeva 1978 — V. A. Avrorin, Ye. P. Lebedeva. *Orochskiy teksty i slovar* [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Kormushin 1998 — I. V. Kormushin. *Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk* [The Udykhe (Udege) language]. Moscow: Nauka, 1998.
- Novikova 1980 — K. A. Novikova. *Ocherki dialektov evenkogo yazyka. Olskiy govor: glagol, sluzhebnyye slova, teksty, glossariy* [Essays on dialects of the Ewen language. Ola dialect: verb, function words, texts, glossary]. Leningrad: Nauka, 1980.
- Sunik 1968 — O. P. Sunik. *Ulchskiy yazyk* [The Ulcha language]. P. Ya. Skorik (ed.) *Yazyki narodov SSSR. Mongolskiye, tunguso-manchzhurskiye i paleoaziatskiye yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Mongolic, Manchu-Tungusic, and Paleo-Asiatic languages]. Vol. V. Leningrad: Nauka, 1968. P. 149–171.
- Vasilevich 1969 — G. M. Vasilevich. *Evenki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII — nachalo XX veka)* [Ewenki. Historical and ethnographical studies (XVIII — beginning of the XX century)]. Leningrad: Nauka, 1969.

Др.-исл. *Múspellz-heimr*, *Mú-spell*, д.-в.-н. *mūspilli*, др.-сакс. *mūtspellī*: сравнительный анализ

Т. В. Топорова

Институт языкознания РАН (Москва, Россия); t1960@list.ru;
ORCID ID 0000-0002-4977-2402

Аннотация. Цель статьи — исследование др.-исл. *Mú-spell*, *Múspellz-heimr*, номинации мифологического локуса в «Младшей Эдде», а также аналогий из «Старшей Эдды», древневерхненемецкой поэмы «Муспилли» и древнесаксонского «Хелианда», чтобы создать целостную «эддическую» трактовку соответствующей лексемы; продемонстрировать ее германскую перспективу; объяснить соотношение между локальным (др.-исл. *Múspellz-heimr* ‘Муспелля мир’) и темпоральным (д.-в.-н. *mūspilli*, обозначение конца мира) значениями; реконструировать исходное значение.

Ключевые слова: древнегерманские языки, «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», древневерхненемецкая поэма «Муспилли», древнесаксонский «Хелианд», сравнительно-исторический анализ, семантическая реконструкция.

Old-Icel. *Múspellz-heimr*, *Mú-spell*, O.-H.-G. *mūspilli*, O.-Sax. *mūtspellī*: Comparative historical analysis

Tatyana V. Toporova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
t1960@list.ru; ORCID ID 0000-0002-4977-2402

Abstract. The purpose of this article is a comprehensive study of the O.-Icel. composite *Mú-spell*, *Múspellz-heimr*, used to designate a mythological locus in the “Younger Edda”. Building on analogies gleaned from the O.-Icel. poetic epic “Elder

Edda”, as well as from the Old High German poem “Muspilli” and the Old Saxon “Heliand”, the article applies the method of comparative analysis, to provisionally resolve a number of associated problems. It describes, based on the extensive material of the “Younger Edda”, the specific features of the studied lexeme; and supplements this information, to clarify the details, using the by material from the “Elder Edda” which helps obtain a holistic “Eddic” interpretation of the corresponding lexeme addressed. Further, the article adds data from other Old Germanic texts to clarify its Germanic perspective and explain the relationship between the locative (O.-Icel. *Múspellz-heimr* ‘Muspell’s world’) and the temporal (O.-H.-G. *mūspilli*, O.-Sax. *mūtspelli*) designations of the end of the world, which helps reconstruct the original meaning, based on etymological information. A hypothesis is put forward that in the O.-Icel. *Mú-spell*, the first component of the composite — O.-Icel. *mú-*, is an Ingvaemonic borrowing that functions along with the native O.-Icel. *mund* ‘point in space / time’.

Based on historical data from a number of Germanic languages (Old High German, West German, Old Saxon, Old English, etc.) the article proposes a probable intricate borrowing-and-development path that transformed the original meaning of the studied lexeme from that dealing with cosmogenesis concepts characteristic of the Eddic model of the world into one connected with West German eschatological ideas with their image of the *sons of Muspell*, threatening the existence of the world on the eve of the *ragna rök* ‘twilight of the gods’.

Keywords: Old Germanic languages, Elder Edda, Younger Edda, Bavarian poem Muspilli, Old Saxon Heliand, comparative historical analysis, semantic reconstruction.

1. Введение

Цель настоящей статьи — осуществить всестороннее исследование древнеисландского композита *Mú-spell*, *Múspellz-heimr*, служащего для обозначения мифологического **локуса** в «Младшей Эдде» [Jónsson 1900; Младшая Эдда 1970], прозаическом произведении Снорри Стурлуссона, датированном 1222–1225 гг., привести аналогии из «Старшей Эдды» [Старшая Эдда 1963], древнеисландского поэтического эпоса (основная рукопись Codex Regius, вторая половина XIII в.), а также из других ареалов древнегерманских языков — древневерхнегерманского (д.-в.-н. *mūspilli*, обозначение конца мира) и ингвеонского

(др.-сакс. *mūtspellī*) с тем, чтобы используя метод сравнительно-исторического анализа, попытаться решить следующие проблемы:

- описать на основании обширного материала, представленного в «Младшей Эдде», специфику изучаемой лексемы;
- дополнить полученную информацию и уточнить детали, привлекая материал «Старшей Эдды»;
- создать целостную «эздическую» трактовку соответствующей лексемы;
- привести данные из других древнегерманских текстов для прояснения ее германской перспективы;
- объяснить соотношение между **локальным** (др.-исл. *Múspellzheimr* ‘Муспелля мир’) и **темпоральным** (д.-в.-н. *mūspilli*, обозначение конца мира) значениями;
- реконструировать исходное значение, оперируя этимологическими сведениями.

Интерес к изучаемому термину не ослабевал с момента публикации древневерхненемецкого текста — баварской поэмы «Муспилли», вызывая оживленные дискуссии, которые характеризовали различные аспекты указанного памятника письменности: его роль в теологическом контексте своего времени [Gottmann 2002], его литературный статус [Pakis 2009], сопоставление с др.-исл. *Múspellzheimr* [Krogmann 1953], место в древнегерманском эсхатологическом мифе [Neckel 1918; Топорова 1998, 1999: 72–84]. Особого внимания заслуживает трактовка «Муспилли» как произведения, для которого типично «многоголосие», синкретизм, демонстрирующий взаимодействие языка, культуры и религии [Boyer 2024].

Выбор приведенных выше лексем в качестве объектов исследования не нуждается в специальном обосновании, он закономерен, поскольку речь идет о ключевых концептах древнегерманской мифопоэтической модели мира¹ — одной из **первостихий**, вариантов *grīma*

¹ Мифопоэтическая модель мира определяется как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Токарев 1982: 161].

materia, фигурирующих в эддическом мифе творения, воплощающей **жар, тепло**, которая при взаимодействии с **холодом** послужила источником космогенеза (др.-исл. *Mú-spell, Múspellz-heimr*), и номинации эсхатологической катастрофы, гибели вселенной (д.-в.-н. *múspilli*).

2. Принципы анализа

Др.-исл. *Mú-spell, Múspellz-heimr* описывается по стандартной схеме, возникшей на базе изучения русского фольклора [Хроленко 1994; Никитина 1997] и неоднократно применявшейся на эддическом материале². Эта схема состоит из нескольких блоков: фонетического или фонеморфологического (1–2); текстового (3–5); экстралингвистического (6); грамматического (7); этимологического (8); деривационного (9–16), объединяющего словообразование и словосложение; семантического (17–21); синтаксического (22–29); поэтического (30–31).

Вкратце сформулируем основные принципы анализа. Отправной точкой исследования является **контекст**. Комплексное изучение лексемы предполагает объединение «грамматики текста»³ (распределение по падежам и числам), этимологии, словосложения, синтаксических функций, мифологии (тяготения к тому или иному мифу или мотиву), экстралингвистического фактора, поэтики (аллитерации, анаграммы и других звуковых приемов).

² Ср., например, [Топорова 2006: 9–11] и другие работы, посвященные изучению природы эддического слова.

³ «Под грамматикой текста подразумевается описание засвидетельствованной в тексте парадигмы падежей рассматриваемого имени существительного: какова структура парадигмы, особенности выражения ею грамматических категорий, употребительность отдельных форм; с какими предикатами, атрибутами, определениями сочетается данное существительное, какие производные основы образованы от него и в составе каких сложных слов оно встречается. Таким образом, создаются своего рода маленькие словарики узуса данного существительного» [Елизаренкова 1999: 16–17].

3. Др.-исл. *Mú-spell, Múspellz-heimr* в «Младшей Эдде»

Переходим непосредственно к лингвистическому анализу др.-исл. *Mú-spell, Múspellz-heimr* в «Младшей Эдде».

1) Заголовочное слово: др.-исл. *Múspellz-heimr* ‘Муспелля мир’, *Mú-spell*.

2) Фонетические / морфологические варианты: др.-исл. *Múspellz-heimr* ‘Муспелля мир’, ед. ч. им. пад. (др.-исл. *Mú-spell*); дат. пад. (др.-исл. *Múspelli, Múspellzheimi*).

3) Контексты:

- (1) *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir, hann er ljóss ok heitr — sú átt er logandi ok brennandi — ok ófærr þeim, er þar eru útlendir ok eigi eigu þar óðul. Sá er Surtr nefndr, er þar sitr á landz-enda ok landvarnar; hann hefir loganda sverð, ok í enda veraldar mun hann fara ok herja ok sigra öll goðin ok brenna allan heim með eldi* (SnE 4, 8–14).

‘Всего раньше была страна на юге⁴, имя ей Муспелль⁵. Это светлая и жаркая страна, всё в ней горит и пылает. И нет туда доступа тем, кто там не живет и не ведет оттуда свой род. Суртом называют того, кто сидит на краю Муспелля и его защищает. В руках у него пылающий меч, и когда настанет конец мира, он пойдет войною на богов и всех их победит и сожжет в пламени весь мир’.

- (2) *en enn syðri hlutr Ginnungagaps léttisk móti gneistum ok sium þeim, er flugu ór Múspellzheimi. <...> Svá sem kalt stóð af Niflheimi ok allir hlutir grimmir, svá var alt þat, er vissi námunda Múspelli,*

⁴ Букв. ‘мир’.

⁵ «Муспелль — здесь страна огня (также — Муспелльсхейм), но ниже (с. 20, 36, 52, 53) говорится о „людях Муспелля“ или „сынах Муспелля“, и возможно, что первоначально Муспелль — это огненный великан. В одном древневерхне-немецком произведении X в. это слово значит „конец мира, страшный суд“. Этимология этого слова неясна» [Младшая Эдда 1970: 2].

heitt ok ljóst, en Ginnungap var svá hlætt sem lopt vindlaust [SnE 4, 10–15].

‘в самую же южную часть Мировой бездны залетали искры из *Муспелльсхейма*. (...) И если из Нифльхейма шел холод и свирепая непогода, то близ *Муспелльсхейма* всегда царили тепло и свет. И Мировая бездна была там тиха, словно воздух в безветренный день’.

- (3) *Þá tóku þeir siur ok gneista þá, er lausir fóru ok ok kastar hafði ór Múspellzheimi, ok settu í mitt Ginnungagap á himin bæði ofan ok neðan til at lýsa himin ok jörð* (SnE 7, 14–17).

‘Потом они взяли сверкающие искры, что летали кругом, вырвавшись из *Муспелльсхейма*, и прикрепили их в середину Мировой бездны на небо, сверху и снизу, дабы они освещали небо и землю’.

- (4) *en goðin (...) létu Sól keyra þá hesta, er drógu kerru sólar þeirar, er goðin höfðu skapat, til at lýsa heimana af þeirri síu, er flaug ór Múspellzheimi* (SnE 10, 5–8).

‘и боги повелели Солнцу править конями, впряженными в колесницу солнца: а солнце боги сделали, чтобы освещать мир, из тех искр, что вылетали из *Муспелльсхейма*’.

4) Количество словоупотреблений: 5.

5) Толкование: «**Múspell**, n. the name of an abode of fire; in the old mythology peopled by *Múspells lýðir*, ‘the men of Muspell, a host of fiends’, who are to appear at Ragnarok and destroy the world by fire; the prose in Edda 3 may have been derived from some lost verses of the *Völuspá*, for the name appears at the end of that poem (Vsp. 51) as if it were already known; it occurs nowhere else in the Norse mythical songs, except in Ls. 42 (*múspells-megir*). **Múspells-heimr**, ‘the abode of Muspell’, Edda 4. This interesting word was not confined to the Norse mythology, but appears twice in the Old Saxon poem *Heliand* — *mutspelli cumit on thiustra naht, also thiofferit*, ‘m. comes in dusky night, as a thief fares’, i. e. ‘but the day of the Lord will come as a thief in the night’, 2 Pet. iii. 10; and, *mutspellis megin obar man ferit*, ‘the main of m. fares over men’, see

Schmeller's Edition; a third instance is in an Old High German poem on the Last Day — *dâr ni mac denne mac andre mo helfan vora demo muspille* = 'there no man can help another against the muspell-doom'. In these instances muspell therefore stands for 'the day of judgment', 'the last day', and answers to Ragnarok of the Northern mythology. The etymology is doubtful, for *spell* may be = 'the weird, doom', = Lat. 'Fatum'; or it may be = 'spoil, destruction'; the former part 'mut' or 'muod' is more difficult to explain. The Icel. *mús* is an assimilated form» [Cleasby, Vigfusson 1957: 440]⁶.

6) Денотат: исходный⁷ локус космогенеза, *prima materia* (SnE 4, 8–14), светлая и жаркая, послужившая субстанцией для создания космозированной вселенной.

7) Грамматическая информация: **ед. ч. им. пад.** (др.-исл. *Mú-spell* (SnE 4, 8)); **дат. пад.** (др.-исл. *Múspell* (*námunda Múspell*) (SnE 4,

⁶ «*Múspell*, ср. р., имя **обителю огня**; в древнегерманской мифологии **люди Муспелля** (*Múspells lýðir*) должны были появиться во время „гибели богов“ и уничтожить мир огнем; третья строфа „Младшей Эдды“, возможно, была основана на некоторых утраченных стихах „Прорицания вёльвы“, так как это название появляется в конце этой песни (Vsp. 51), как если бы оно было уже известно; оно больше нигде не встречается в эддических мифологических песнях, кроме Ls. 42 (*múspells-megir*). *Múspells-heimr*, **обитель Муспелля** („Младшая Эдда“, 4). Это необычное слово не ограничивалось эддической мифологией, оно дважды было зафиксировано в древнесаксонской поэме „Хелианд“ — *mutspelli cumit on thiustra naht, also thiof ferit 'mutspelli* приходит в темную ночь, как вор', то есть 'Судный день Господа придет как вор в ночь' (2 Пет. iii. 10); и *mutspellis megin obar man ferit 'mutspelli* 'сила над мужами приходит' (см. Издание Шмеллера); третий пример иллюстрирует древневерхненемецкая поэма о Судном дне — *dâr ni mac denne mac andre mo helfan vora demo muspille* 'тогда не смогут люди помочь друг другу перед *muspille*'. В этих примерах *muspell* обозначает 'день суда', 'последний день' и соответствует эддической „гибели богов“. Этимология вызывает сомнения, так как второй член композита *spell* может иметь значение 'суд' (= лат. *fatum*) или 'порча, разрушение'; первый член композита *mut-* или *muod-* сложнее интерпретировать. Др.-исл. *mús* является результатом ассимиляции» [Cleasby, Vigfusson 1957: 440].

⁷ Ср. указание на его древность: *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir* [SnE 4, 8–14] '**Всего раньше** был мир на юге, который назывался **Муспелля миром**'*.

10–15) ’близ *Муспелля*‘; *Múspellzheimi* (*ór Múspellzheimi* (SnE 4, 11; 7, 17; 10, 8) ‘из *Муспелльсхейма*’).

8) Этимология: «**Muspellr** m. PN name eines riesen, zum weltuntergang gehörend. < wgerm. vgl. as. *mut-*, *mudspelli*, ahd. *mūspilli* ‘weltuntergang’» [de Vries 1977: 396–397].

9) Словообразование: отсутствует.

10) Словосложение: др.-исл. *Múspellz-megir* ‘Муспелля сыновья’ < др.-исл. *Múspell* (имя собственное) & др.-исл. *megir* ‘сыновья’ («*mogr* (got. *magus*) m. 1. *knabe, junger mann* ⟨...⟩. 2. *sohn*» [Kuhn 1968, 148]):

- (5) *þá mun hon [Bifröst] brotna, þá er Múspellz-megir fara ok ríða hana, ok svima hestar þeira yfir stórar ár* (SnE 12, 7–8).
 ‘Но он [мост Биврёст, соединяющий землю и небо] разрушится, когда поедут по нему на своих конях сыны *Муспелля*, и переплывут их кони великие реки’.
- (6) *Múspellz-megir sækja fram á þann vøll, er Vigriðr heitir; þar kómr ok þá Fenrisúlfr ok Miðgarðzormr* (SnE 50, 33–35).
 ‘Сыны *Муспелля* достигают поля, что зовется Вигрид; туда же прибывают и Фенрир Волк с Мировым змеем’.

Др.-исл. *Múspellz-sonir* ‘Муспелля сыновья’ < др.-исл. *Múspell* (имя собственное) & др.-исл. *sonr* ‘сын’ (“**sonr** m. *sohn*” [Kuhn 1968, 189]):

- (7) *góð brú er Bifröst, en engi hlutr er sá í þessum heimi, er sér megi treystask, þá er Múspellz-sonir herja* (SnE 12, 12–14).
 ‘Добрый мост Биврёст, но ничто не устоит в этом мире, когда пойдет войною сыны *Муспелля*’.
- (8) *Í þessum gný klofnar himinum ok ríða þaðan Múspellz-sonir* (SnE 50, 29–30).
 ‘В этом грохоте раскалывается небо, и скачут оттуда сыны *Муспелля*’.
- (9) *en Loka fylgja allir Heljar-sinnar, en Múspellz-sonir hafa einir sér fylking* (SnE 50, 36–38).
 ‘За Локи следуют все Хель спутники, но сыны *Муспелля* имеют свое собственное войско’*.

11) Количество словоупотреблений: 2 + 3.

12) Грамматика сложных слов с др.-исл. *Múspell* в качестве первого компонента: **род. пад.** имени собственного + **мн. ч.** сущ. *megir* ‘сыновья’; **род. пад.** имени собственного + **мн. ч.** сущ. *sonir* ‘сыновья’.

13) Морфологические модели композитов: subst. + subst.: др.-исл. *Múspellz-megir* ‘Муспелля сыновья’; др.-исл. *Múspellz-sonir* ‘Муспелля сыновья’.

14) Семантика композитов: *Муспелль* + *сыновья*: др.-исл. *Múspellz-megir* ‘Муспелля сыновья’; др.-исл. *Múspellz-sonir* ‘Муспелля сыновья’.

15) Гипоним:

мир — др.-исл. **Múspell, Múspellz-heimr**:

(10) *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir* (SnE 4, 8).
‘Всего раньше был мир на юге, назывался он Муспелль’*.

(11) *til at lýsa heimana af þeiri síu, er flaug ór Múspellzheimi* (SnE 10, 5–8).
‘чтобы освещать мир, из тех искр, что вылетали из Муспелльсхейма’.

16) Ассоциации:

а) с существительными:

Муспелль — **искры**:

(12) *en enn syðri hlutr Ginnungagaps léttisk móti gneistum ok síum þeim, er flugu ór Múspellzheimi* (SnE 4, 10–11).
‘в самую же южную часть Мировой бездны залетали искры из Муспелльсхейма’.

(13) *til at lýsa heimana af þeiri síu, er flaug ór Múspellzheimi* (SnE 10, 5–8).
‘чтобы освещать мир, из тех искр, что вылетали из Муспелльсхейма’.

(14) *Þá tóku þeir siur ok gneista þá, er lausir fóru ok ok kastar hafði ór Múspellzheimi* (SnE 7, 14–17).
‘Потом они взяли сверкающие искры, что летали кругом, вырвавшись из Муспелльсхейма’.

б) с глаголами:

Муспелль — гореть:

- (15) *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir, hann er ljóss ok heitr — sú átt er logandi ok brennandi <...> Sá er Surtr nefndr; er þar sitr á landz-enda ok landvarnar; hann hefir loganda sverð, ok í enda veraldar mun hann fara ok herja ok sigra ǫll goðin ok brenna allan heim með eldi* (SnE 4, 8–14).

‘Всего раньше был мир на юге, который назывался *Муспелль*, он светлый и горячий, всё в нем *горит* и *пылает* <...> Суртом называют того, кто сидит на краю Муспелля и его защищает. В руках у него *пылающий* меч, и когда настанет конец мира, он пойдет войною на богов и всех их победит и *сожжет* в пламени весь мир’*.

17) Посессоры: сыновья *Муспелля*.

18) Атрибуты:

горячий:

- (16) *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir, hann er ljóss ok heitr — sú átt er logandi ok brennandi* (SnE 4, 8–9).

‘Всего раньше был мир на юге, который назывался *Муспелль*, он светлый и *горячий*, всё в нем *горит* и *пылает*’*.

- (17) *svá var alt þat, er vissi námunda Múspelli, heitt ok ljóst* (SnE 4, 10–15).

‘то всё, что знали близ *Муспелльсхейма*, было *горячим* и светлым’*.

светлый:

- (18) *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir, hann er ljóss ok heitr — sú átt er logandi ok brennandi* (SnE 4, 8–9).

‘Всего раньше был мир на юге, который назывался *Муспелль*, он *светлый* и жаркий, всё в нем *горит* и *пылает*’*.

- (19) *svá var alt þat, er vissi námunda Múspelli, heitt ok ljóst* (SnE 4, 10–15).

‘то всё, что знали близ *Муспелльсхейма*, было *горячим* и *светлым*’*.

19) Предикаты субъекта:

называться:

- (20) *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er **Múspell heitir*** (SnE 4, 8).
 ‘Всего раньше был мир на юге, назывался он *Муспелль*’*.

Предикаты локуса:

знать:

- (21) *Svá sem kalt stóð af Niflheimi ok allir hlutir grimmir, svá var alt þat, er **víssi námunda **Múspelli**, heitt ok ljóst*** (SnE 4, 10–15).
 ‘И если из Нифльхейма шел холод и свирепая непогода, то всё то, что *знали* близ *Муспелльсхейма*, было теплым и светлым’*.

Предикаты направления, цели:

бросать:

- (22) *Þá tóku þeir siur ok gneista þá, er lausir fóru ok **kastar hafði ór **Múspellzheimi***** (SnE 7, 14–17).
 ‘Потом они взяли сверкающие искры, что летали свободными⁸, и *выбросили* [их] из *Муспелльсхейма*’.

лететь:

- (23) *en enn syðri hlutr Ginnungagaps léttisk móti gneistum ok sium þeim, er **flugu ór **Múspellzheimi***** (SnE 4, 10–11).
 ‘в самую же южную часть Мировой бездны *залетали* искры из *Муспелльсхейма*’.
- (24) *til at lýsa heimana af þeiri síu, er **flugu ór **Múspellzheimi***** (SnE 10, 5–8).
 ‘чтобы освещать мир, из тех искр, что *вылетали* из *Муспелльсхейма*’.

20) Звуковая игра:

повтор однокорневого слова:

- (25) *til at lýsa **heimana** af þeiri síu, er **flugu ór **Múspellzheimi***** (SnE 10, 5–8).
 ‘чтобы освещать *мир*, из тех искр, что *вылетали* из *Муспелля мира*’.

⁸ То есть не связанными, не подвергшимися упорядочению.

Комментарий. Прежде всего следует отметить два заслуживающих внимания факта: др.-исл. *Múspell* является **локальным**, а не темпоральным термином, как в западном ареале древнегерманских языков, о чем недвусмысленно свидетельствует соответствующий эддический контекст, ср.:

- (26) *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir* (SnE 4, 8).
 ‘Всего раньше был *мир* на юге, назывался он *Муспелль*’*.

Кроме того, эта лексема может обозначать не только эсхатологические реалии (ср. *сыновей Муспелля*), но и одну из субстанций для создания космозированной вселенной (SnE 4, 10–15; 7, 14–17; 10, 5–8). Что касается другой номинации *мира* — др.-исл. *Múspells-heimr* ‘Муспелля мир’, то этот композит иллюстрирует наличие так называемого «родительного изъяснительного» и используется для обозначения объекта, «родовая принадлежность которого выражена управляющим существительным» [Стеблин-Каменский 1955: 65]⁹, то есть в данном случае речь не идет о трактовке Муспелля как одушевленного лица. В качестве обозначения пространства др.-исл. *Múspell* зафиксирован дважды, а др.-исл. *Múspells-heimr* ‘Муспелля мир’ трижды.

Как *уникальный* локус космогенеза употребляется исключительно в **ед. ч.**; падежная парадигма объединяет **им. пад.** (1 пример) и **дат. пад.** (4 примера: *близ Муспелля* (1), *из Муспелльсхейма* (3)). Доминирует синтаксическая функция направления, цели (3 словопотребления; *лететь из Муспелльсхейма* (дважды), *бросать из Муспелльсхейма*) на фоне локуса (*знали близ Муспелльсхейма*) и субъекта (*Муспелль называется*). Др.-исл. *Múspell*:

- репрезентирует первый компонент композитов — др.-исл. *Múspellz-megir* ‘Муспелля сыновья’ и *Múspellz-sonir* ‘Муспелля сыновья’;
- выступает в качестве гипонима по отношению к общему понятию ‘*мир*’ (др.-исл. *heimr*);

⁹ Ср. пример «родительного изъяснительного» — др.-исл. *askr Yggdrasils* ‘яшень Иггдрасиль’ [Стеблин-Каменский 1955: 65].

- ассоциируется с **искрами** и **горением**;
- обнаруживает тяготение к ряду мифологических мотивов: ср. трактовку др.-исл. *Múspell, Múspells-heimr* как **первоматерии**, послужившей субстанцией для создания космизированной вселенной в **мифе творения**, воплощающей *тепло* и *свет*, которые вступили во взаимодействие с противоположным началом — **холодом** из ‘Мира тумана’ (др.-исл. *Nifl-heimr*), аллюзию на **ономатетический** акт, осуществляемый богами¹⁰, и их **демиургическую** деятельность — прикрепление искр из Муспелльсхейма к небу для освещения Мировой бездны (SnE 7, 14–17)¹¹, а также эсхатологические коннотации **сыновей Муспелля** (др.-исл. *Múspellz-megir, Múspellz-sonir*), противников богов в последние времена (др.-исл. *ragna røk*).

Подводя итоги изучения композитов — двучленного (др.-исл. *Múspell* ‘времени уничтожение’) и трехчленного (др.-исл. *Múspells-heimr* ‘времени уничтожения мир’), служащих для номинации **пространственных** понятий, можно выделить следующие факторы, оказавшие существенное влияние на конституирование данных, и реконструировать некоторые закономерности. В «Младшей Эдде» исследуемые лексемы обозначали одну из первостихий, являвшихся субстанцией для создания космизированной вселенной, — **жар, огонь, свет**, — представленной в **локальном** коде (*Муспелль* — это **мир** (SnE 4, 8), так же как и Муспелльхейм, букв. ‘Муспелля мир’).

В интерпретации нуждаются оба компонента композита др.-исл. *Múspell*: не вызывает сомнений, что др.-исл. *mú-* — это ингвеонское

¹⁰ Ср.: *Fyrst var þó sá heimr í suðrhálfu, er Múspell heitir* (SnE 4, 8) ‘Всего раньше был мир на юге, назывался он Муспелль’*.

¹¹ Намек на наличие субъекта в период созидания космоса содержит глагол **знать**: *Svá sem kalt stóð af Niflheimi ok allir hlutir grimmir, svá var alt þat, er vissi námunda Múspelli, heitt ok ljóst* (SnE 4, 10–15) ‘И если из Нифльхейма шел холод и свирепая непогода, то всё то, что *знали* близ Муспелльсхейма, было теплым и светлым’*.

заимствование, о чем свидетельствует дефектный фонетический облик этого элемента; второй элемент — др.-исл. *spell*, — реализующий идею *уничтожения* (др.-исл. *spilla*), кажется нелогичным с точки зрения семантики, когда речь идет о **созидании**, мифе творения, описывающем космогенез.

4. Др.-исл. *Mú-spell* в «Старшей Эдде»

Приведем эддические контексты, в которых засвидетельствован данный композит:

(27) *Kiáll ferr austan, koma muno Muspellz // um lög lýðir, enn Loki stýrir; // fara fiðls megir með freca allir.* (Vsp. 51)

‘С востока в ладье *Муспелля*¹² люди // плывут по волнам, а Локи правит; // едут с Волком [Фенриром] сыны великанов’.

(28) *enn er Muspellz synir ríða Myrcvið yfir.* (Ls. 42)

‘коль *Муспелля* сыновья сквозь *Мюрквид*¹³ проскачут’.

В «Прорицании вёльвы», так же как и в «Перебранке Локи», упоминаются *люди* или *сыновья* великана *Муспелля*, которые наряду с волком Фенриром и мифологическим трикстером Локи ассоциируются с «гибелью богов», эсхатологическим кризисом и представляют угрозу для космозированной вселенной.

¹² «*Муспелль* — по-видимому, имя мифологического существа. Люди Муспелля — те, кто осуществляет гибель богов (?). В древневерхненемецком произведении X в. встречается слово *muspilli* «конец мира, страшный суд». Неясно, христианского происхождения это слово или языческого» [Старшая Эдда 1963: 218].

¹³ «*Мюрквид* — „Темный лес“, пограничный лес где-то на юге» [Старшая Эдда 1963: 231].

5. Древнегерманские данные

Свидетельства из других древнегерманских ареалов ограничиваются всего несколькими примерами.

5.1. Древневерхненемецкие данные

Прежде всего следует сослаться на *баварскую* поэму X в. с тем же названием — «Муспилли», с напряженным драматизмом изображающую гибель мира:

(29) *sō inprinnant die pergā, poum ni kistentit // ēnihc in erdu, ahā artrunknent, // muor varsuuilhit sih, suilizōt lougiu der himil, // mano fallit, prinnit mittilagart, // stēn ni kistentit, verit denne stūatago in lant, // verit mit diu vuiru viriho uuīsōn: // dār ni mac denne māk andremo helfan vora demo **mūspille**. // denne das preita uuasal allaz varprennit, // enti vuir enti luft iz allaz arfurpit.*

‘тогда загорятся горы, дерево не устоит // никакое на земле, воды высохнут, // море поглотит себя, небо займется пламенем, // месяц упадет, мир загорится, // камень не устоит, приходит судный день на землю, // приходит, чтобы людей преследовать огнем: // тогда не сможет один родственник помочь другому от *мира гибели*, // тогда вся широкая земля сгорит, // и огонь и порыв ветра всё сметет’.

В приводимом фрагменте описывается *экипросис*, всемирная катастрофа с ключевыми мотивами **горения** (д.-в.-н. *inprinnant, prinnit, varprennit*) и огня, пламени (д.-в.-н. *lougiu, vuiru, vuir*), поэтому перевод д.-в.-н. *mūspill* как *Weltbrand* ‘мировой пожар’ [Schauffler 1917: 72] кажется вполне оправданным. Обращают на себя внимание два немаловажных обстоятельства: использование архаичных общегерманских терминов, неотъемлемых элементов мифа творения (ср. д.-в.-н. *mittilagart*, букв. ‘среднее огороженное

пространство¹⁴) наряду с очевидным воздействием христианского мировоззрения, проявляющегося, в частности, в отсылке к *судному дню* (д.-в.-н. *stūatago*) и сюжету о гибели пророка Илии, капли крови которого, падающие на землю, и послужили причиной возгорания вселенной¹⁵. Следует проиллюстрировать далеко идущее сходство этого отрывка с эддическими эсхатологическими представлениями.

Ср. «Прорицание вэльвы»:

(30) *Bræðr muno beriaz oc at þonom verðaz, // muno systrungar sífiom spilla; // hart er í heimi, hórdómr mikill, // sceggold, scálmold, scildir ro klofnar, // vindoldm vargöld, áðr veröld steypiz; // mun engi maðr oðrom þyrma* (Vsp. 45).

‘Братья начнут биться друг с другом, // родичи близких уничтожат; // тягостно в мире, великий блуд, // век мечей и секир, треснут щиты, // век бурь и волков до *гибели мира*¹⁶; // щадить человек человека не станет’.

Благодаря таким совпадениям можно констатировать наличие рефлексов в баварской поэме «Муспилли» и в древнеисландской «Старшей Эдде» общих эсхатологических представлений, кодируемых глаголом ‘уничтожать’ (др.-исл. *spilla*, д.-в.-н. *spillan*), подвергшихся в некоторой степени воздействию христианства.

5.2. Древнесаксонские данные

Древнесаксонская поэма «Хелианд» («Спаситель»), весьма примечательное поэтическое произведение, излагающее земную жизнь Иисуса Христа, относится к жанру «Евангельских гармоний», так

¹⁴ Ср. древнеисландский Мидгард (др.-исл. *Mið-garðr* ‘среднее огороженное пространство’) — пространство, населенное людьми и занимающее среднюю зону универсума, согласно эддической мифопоэтической модели мира.

¹⁵ Ср.: *sō daz Eliases pluot in erda kitriufit, // sō inprinnant die pergā* ‘так что Илии кровь капает на землю, // тогда загорятся горы’.

¹⁶ Букв. ‘пока мир не свергнется’.

как основывается на повествовании четырех евангелистов, датируется приблизительно 830-м годом (рукописи: Мюнхенская (Cgm 25, около 850 г.), Лондонская (Cotton Caligula A VII, 970 г.) и три фрагмента меньшего объема (Берлинский, Ватиканский и Штраубингский 850–880 гг.)); автор ее неизвестен, предполагают, что он принадлежал к кругу духовных лиц из Фульдского монастыря. Специфика этого памятника письменности заключается в органичном сплаве древнегерманской эпической традиции и нового христианского мировоззрения.

В «Хелианде» интересующая нас лексема засвидетельствована дважды:

- (31) **mūtspellis** megin obar man ferit, // endi thesaro [uueroldes.] Than is allaro [accaro] gehuilic // gerīpod an thesumu rīkea: sculun iro regangiscapu // frummien firihō barn. Than tefarid er{d}a (Hel. 2591–2594).

‘гибели мира сила придет на¹⁷ людей // и на этот мир. Тогда каждое поле // пропадет в этой земле; должны свою судьбу¹⁸ // совершить люди. Сгинет земля’.

- (32) **Mūtspelli** cumit // an thiustrea naht, also thioferit // darno mid is dādīun, sō kumid the dag manun, // the lasto theses lihtes, sō it er these liudi ni uuitin, // sō samo sō thiū flōd deda an furndagun, // the thār mid lagustrōmun liudi farteride, // bi Noeas tīdiun ⟨...⟩ // sō uuar{d} ōk that fiur kuman // hēt fan himile, that thea hōhon burgi // umbi [Sodomo land] suart logna bifeng // grim endi grādag, that thar [nēnig gumono] ni ginas // biūtan Loth ēno ⟨...⟩ // that [ō{d}ar al] brinnandi fiur, // ia land ia liudi logna farteride: // sō fārungo uuar{d} that fiur kumen, sō uuar{d} ēr [the] flōd sō samo: // sō uuir{d}id the lazto dag (Hel. 4358–4375).

‘Гибель мира придет // в темную ночь, как вор появляется // тайно со своими проступками, так придет день людям, // последний этого света, так что люди не узнают, // как и потоп произошел в древние дни, // и там морскими волнами людей

¹⁷ Букв. ‘над; поверх’.

¹⁸ Букв. ‘богов творение’.

уничтожил, // во времена Ноя. <...> // так же и огонь придет // горячий с неба, как и высокие горы // вокруг Содома черное пламя охватило, // жестокое и жадное, так что никто из людей не спасся // кроме одного Лота <...> // в другой раз горящий огонь // и землю и людей пламя истребило: // так же внезапно огонь придет, как и потоп, // настанет последний день’.

В приводимых выше фрагментах привлекают внимание следующие факты: указание на *illo tempore*, ‘первоначальные времена’, отсылающие к мифу творения (ср. *an furdagun* ‘в древние дни’); наличие архаичных древнегерманских понятий (ср. обозначение судьбы как ‘богов творения’ — др.-сакс. *regano-giscapu*) и отчетливые эсхатологические коннотации¹⁹. На этом фоне вполне органичным выглядит употребление др.-сакс. *mūtspellī* как архаичного термина, маркирующего конец света, ассоциирующийся с **концом мира** в результате вселенского **пожара**. Тема *горения* разработана в лучших традициях германского эпоса, ср. описание огненной катастрофы: горячий огонь, приходящий с неба (*that fiur kuman // hēt fan himile*); оксюморон ‘черное пламя’ (*suart logna*); ‘горящее пламя’ (*brinnandi fiur*); приводится библейская аналогия со сжиганием Содома, которое по внезапности своего наступления сравнивается со всемирным потопом. Следует отметить, что *экипирисис*, реализуя ключевой мотив гибели мира, не исчерпывается им, поскольку затрагивает и другие сферы, обнаруживая сходство с древневерхненемецкой поэмой «Муспилли». Ср.:

(33) *an themu māreon daga: that uuirdid hēr ēr an themu mānon skīn // iac an theru sunnon sō same; gisuerkad siu bēdiu, // mid [finistre] uuerdad bifangan; fallad sterron, // huūt heben[tungal], endi hrisid erde, bibod [thius] brēde uuerold* (Hel. 4310–4314).

‘в эти знаменитые дни: со светом месяца // и солнца вот что случится: погаснут они оба, // мраком будут охвачены; упадут

¹⁹ Ср. др.-сакс. *the dag mannun, // the lasto theses liohtes* ‘день людям, // последний этого света’; *the lasto dag* ‘последний день’.

звезды, // светящиеся небесные светила, и задрожит земля, затрясется широкая вселенная’.

6. Семантическая реконструкция

Восстановление исконной формы общегерманского термина, кодируемого рассматриваемыми нами лексемами, не представляется возможным без интерпретации первого компонента композита *mū-*. Предлагается следующая трактовка этого элемента и самого сложного слова: «*Mūspilli* bedeutet: Erdzerstörung, aus **mū*, einem sonst verschwollenen Wort, das nur noch in *mūwerff* (Gl. 72) vorkommt, dessen Bedeutung sich aus dem Synonym *multwerf* ergibt: die Erde; *spildan* ags. = zerstören, entspricht ahd. *Spildan*» [Scauffler 1917: 69]²⁰. Такой вариант вызывает ряд возражений: представляется ненадежным опираться на *гапакс легоменон*, тем более глоссу, зафиксированную всего *один раз*, к тому же *без контекста*; кроме того, остается без объяснений ее странный фонетический облик; древнесаксонские формы не могут имплицировать **mult*, они однозначно указывают на форму с элиминированием назального, то есть **mund*. Можно предложить другое решение, ключ к которому предоставляет древнеисландская лексема: *Múspell* < др.-исл. *mú-*, ингвеонское заимствование, функционирующее наряду с исконным др.-исл. *mund* ‘момент времени’ («**mund** 2 n. ‘zeitpunkt’, nisl. fār. norw. *mund*, aschw. *munder*, ⟨...⟩ *munda* schw. V. ‘zielen, streben’, nisl. fār. norw. *munda*. — got. *mundōn* ‘seine aufmerksamkeit richten auf’, vgl. mnl. *mender* ‘aufmerksam, sich bestrebend’ got. *mundrei* ‘ziel’, ahd. *muntari* ‘eifer’») [de Vries 1977:

²⁰ «*Mūspilli* обозначает ‘земли разрушение’ (<**mū*, слова со стершимся значением, засвидетельствованным еще в *mūwerff* (глоссы 72), восстановить которое позволяет синоним *multwerf* ‘земля’; др.-сакс. *spillan* = д.-в.-н. *spildan* ‘разрушать’)» [Scauffler 1917: 69].

395] ²¹ с реконструкцией значения ‘стремиться’ > ‘цель’ > ‘конечный пункт, точка в пространстве или времени’) & «др.-исл. *spilla*, др.-англ. *spildan*, *spillan*, др.-сакс. *spildian*, д.-в.-н. *spildan* ‘разрушать, уничтожать’» [de Vries 1977: 535], то есть ‘точки (в пространстве / времени) уничтожение’. Правомерность такой интерпретации первого компонента композита верифицирует фигурирование др.-исл. *mund* ‘момент времени’ в космогонической сфере, ср. мифологический персонаж по имени *Mundil-fari*, букв. ‘в (определенное) время движущийся’, отца Месяца и Солнца, предназначенных для измерения времени (*ǫldom at ártali* (Vm. 23)). Преимущество такой реконструкции верифицируется тремя причинами: наличием исконно древнегерманского слова, зафиксированного в нескольких языковых ареалах; фигурированием мифологического персонажа с др.-исл. *mund* в качестве первого компонента имени; сочетанием элемента *mund* с глаголом *движения* герм. **faran*, ср. др.-исл. *Mundil-fari*, букв. ‘в (определенное) время движущийся’ и др.-сакс. *mūtspellis megin* ⟨...⟩ *ferit* ‘гибели мира сила ⟨...⟩ движется’ (аналогично: *Mūtspelli cumit* ‘гибель мира приходит’) ²². В свете этой гипотезы можно высказать предположение о др.-исл. *Mú-spellz-heimr* ‘точки (в пространстве / времени) уничтожения мир’, зафиксированном в «Младшей Эдде»: ущербная форма первого компонента композита и асемантичность второго компонента возникли благодаря давлению западногерманских *эсхатологических темпоральных терминов* — др.-сакс. *mut-*, *mudspellis*, д.-в.-н. *mūspilli*, букв. ‘времени уничтожение’, наименований конца мира, обладающих достаточно мотивированной внутренней формой, которые смогли оказать воздействие на формирование эддического сложного слова благодаря своей экспрессивности, передающей

²¹ «⟨...⟩ **Mund** 2 ср. р. ‘момент’, исл., фар., норв. *mund*, др.-швед. *munder* ⟨...⟩ *munda* слаб. гл. ‘ставить перед собой цель, стремиться’, исл., фар., норв. *munda*. — гот. *mundōn* ‘направлять свое внимание на что-либо’, ср. ср.-нидерл. *mender* ‘внимательный, стремящийся к определенной цели’, гот. *mundrei* ‘цель’, д.-в.-н. *muntari* ‘рвение’» [de Vries 1977: 395].

²² Аналогично: *Mūtspelli cumit* ‘гибель мира приходит’.

образ огненной гибели мироздания. Весь процесс можно восстановить в следующем виде: исходный *локус космогенеза* (др.-исл. *tund-* ‘точка в пространстве’ в мифе творения, из которой образовалась вселенная (первостихия *тепла* (др.-исл. *Mú-spellr*, *Mú-spellz-heimr*), вступившая во взаимодействие с холодом в «Младшей Эдде»), и ‘точка во времени’ (ср. др.-исл. *Mundil-fari*, букв. ‘в (определенное) время движущийся’, *отец Месяца и Солнца*) → *идея тепла, света, горения*, актуальная для эддической модели мира, оказывается востребованной в западногерманском ареале, где она соотносится не с космологией, а с *эсхатологией* и, следовательно, изображается в *темпоральном*, а не локальном коде (др.-сакс. *tut-*, *tutspellī*, д.-в.-н. *tūspellī*, букв. ‘времени уничтожение’); → *обратное воздействие западногерманских эсхатологических представлений на исходный локальный термин космогенеза в эддической модели мира, формирующее образ сыновей Муспелля, угрожающих существованию мира в преддверии «гибели богов», и искажение в результате заимствования* (др.-исл. *Múspell*, *Múspells-heimr*).

Список условных сокращений

Древнегерманские тексты

др.-сакс. *Hel.* — *Heliand* «Спаситель»; *Ls.* — *Lokasenna* / «Перебранка Локи» («Старшая Эдда»); *Vm.* — *Vafþrúðnismál* / «Речи Вафтруднира» («Старшая Эдда»); *Vsp.* — *Vǫluspá* / «Прорицание вёльвы» («Старшая Эдда»); *SnE* — *Edda Snorra Sturlusonar* («Младшая Эдда»)

Названия языков

герм. — германский; гот. — готский; д.-в.-н. — древневерхненемецкий; др.-исл. — древнеисландский; др.-сакс. — древнесаксонский; исл. — исландский; норв. — норвежский; ср.-нидерл. — средненидерландский; фар. — фарерский

Грамматические сокращения

ед. ч. — единственное число; дат. пад. — дательный падеж; им. пад. — именительный падеж; мн. ч. — множественное число; род. пад. — родительный падеж; слаб. гл. — слабый глагол; ср. р. — средний род; subst. — substantivum, имя существительное

Иные сокращения

букв. — буквально; ср. — сравни.

Литература

- Елизаренкова 1999 — Т. Я. Елизаренкова. Слова и вещи в Ригведе. М.: Восточная литература, 1999.
- Младшая Эдда 1970 — М. И. Стеблин-Каменский (ред.). Младшая Эдда. М.: Наука, 1970. С. 101–120.
- Никитина 1997 — С. Е. Никитина. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Л. П. Крысин (ред.). Сборник статей (Посвящается памяти Д. Н. Шмелёва). М.: ИРЯ, 1997. С. 360–373.
- Старшая Эдда 1963 — Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна; ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 181–213.
- Стеблин-Каменский 1955 — М. И. Стеблин-Каменский. Древнеисландский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1955.
- Топорова 1998 — Т. В. Топорова. Об оппозиции ‘темный мир’ — ‘светлый мир’ в древнегерманской космогонии // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 39–47.
- Топорова 1999 — Т. В. Топорова. Древнегерманская космогония: язык и миф // Г. М. Бонгард-Левин (ред.). Российская академия наук. (Российские исследования по мировой истории и культуре). Т. 1. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 1999.
- Топорова 2006 — Т. В. Топорова. Принципы описания эпического слова: концепт *горы* в «Старшей Эдде». М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.
- Хроленко 1994 — А. Т. Хроленко (ред.). Фольклорная лексикография. Вып. 1. Курск: КГПИ, 1994.
- Boyer 2024 — T. M. Boyer. Metaphors in Muspilli // Neophilologus. 2024. Vol. 108 (2). P. 245–259. DOI:10.1007/s11061-024-09803-1.
- Gottzmann 2002 — C. Gottzmann. Individual- und Universaleschatologie. Das Muspilli im theologischen Kontext seiner Zeit // C. Gottzmann, R. Wisniewski (eds.). Ars et scientia: Studien zur Literatur des Mittelalters und der Neuzeit. Festschrift für Hans Szklenar zum 70. Geburtstag. Berlin: S. n., 2002. S. 9–31.
- Krogmann 1953 — W. Krogmann. Muspilli und Muspellsheim // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 1953. Bd. 5 (2). S. 97–118. DOI: 10.1163/157007353X00180.

- Neckel 1918 — G. Neckel. Studien zu den germanischen Dichtungen vom Weltuntergang // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse. Abhandlung 7. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1918.
- Pakis 2009 — V. A. Pakis. The literary status of Muspilli in the history of scholarship: Two particular trends // *Amsterdamer Beiträge Zur Älteren Germanistik*. 2009. Bd. 65. S. 41–60.

Источники

- Behagel 1948 — O. Behagel (Hrsg.). Heliand und Genesis. Halle: M. Niemeyer, 1948.
- Holthausen 1921 — F. Holthausen (Hrsg.). Altsächsisches Elementarbuch. Zweite verbesserte Aufl. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921.
- Jónsson 1900 — F. Jónsson (Udg.). Snorri Sturluson. Edda. København: G. E. C. GAD, 1900.
- Neckel 1962 — G. Neckel (Hrsg.). Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Bd. 1: Text / Vierte, umgearb. Aufl. von Hans Kuhn. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1962.
- Schauffler 1917 — Th. Schauffler (Hrsg.). Althochdeutsche Literatur mit Grammatik, Übersetzung und Erläuterungen. Dritte, neubearbeitete Aufl. Neudruck. Berlin; Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung G. m. b. H., 1917.

Словари

- Токарев 1982 — С. А. Токарев (ред.). Мифы народов мира. Энциклопедия. Том второй К — Я. М.: Советская энциклопедия, 1982.
- Cleasby, Vigfusson 1954 — R. Cleasby, G. Vigfusson (eds.). An Icelandic-English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1954.
- de Vries 1977 — J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E. J. Brill, 1977.
- Kuhn 1968 — H. Kuhn (Hrsg.). Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Bd. 2: Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn. Dritte umgearb. Aufl. Des Kommentierenden glossars. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968.

References

- Boyer 2024 — T. M. Boyer. Metaphors in Muspilli. *Neophilologus*. 2024. Vol. 108 (2). P. 245–259. DOI: 10.1007/s11061-024-09803-1.

- Gottzmann 2002 — C. Gottzmann. Individual- und Universaleschatologie. Das Muspilli im theologischen Kontext seiner Zeit. C. Gottzmann, R. Wisniewski (eds.). *Ars et scientia: Studien zur Literatur des Mittelalters und der Neuzeit. Festschrift für Hans Szekler zum 70. Geburtstag*. Berlin: S. n., 2002. S. 9–31.
- Khrolenko 1994 — A. T. Khrolenko (ed.). *Folklornaya leksikografiya* [Folklore lexicography]. Iss. 1. Kursk: Kursk State Pedagogical University Press, 1994.
- Krogmann 1953 — W. Krogmann. Muspilli und Muspellsheim. *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte*. 1953. Bd. 5 (2). S. 97–118. DOI: 10.1163/157007353X00180.
- Mladshaya Edda 1970 — M. I. Steblin-Kamenskiy (ed.). *Mladshaya Edda* [The Younger Edda]. Moscow: Nauka, 1970. P. 101–120.
- Neckel 1918 — G. Neckel. Studien zu den germanischen Dichtungen vom Weltuntergang. *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse*. Abhandlung 7. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1918.
- Nikitina 1997 — S. E. Nikitina. O mnogoznachnosti, diffuzii znacheniy i sinonimii v tezauruse yazyka folkloru [On polysemy, diffusion of meanings and synonymy in the thesaurus of the language of folklore]. L. P. Krysin (ed.). *Sbornik statyey (Posvyashchayetsya pamyati D. N. Shmeleva)* [Collection of articles (Dedicated to the memory of D. N. Shmelev)]. Moscow: Russian Language Institute, 1997. P. 360–373.
- Pakis 2009 — V. A. Pakis. The literary status of Muspilli in the history of scholarship: Two particular trends. *Amsterdamer Beiträge Zur Älteren Germanistik*. 2009. Bd. 65. S. 41–60.
- Starshaya Edda 1963 — M. I. Steblin-Kamenskiy (ed.). *Starshaya Edda. Drevneislandskiy pesni o bogakh i geroyakh* [The Elder Edda. Old Icelandic songs about gods and heroes]. Moscow; Leningrad: Publishing House of Academy of Sciences of the USSR, 1963. P. 181–213.
- Steblin-Kamenskiy 1955 — M. I. Steblin-Kamenskiy. *Drevneislandskiy yazyk* [Old-Icelandic language]. Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1955.
- Toporova 1998 — T. V. Toporova. Ob oppozitsii ‘temnyy mir’ — ‘svetlyy mir’ v drevnegermanskoy kosmogonii [On the opposition ‘dark world’ — ‘light world’ in Old-Germanic cosmogony]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1998. № 6. P. 39–47.
- Toporova 1999 — T. V. Toporova. Drevnegermanskaya kosmogoniya: yazyk i mif [Old-Germanic cosmogony: Language and myth]. G. M. Bongard-Levin (ed.). *Rossiyskaya akademiya nauk. (Rossiyskiye issledovaniya po mirovoy istorii i culture)* [Russian Academy of Sciences. (Russian Studies in World History

and Culture)]. Vol. 1. Lewiston; Quyeenston; Lampeter: The Yedwin Mellen Press, 1999.

Toporova 2006 — T. V. Toporova. *Printsipy opisaniya epicheskogo slova: kontsept gory v «Starshey Edde»* [Principles of describing the epic word: the concept of a mountain in the Elder Edda]. Moscow: Academy of Humanitarian Research Press, 2006.

Yelizarenkova 1999 — T. Ya. Yelizarenkova. *Slova i veshchi v Rigvede* [Words and things in the Rigveda]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999.

Получено / received 8.02.2024

Принято / accepted 18.09.2024

Politeness and In-Directness in Algerian and Russian Classroom Requests

Sarra Saadna

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia);
1042225294@rudn.ru; ORCID: 0009-0000-2043-9596

Abstract. Successful intercultural communication depends on the interlocutors' understanding of their pragmatic utterances and intended meaning. However, practical use of languages varies across cultures given the difference in cultural values and norms leading to different language means and politeness strategies applied in identical situations of intercultural communication. This article presents the findings of a contrastive analysis of politeness and (in)directness formulae used by Algerian and Russian students and teachers in classroom requests. It aims to find similarities and/or differences in directness vs. indirectness and politeness in requests in two different cultural contexts and to investigate the impact of socio-cultural factors in these situations. A Discourse Completion Task (DCT) method was used to collect data, whereby three situations were proposed to 148 respondents (53 Russian and 95 Algerian participants). The findings revealed that Russian and Algerian students adopted conventional indirect strategies when requesting their teachers. In comparison, impositives (direct strategies) were most frequently used by both Algerian and Russian teachers. Russian students used indirect request when communicating with their classmates, while Algerian students chose to request their fellow students directly. The results also showed that Russians used non-conventional indirectness to the least degree, while at the same time they scored high levels of conventional indirectness. The findings prove that politeness does not necessarily mean indirectness, and directness does not imply impoliteness. The study provides new data on the impact of socio-cultural factors on the levels of directness and politeness. It contributes to cross-cultural pragmatics and studies on classroom discourse.

Keywords: Algerian, classroom discourse, politeness, (in)directness, Russian, speech act of request, conventional indirectness, direct strategies, non-conventional indirectness.

Вежливость и непрямая просьба в алжирском и русском языках в дискурсе общения в учебной аудитории

Сарра Саадна

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия);
1042225294@rudn.ru; ORCID: 0009-0000-2043-9

Аннотация. Успешная межкультурная коммуникация зависит от понимания собеседниками прагматики высказываний и, соответственно, выявления предполагаемого смысла. Различия в культурных нормах заставляют коммуникантов прибегать к использованию разных языковых средств и разных стратегий вежливости в идентичных ситуациях общения. В статье представлены результаты сравнительного анализа способов выражения реализации речевого акта просьбы, используемых алжирскими и российскими студентами и преподавателями в процессе общения в университетской аудитории. Для сбора данных был использован метод письменного завершения дискурса, в рамках которого 148 респондентам (53 русским и 95 алжирским участникам) были предложены три различные ситуации. Полученные результаты доказывают, что вежливость не обязательно предполагает замаскированную просьбу, а прямая просьба не всегда подразумевает невежливость. В исследовании содержатся новые данные о влиянии социокультурных факторов на использование прямых и замаскированных просьб. Статья вносит вклад в изучение прагматики межкультурной коммуникации и дискурса общения в учебной аудитории.

Ключевые слова: алжирский язык, дискурс общения в учебной аудитории, вежливость, русский язык, речевой акт просьбы, импозитивность.

1. Introduction

According to J. L Austin's [1962] Speech Act Theory, words describe the world, present information, and carry out actions such as requesting, apologising, inviting, thanking, refusing, etc. Searle [1969] later developed this theory and claimed that different speech acts, such as invitations,

commands, apologies or requests, are determined by specific rules that govern the participants' interaction.

The rapid development of speech act theory and politeness theory (PT) has attracted attention of many researchers to cross-cultural pragmatics. Their focus was on investigating and comparing how speakers of different languages perform requests differently across cultures [Blum-Kulka et al. 1989; Fukushima 1996, 2002; Liao 1997; Reiter 2000; Pinto, Raschio 2007; Larina 2008; Ogiermann 2009]. However, little is known about cross-cultural pragmatic studies of the Arabic society, particularly Algerian Arabic, which thus needs to be investigated. This study aims to broaden the field of cross-cultural studies, drawing on a comparative analysis of requests in the light of politeness and directness strategies in both Algerian and Russian classroom contexts.

A *request* is a directive speech act intended to make the hearer do something in favour of the speaker. Based on the classification of speech acts suggested by Brown and Levinson [1987], requests are considered face-threatening since the hearer's face can be threatened by imposition. Therefore, to lessen the face-threatening in interactions, direct and indirect request strategies are adopted considering different social variables of power, distance, rank of imposition, and cultural conventions.

Indirect requests were related to politeness by Brown and Levinson [1978, 1987], Leech [1983], and Searle [1975]. According to Brown and Levinson's [1978] PT, being conventionally indirect is one of the politeness strategies that they suggested, using "phrases and sentences that have contextually unambiguous meanings which are different from their literal meanings" [Brown, Levinson 1978: 137]. In other words, a conventionally indirect request seems more polite when compounded with hedges and particles. Drawing on Grice's Cooperative Principle [1975], Brown and Levinson suggested that the performance of a face-threatening act is based on three levels of directness, including off-record strategies with interest to face redress, which distract from Grice's maxims. On the other hand, adopting the on-record strategies complies with Grice's maxims since they guarantee clarity and politeness when performing speech acts; the on-record strategies can be the best choice with redressive action [Brown, Levinson 1987: 72].

Moreover, Brown and Levinson [1987] and Leech [1983] stated that politeness is a general social phenomenon, and cultures are internally homogenous. In other words, the levels of directness are universal in all cultures and languages where politeness is necessarily correlated with indirectness, and any clarity or directness is considered a threat and imposition on the hearer's face. Brown and Levinson's theory was criticised for this claim because clarity and directness are appreciated in some cultures, while indirect requests make the speaker seem manipulative [Pinker 2007: 442]. Thus, despite the universal nature of the request speech act, its performance varies within and across cultures and might not be appropriate to all cultures as far as the level of requests' directness is concerned. In reaction to Brown and Levinson's claim, many researchers, such as Blum-Kulka, House, and Kasper [1989], Eva Ogiemann [2009], and Larina [2008], conducted comparative studies of request realisation in different languages such as British English, Australian English, German, Polish, Danish, Hebrew, Spanish, Canadian French, and Russian, respectively. According to them, requestive strategies can be classified into three main groups from the most to the least direct, including direct (impositives), conventional indirect, and non-conventional indirect. Although most of the conducted studies support Brown and Levinson's classification of directness levels into direct, conventionally indirect, and non-conventional indirect, most of them pursue Blum-Kulka's framework [1989], which proposed nine sub-strategies of requests that were extended later by other researchers into 18 types of requests [Aijmer 1996: 132–133]. Although these strategies were classified from the least to the most direct [Blum-Kulka et al. 1989: 18], politeness and indirectness were not correlated.

Blum-Kulka [1989] states that indirectness does not necessarily imply politeness in all cultures. She maintains Brown and Levinson's claim that there is a link between politeness and conventional indirectness; however, this is not true for non-conventional indirectness (Brown and Levinson's 'off-record' strategy).

Although many researchers have investigated the speech act of request in many languages and cultures, no studies have been made to compare the cultural features of Algerian Arabic and Russian requests.

Therefore, this study explores the request strategies made by Algerian speakers in a classroom context compared to their Russian counterparts based on the following research questions:

- What are the request strategies made in Algerian and Russian classrooms?
- How do cultural and societal norms shape the speakers' choice of specific request strategies in the classroom among Algerian and Russian native speakers?
- To what extent do social variables of power, distance, and weight imposition affect the speakers' choice of request strategies in both investigated groups?

2. Theoretical Framework

In all cultures and languages, politeness reflects elements of the appropriate use of language with respect and consideration of others across different situations. Generally, politeness hinged on the idea of the face, defined by [Goffman 1967: 5] as “the public self-image that every member wants to claim for herself or himself”. Goffman proposed that interaction with others can lead to a person's positive face loss or mitigation.

Drawing on Goffman's theoretical positions, Brown and Levinson [1987: 61] developed the “face theory” and assumed that the person's self-image is constituted of two aspects of the face:

- A negative face is the inclination of a human being to have a particular territory and a zone to stay far from other impositions because of his property.
- A positive face deals with the person's self-image, and nobody wants to be touched.

They assumed that interaction might involve acts that can threaten either the positive or negative face, called ‘Face Threatening’ (FTAs), like ordering, disagreement, requesting, expressing exaggerated emotions, etc.

The concept of face has gained a universal nature, and it directly relates to the idea of (im)politeness since all theories of first- or second-order politeness are interested in and connected with the face. In (im)politeness research [Watts et al. 1992; Eelen 2001], two levels of politeness have been developed into first-order politeness (Politeness 1) that refers to individuals' acts "deemed to be socially and culturally appropriate in any given social activity" [Watts et al. 1992: 48]. On the other hand, second-order politeness (Politeness 2) is labeled as a 'theoretical construct' uncoupled from 'praxis and being' [Watts 2003]. Many other works were concerned with second-order politeness, such as the work of Lakoff [1973: 298], who suggested that politeness requires language users to "be friendly, make others feel good, give options, don't impose". Similarly, Leech [1983: 108] has mainly focused on "indirectness" because it makes the illocutions more polite. Another influential work related to "Politeness 2" is the above-mentioned book of Brown and Levinson [1987], in which the authors focused on the concepts of the face, face-threatening acts, and mitigation strategies.

However, the long-held association of speech acts with second-order politeness has been criticised by other researchers such as House and Kádár [2023], whose approach proposes to study speech acts and other pragmatic notions like politeness in the process of interaction, which makes it possible to show the illocutionary dynamics. Their approach is an in-between framework that bounds first and second-order approaches.

Based on the classification of speech acts suggested by Brown and Levinson [1987], requests are considered face-threatening acts since the hearer's face can be threatened (by imposing on his/her freedom). Requests can be achieved directly and thus threaten the face or by adopting any strategy proposed by Brown and Levinson to lessen the threat. So, it is only by politeness that face-threatening is lessened.

Thus, Brown and Levinson suggested the "face-saving approach" that helps people to lessen the threat [Brown, Levinson 1978: 68].

Brown and Levinson [1987] suggested that in any culture, one can employ five types of politeness strategies: baldly on record, off-record, positive politeness, negative politeness, and do not do the (FTA) strategies. Moreover, Brown and Levinson [1978: 79] identified three social

variables: social distance, social power, and the ranking of imposition that determine the choice of request strategies.

As mentioned above, requests are considered face-threatening acts that require politeness to mitigate the person's face. Therefore, requests from the most direct to the most indirect ones result from the socio-cultural factors of power, distance, the rank of imposition, age, sex, etc. Brown and Levinson [1978, 1987] suggested cross-cultural differences in performing the speech act of request; thus, people from different cultures have different choices of the strategies employed in realising speech acts [Wolfson 1989: 183].

However, the work of Brown and Levinson [1987] has been criticised for their overgeneralization of the concept of indirectness to be necessarily equal to politeness which is rejected by many discursive approaches that neglect the existence of polite or impolite utterances. Still, it is a matter of the norm of engagement that decides about (im)politeness. There is no reasonable correlation between indirectness and politeness; an example is presented by Ogiermann [2009: 191], who concludes that Poles and Russians are direct because they want to achieve solidarity, closeness, and affiliation, not because they are impolite.

Also, Brown and Levinson were criticised for the concept of universality, which suggests that interaction systems are based on universal principles. This claim contrasts with cultural differences and neglects any variation between cultures.

Scollon and Scollon [1995, 2001] proposed that factors of power, distance, and weight of imposition deeply affect politeness choices. Depending on the power and distance between interlocutors, they devised three types of politeness. First, when the participants have an unequal distance (+Distance), and no interlocutor has power over the other (-Power); in this case of the deference politeness system, the interlocutors use independent strategies to minimise the risk of face-threatening. The second case is also an egalitarian system of solidarity politeness, in which the speakers do not exert power (-Power) nor social distance (-Distance) among each other. Hierarchy politeness is the third system in which asymmetrical relationships occur between interlocutors who accept that power is distributed unequally and the one with a higher position has power over the lower one. In this situation, speakers employ superordinate and subordinate

strategies. Thus, these three types of politeness systems can explain cultural differences in politeness.

Blum-Kulka et al.'s [1989] coding scheme was used in the present study to classify request strategies according to the levels of directness into the following types: direct, conventionally indirect, and non-conventionally indirect. The request direct strategies include five head acts: mood derivable, hedged performatives, want statements, obligation statements, and explicit performatives. The conventionally indirect strategies differentiate between query preparatory and suggestory formulae, while the non-conventionally indirect acts contain mild and strong hints.

This study uses Scollon and Scollon's [1995, 2001] politeness framework to interpret request strategies, apart from other researchers' views in the field.

3. Previous Studies

In comparative studies of English to other languages such as German, Polish, and Russian, the findings proved that English is less direct than all these languages [Wierzbicka 1985; Rathmayr 1994; Larina 2003; House 2005]. These studies did not give attention to the level of directness in these languages. Ogiermann [2009] proposed that in Slavic cultures, such as Russian and Polish, requests are performed directly since this speech act is not considered a face-threatening act. However, the results of this study proved that a high percentage of Russian participants adopted conventionally indirect strategies. Thus, previous studies held by researchers (e. g., [Berger 1997; Larina 2003; Rathmayr 1994]) claimed that the imperative type most used in performing the requests in Russian culture cannot be confirmed. Ogiermann [2009] added that Poles and Russians preferred syntactic downgrading (negation and tense) in their requests.

Many researchers in politeness studies [Larina 2009; Ogiermann 2009] and conversation studies [Dingemans, Baranova 2016] have concluded that Russians prefer to use imperatives frequently in their communicative acts.

The studies that dealt with comparing Arabic speakers' requests and English native speakers in both cases analysed Arabic dialects

in comparison to English. Little is known about the degree of directness in Arabic requests, and more importantly, there was no comparative study between Russian and Algerian Arabic made for this aim.

Al-Marrani and Sazalie [2010] examined request strategies used by Yemeni male and female Arabic native speakers. The results revealed that when the interaction occurs between males, the requests are performed directly. At the same time, high levels of indirectness are employed when the interaction is between male and female Yemeni speakers.

The directness in male-male interactions is explained by the Yemeni society's cultural norms characterised by solidarity and involvement between males without losing face. On the other hand, in male-female interactions, requests are performed indirectly because of society's religious values.

Another study in an Arabic country was conducted by Alaoui [2011] who investigated the politeness formula employed in the performance of requests in English and Moroccan Arabic. The findings concluded that both participants were concerned about the face, and speakers chose negative politeness strategies in both languages to mitigate the hearer's face. The results also showed that the syntactic downgraders are the most used by the British investigated group in comparison to the Moroccans who employed lexical downgraders, including expressions like "*Allah ykhalik*" or "*Allah y'aychek*" (may God give you long life), to soften the speaker's imposition on the hearer.

Many studies in the field of cross-cultural pragmatics interpreted the impact of socio-cultural features on the realisation of requests. The present work describes a cross-cultural study of the request performance strategies in Russian and Algerian classroom discourse.

4. Design and Methodology

4.1. Sample

Because the main objective of this research is to determine politeness and (in)directness in Algerian and Russian classroom requests, university students are chosen to be the participants to show how requests

are performed in the classroom with their teachers and classmates and to depict how their teachers use them. The informants in this study are two groups of university students: 95 Algerian Arabic native speakers (AANSs) and 53 Russian native speakers (RNSs) from different specialties. The number of the participants is not equal in both groups as the access to Algerian classrooms was easier than Russian ones for the researcher's previous work in the Algerian universities besides her residence in Algeria at the time of data collection.

4.2. Procedure

The research participants are asked to do a discourse completion task (DCT) chosen as the best method to collect speech act data, especially in cross-cultural and cross-language studies [Tran 2006; Labben 2016]. It is the only technique to collect a large amount of comparable speech act data across different languages and cultures allowing the researchers to make generalisations and compare politeness norms in each culture [Ogiermann 2009].

Also, a written DCT facilitates manipulation and control of contextual factors such as social distance, power, status, and weight of imposition [Blum et al. 1989; Kwon 2004; Tran 2006]. However, DCT has encountered criticisms concerning its inadequacy in rendering authentic speech since it can only cover some formulas produced in a natural interaction [Tran 2006]. Even though DCT gained many criticisms, it is still the best method to collect data when the focus is on collecting speech act data, since the occurrence of the act cannot be revealed by other tools, including role plays or natural speech recordings [Kwon 2004: 342].

In this investigation, this type of questionnaire is organised in the following way: *Section One* deals with participants' information, whereas the second section includes three main cases of classroom interaction, each of which is described in terms of the social power of the interactants, the social distance between them and the ranking of imposition of the speech act. Moreover, each case contains a different request situation, i.e. where students and teachers performed their requests.

The DCT questionnaire was written in English and translated into Arabic and Russian.

Table 1. Different considerations of social variables across three situations of request

<i>Cases</i>	<i>Situations</i>	<i>Social Power</i>	<i>Social distance</i>	<i>The degree of imposition</i>
<i>Student-teacher interaction</i>	Request for repetition	$S < H (-P)$	Equal (=D)	Moderate (R^o)
<i>Teacher-student interaction</i>	Request to repeat the answer	$S > H (+P)$	Equal (=D)	Moderate (R^o)
<i>Student-student interaction</i>	Request to borrow a pen	$S = H (=P)$	Equal (=D)	(-R)

S= speaker, H= hearer, P= social power, D= social distance, R= rank of imposition

4.3. Data Analysis

The coding scheme of Blum-Kulka et al. [1989] is used to analyse the requesting strategies performed by the two investigated groups. Thus, this research analysis is based on the degree of directness of the specific head act. Blum-Kulka [1989] defined ‘head act’ as “the minimal unit that can realise a request”, and they related directness to “the degree to which the speaker’s illocutionary intent is apparent from the locution”.

The directness/indirectness dimension determines the study’s three levels of directness, which will be discussed to differentiate between impositives (direct level) using imperatives, conventionally indirect, and non-conventionally indirect levels.

Thus, the present study aims to compare both groups’ preferences for the direct or indirect performance of the head act. The data are categorised using the coding scheme of [Blum-Kulka et al. 1989].

5. Results and Discussion

Table 2. Percentages of request strategies adopted across three situations of classroom request

Target request	Strategy type	Algerian Arabic (%)	Russian (%)
S1 student's request to the teacher to repeat	I	14 %	15 %
	CI	70 %	85 %
	N-CI	16 %	0 %
S2 teacher's request to a student to repeat his answer	I	80 %	82 %
	CI	12 %	14 %
	N-CI	8 %	4 %
S3 student-student request to borrow a pen	I	58 %	33 %
	CI	26 %	48 %
	N-CI	16 %	19 %

I= impositives, CI= conventional indirectness, N-CI= non-conventional indirectness.

5.1. Impositives

Figure 1: Comparison of impositives used by Algerian and Russian students across three different situations.

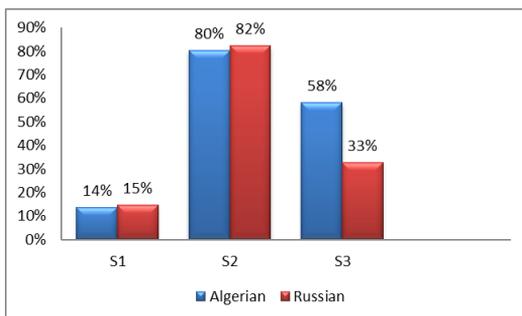

Figure 1. The use of impositives by Russians and Algerians

Figure 1 shows that RNSs use more direct requests than their Algerian counterparts in situations one and two. In situation one (a student requested his teacher to repeat what he had already said), the percentage was approximately the same between the two investigated groups. Still, it was not a high percentage like in the second situation (82 % Russians, 80 % Algerians) because, in the first situation, the request is performed from low to high (student-teacher). In contrast, in the second situation, teachers requested their students (high to low) where the speaker has power over the hearer.

Russian and Algerian students, in this case of impositives, preferred to use imperatives constructions as:

- (1) *Повторите, пожалуйста.*
'Repeat, please'.
- (2) من فضلك عاود واش قلت
'Please, repeat what you have already said'.
- (3) *Повторите, пожалуйста, свой ответ.*
'Repeat please your answer'.
- (4) عاودي الجملة
'Repeat the sentence'.

In the third situation, Algerian students were more direct in performing requests to their classmates to borrow a pen. 58 % of Algerian students asked their classmates for an extra pen directly (low to low), and only 33 % of Russians used imperatives in their requests. In this situation, the S and H are equal, and the relationship is closer.

The obtained results revealed that direct requests are adopted by both groups when the speaker has more power over the hearer or if they have a close relationship as classmates, especially in the Algerian culture where small favours (borrowing a pen) do not require high levels of indirectness. In situation 1, because the speaker is less powerful than the hearer (student-teacher), both AANSs and RNSs were less direct than in other situations of request.

These findings can be explained by the hierarchy system suggested by Scollon and Scollon [1995, 2001]. They suggested that when the

speaker has a superordinate status and the hearer has a subordinate status, the speaker can exercise power over the hearer and, thus, be direct in his requests and choose direct politeness strategies without the fear of threatening the hearer's negative face.

5.2. Conventional Indirectness Strategies

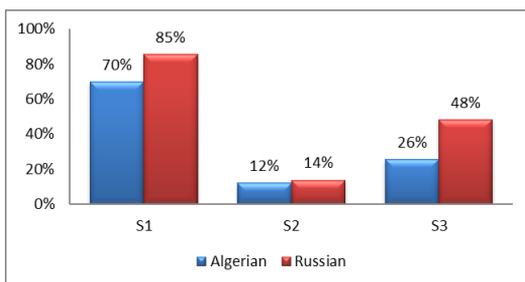

Figure 2. Russian and Algerian use of conventional indirectness

Figure 2 shows a cross-cultural agreement between AANSs and RNSs in the use of indirect requests in S2 when the request is made by teachers to their students to repeat their answers with almost similar percentage: 12% of Algerian teachers preferred to be indirect and 14% in Russian ones. In this situation, the percentage is almost similar but low because the request is achieved from high to low (teacher-student interaction).

Situation 1 involves the students' requests to their teachers to repeat what they have said with a high percentage of similar choice in both languages: 70% of AANSs and 85% of RNSs opted for indirect requests. In the third situation, 26% of Algerian students employed indirect requests with their classmates in contrast to the Russian students where, surprisingly, 48% of the respondents opted for this strategy. In Situation 1, the requester's position was lower than that of the requestee (-Power), which explains why indirect requests were employed in both cultures to mitigate the face and avoid impeding the latter's zone of freedom.

To perform the requests indirectly, Russian and Algerian students opted for interrogative constructions using modal verbs and conditional

or complex constructions as consultative devices performed in the following examples:

- (5) *Не могли бы вы повторить?*
'Could you repeat?'
- (6) *Можете, пожалуйста, повторить?*
'Can you repeat, please?'
- (7) *Извини, не могла бы ты одолжить свою запасную ручку, пожалуйста?*
'Sorry, couldn't you lend me your extra pen?'
- (8) *من فضلك، تقدر تعاود واش قلت هذا وين*
'Please, can you repeat what you have said right now?'
- (9) *تقدر تعاود اجابتك من فضلك*
'Can you repeat your answer, please?'
- (10) *تقدر نسلف منك قلم*
'Can I borrow your pen?'

Both AANSs and RNSs used indirect requests to address their teachers in Situation two, since their position was lower than that of the hearer (-Power). In such a situation, Scollon and Scollon's [1995, 2001] politeness framework can be utilised to interpret the hierarchical system regarding the speakers' ability to use independent strategy to free themselves from the dominance of social values and the imposition of others.

As opposed to what was expected, the Russians in Situation 3 did not opt for direct strategies; they used them in a low percentage and preferred to adopt indirect strategies to request their classmates for a pen; however, the weight of imposition was small. On the other hand, the Algerian students tended to use more direct strategies than their Russian counterparts. The minor imposition weighed in a small favour, such as requesting a pen from a classmate. It encouraged the use of more imperatives, since small favours in Algerian society do not usually necessitate asking for them in indirect ways.

5.3. Non-Conventional Indirect Strategies

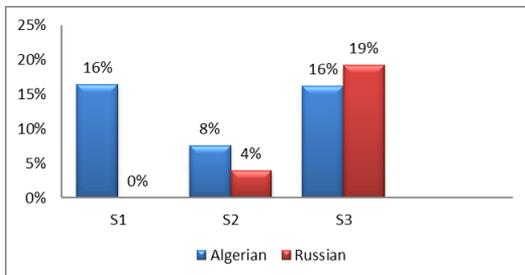

Figure 3. Non-conventional indirect strategies used by AANSs and RNSs

The results obtained from Situations 1 and 2 showed that NCI (hints) use was lower in the Russian than in the Algerian requests. 16 % of the students used Non-Conventional Indirect (NCI) requests with teachers in the Algerian classroom, while no one in the Russian classroom preferred this strategy in requests from student to teacher. Similarly, in Situation 2, Algerian teachers used NCI strategies with a higher percentage (8 %) compared to their Russian counterparts (only 4 %). However, in Situation 3, 19 % of RNSs preferred non-conventionally indirect strategies to request their classmates for a pen, while only 16 % of AANSs employed this strategy.

Considering the impact of the social variables of power, distance, and weight of imposition, the NCI strategies were the most preferred ones by AANSs in Situations 1 and 2. In Situation 1, students used to minimise face-threatening by adopting context-embedded meaning and hints such as:

- (11) ماسمعتش
'I did not hear'.
- (12) واش قصدك؟
'What do you mean?'

- (13) *Ещё раз?*
‘Again?’
- (14) *У тебя есть запасная ручка?*
‘Do you have an extra pen?’
- (15) *عندك ستيلو زايد؟*
‘Do you have an extra pen?’

This tendency in the Arab students’ requests with teachers is explained by Al-Ali and Alawaneh [2010: 327–328], who related the teachers’ higher position in the Arab world (given their superior academic knowledge) to the student’s obligation to respect this asymmetrical teacher-student relationship and perform requests indirectly, by using hints.

Situation 3 results were surprising, since RNSs employed NCI strategies more often than AANSs. The impact of the rate of imposition was less in the Algerian culture when the request was performed between classmates.

The NCI is used when the variables of power and distance between the interlocutors are not equal, with a high rate of imposition also playing a role.

6. Conclusion

The present study is a cross-cultural comparative analysis of the level of directness in requests and its relation to politeness in Algerian and Russian classroom discourse. The results show that Russian students used conventional indirectness more often than Algerians to request their classmates. Similarly, the conventional indirect requests were adopted by Russians when requesting their teachers. These results do not confirm the findings of previous studies that direct strategies or impositives are the most frequent strategies in Russian requests (e. g., [Berger 1997; Brehmer 2000; Larina 2003; Rathmayr 1994]). On the other hand, the most frequent use of imperative constructions by Algerians and Russians was in Situation 2 where the request goes from teacher to student. Direct requests are the most used ones since, among Russians, they are

considered natural and quite polite. e.g., *читайте, пожалуйста* (read, please), *напишите, пожалуйста* (write, please).

Similarly, Algerian teachers employed direct requests but for a different reason — direct requests are preferred when the superiors are the requesters, and the inferiors are the requestees (teacher-student). On the contrary, students were conventionally indirect when requesting teachers who have a high status in the country because of social and religious norms that consider teachers as prophets.

This study's results contrast Brown and Levinson's [1978, 1987] and Leech's [1983] theories that relate politeness to indirectness. The present research demonstrates that directness is not necessarily a sign of impoliteness, as this is determined by cultural values and religious norms.

The present study endeavoured to undertake a cross-cultural comparison by examining the degree of directness in requests within classroom interactions in Algerian and Russian contexts. The potential shortcomings of the work that need to be addressed are related to the study instrument and the generalisation of results.

The analysed data were obtained from the DCT, a data collection instrument for eliciting speech acts of request. Although it is probably the most widely used data-gathering method in cross-cultural pragmatics as it allows the collection of large amounts of data in a limited amount of time, it could be considered a certain weakness of the study because, even if the information gathered through the DCT proved highly effective for making comparisons, it is still considered a non-authentic tool and does not reveal the complexity of human interactions. Therefore, answers from a corpus of naturally and spontaneously occurring data with audio recordings could yield better results. The collected written expressions of speech reflect individuals' perceptions of what was or should have been said [Kecskes 2014; Ogiermann 2009a].

Another limitation is that the current study's findings should not be overgeneralised — they are not applicable to all social groups in Russia and Algeria, let alone all cultures worldwide. Nonetheless, the obtained results reveal some important tendencies that should be checked in different settings, as the main ideas and the observed process provide direction for further research [Dörnyei 2007: 59].

Appendix 1

استبيان

سأكون شاكرة لكم إن قبلتم أن تمنحوا لي بضع دقائق من وقتكم للإجابة عن هذا الاستبيان الذي يهدف إلى جمع معلومات عن أنماط الطلب في الخطاب في القسم الجزائري. ملاحظة: ليس هذا الاستبيان اختباراً من أي نوع فسلوكمم اللغوي هو كل ما يهم وإجابتم ستساعد كثيراً في إتمام بحثي

في المكان المناسب في ما يلي: X يرجي ملء الفراغات أو وضع

*العمر: _____ الجنس: مذكر: _____ مؤنث _____

* _____ الجنسية: جزائرية: _____ أخرى _____

* _____ : الجامعة

* _____ : المهنة

من فضلك أجب الآن على الأسئلة بالطريقة التي تبدو لك طبيعية أكثر في هذه المواقف؟ أسئلة الاستبيان:

* الحالة الأولى: التفاعل بين الطالب والأستاذ

الموقف الأول:

ما سمعتش واش قال الأستاذ وحاب تطلب منه/ها يعاود. واش تقول؟

.....

.....

الحالة الثانية: التفاعل بين الأستاذ والطالب

الموقف الثاني:

الاستاذة/حابتك/ حابتك تعاود/ي اجابتك. واش يقول/ تقول؟

.....

.....

الحالة الثالثة: التفاعل بين الطالب والطالب

الموقف الثالث:

تكسرك قلمك وحاب تطلب من زميلك أو زميلت يسلفوك القلم على دقيقة.

واش تقول؟

.....

.....

Appendix 2

Анкета

Я была бы признательна, если бы вы уделите мне несколько минут вашего времени, чтобы ответить на вопросы анкеты, нацеленной на сбор материала о русском учебном дискурсе. Ваши ответы очень помогут мне в моем исследовании.

Ниже заполните, пожалуйста, пробелы или поставьте X.

- Возраст: _____ Пол: М: ___ Ж: ___
- Национальность: русский _____ Другое _____
- Университет _____
- Специальность: _____
- Курс: _____

Не могли бы вы теперь ответить на нижеследующие вопросы так, как вам кажется наиболее естественным в подобных ситуациях? Говорите сколько сочтете нужным.

I. Взаимодействие студента и преподавателя

Ситуация 1. Вы не слышали, что сказал преподаватель. Вы хотите попросить ее /его повторить. Что бы вы сказали?

.....
.....

II. Взаимодействие преподавателя и студента

Ситуация 2. Преподаватель хочет, чтобы вы повторили свой ответ. Что бы он / она сказал/а?

.....
.....

III. Взаимодействие студента со студентом

Ситуация 3. У вас сломалась ручка. Вы хотите попросить у своего одноклассника ручку на некоторое время. Что бы вы сказали?

.....
.....

Спасибо за вашу помощь!

References

- Aijmer 1996 — K. Aijmer. *Conversational Routines in English: Convention and Creativity*. London: Longman, 1996.
- Al-Ali, Alawneh 2010 — M. Al-Ali, R. Alawneh. Linguistic mitigating devices in American and Jordanian students' requests. *Intercultural Pragmatics*. 2010. Vol. 7. No. 2. P. 311–339. DOI: 10.1515/iprg.2010.014.
- Alaoui 2011 — S. M. Alaoui. Politeness Principle: A Comparative Study of English and Moroccan Arabic Requests, Offers and Thanks. *European Journal of Social Sciences*. 2011. Vol. 20. No. 1. P. 7–15.
- Al-Marrani, Sazalie 2010 — Y. M. A. Al-Marrani, A. Sazalie. Polite Request Strategies by Male Speakers of Yemeni Arabic in Male-Male Interaction and Male-Female Interaction. *The International Journal of Language Society and Culture*. 2010. Vol. 30. No. 30. P. 63–80.
- Austin 1962 — J. L. Austin. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Baranova, Dingemanse 2016 — J. Baranova, M. Dingemanse. Reasons for requests. *Discourse Studies*. 2016. Vol. 18. No. 6. P. 641–675. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26377696> (accessed on 20.08.2024).
- Berger 1997 — T. Berger. Alte und neue Formen der Höflichkeit im Russischen eine korpusbasierte Untersuchung höflicher Direktiva und Kommissiva [Old and new forms of politeness in Russian a corpus-based investigation of polite directives and commissives]. P. Kosta, E. Mann (eds.). *Slavistische Linguistik 1996*. München: Otto Sagner, 1997.
- Blum-Kulka et al. 1989 — S. Blum-Kulka, J. House, G. Kasper. *Cross Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Norwood, NJ: Alex, 1989.
- Brown, Levinson 1978 — P. Brown, S. C. Levinson. *Universals in Language Usage: Politeness Phenomena*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1978.
- Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. C. Levinson. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. DOI: 10.17323/2411-7390-2018-4-3-18-33 29-59.
- Dörnyei 2007 — Z. Dörnyei. *Research methods in applied linguistics. Quantitative, qualitative and mixed methodologies*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Eelen 2001 — G. Eelen. *A critique of politeness theories*. Manchester: St. Jerome, 2001.
- Fukushima 1996 — S. Fukushima. Requests Strategies in British English and Japanese. *Language Sciences*. 1996. Vol. 18. P. 671–688. DOI: 10.1016/S0388-0001(96)00041-1.

- Fukushima 2000 — S. Fukushima. *Requests and Culture: Politeness in British English and Japanese*. Lausanne, Suisse: Peter Lang Verlag, 2000.
- Goffman 1967 — E. Goffman. *Interaction ritual: Essays in face-to-face behavior*. New York: Anchor, 1967.
- Grice 1975 — H. P. Grice. Logic and Conversation. P. Cole, J. L. Morgan (eds.). *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58. DOI: 10.1163/9789004368811_003.
- Hassall 1999 — T. Hassall. Request strategies in Indonesian. *Pragmatics*. 1999. Vol. 9. No. 4. P. 586–606. DOI: 10.1075/prag.9.4.02has.
- House 2005 — J. House. Politeness in Germany: Politeness in Germany? L. Hickey, M. Stewart (eds.). *Politeness in Europe*. Bristol; Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2005. DOI: 10.21832/9781853597398-003.
- House, Kådär 2023 — J. House, D. Z. Kådär. A new critique of the binary first-and second-order distinction in politeness research. *Journal of Pragmatics*. 2023. Vol. 213. P. 145–158. DOI: 10.1016/j.pragma.2023.06.001.
- Kasper 2000 — G. Kasper. Data collection in pragmatic research. H. Spencer Oathey (ed.). *Culturally Speaking: Managing Rapport through Talk across Cultures*. London: Continuum, 2000. P. 316–341.
- Kecskes 2014 — I. Kecskes. *Intercultural pragmatics*. New York: Oxford University Press, 2014.
- Kwon 2004 — J. Kwon. Expressing refusals in Korean and American English. *Multilingua*. 2004. Vol. 23. No. 4. P. 339–364. DOI: 10.1515/mult.2004.23.4.339.
- Labben 2016 — A. Labben. Reconsidering the development of the discourse completion test in interlanguage pragmatics. *Pragmatics*. 2016. Vol. 26. P. 69–91.
- Larina 2008 — T. Larina. Directness, imposition and politeness in English and Russian. *Cambridge ESOL: Research Notes*. 2008. Iss. 33. P. 33–37. Available at: <https://www.cambridgeenglish.org/Images/23152-research-notes-33.pdf> (accessed on 20.08.2024).
- Larina 2009 — T. Larina. *Kategoriya veshlivosti y stil kommunikatsiyi: sopostavleniye angliyskikh y russkikh lingvokulturnikh traditsiy* [Politeness and communicative styles: Comparative analysis of English and Russian language and culture traditions]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2009.
- Larina 2015 — T. Larina. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 195–215. DOI: 10.1163/18773109-00702003.
- Larina et al. 2017 — T. Larina, A. Mustajoki, E. Protassova. Dimensions of Russian culture and mind. K. Lehtisaari, A. Mustajoki (eds.). *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. (Studies in Contemporary Russia). New York: Routledge, 2017. P. 7–19.

- Leech 1983 — G. Leech. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983.
- Leech, Larina 2014 — G. Leech, T. Larina. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*. 2014. No. 4. P. 9–34.
- Liao 1997 — C. C. Liao. *Comparing Directives: American English, Mandarin, and Taiwanese English*. Taipei: Crane, 1997.
- Ogiermann 2009a — E. Ogiermann. *On apologising in negative and positive politeness cultures*. Amsterdam: John Benjamins, 2009. DOI: 10.1075/pbns.191.
- Ogiermann 2009b — E. Ogiermann. Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests. *Journal of Politeness Research*. 2009. Vol. 5. No. 2. P. 189–216. DOI: 10.1515/JPLR.2009.01.
- Ogiermann 2015 — E. Ogiermann. Object requests: Rights and obligations surrounding object possession and object transfer. *Journal of Pragmatics*. 2015. Vol. 82. P. 1–4. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.04.001.
- Olshtain, Blum-Kulka 1984 — E. Olshtain, S. Blum-Kulka. Requests and Apologies: A cross-cultural study of speech act realisation patterns. *Applied Linguistics*. 1984. Vol. 5. No. 3. P. 196–213. DOI: 10.1093/applin/5.3.196.
- Pinker 2007 — S. Pinker. The evolutionary social psychology of off record indirect speech acts. *Intercultural Pragmatics*. 2007. Vol. 4. No. 4. P. 437461. DOI: 10.1515/IP.2007.023.
- Pinto, Raschio 2007 — D. Pinto, R. Raschio. A comparative study of requests in heritage speaker Spanish, L1 Spanish, and L1 English. *International Journal of Bilingualism*. 2007. Vol. 11. No. 2. P. 135–155. DOI: 10.1177/13670069070110020101.
- Rathmayr 1994 — R. Rathmayr. Pragmatische und sprachlich konzeptualisierte Charakteristika russischer direkter Sprechakte [Pragmatic and linguistic conceptualized features of the Russian directive languages]. H. R. Mehlig (ed.). *Slavistische Beiträge*. München: Verlag Otto Sagner, 1994. P. 251–278.
- Rathmayr 1999 — R. Rathmayr. Métadiscours et réalité linguistique: l'exemple de la politesse russe. *Pragmatics*. 1999. Vol. 9. No. 1. P. 75–95. DOI: 10.1075/prag.9.1.06rat.
- Reiter 2000 — R. M. Reiter. *Linguistic politeness in Britain and Uruguay: Contrastive study of requests and apologies*. Amsterdam, the Netherlands; Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company, 2000.
- Sattar et al. 2009 — H. Q. A. Sattar, S. che lah, R. Rozina. Iraqi postgraduates' production and perception of requests: A pilot study. *The International Journal of Language Society and Culture*. 2009. Vol. 29. P. 56–70.
- Scollon, Scollon 1995 — R. Scollon, S. Scollon. *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. Oxford: Basil Blackwell, 1995.
- Scollon, Scollon 2001 — R. Scollon, S. Scollon. *Intercultural Communication: A Discourse Approach* (2nd ed.). Malden, MA: Blackwell, 2001.

- Searle 1969 — J. R. Searle. *Speech Act*. London: Cambridge University Press, 1969. DOI: 10.1017/CBO9781139173438.
- Searle 1975 — J. R. Searle. Indirect speech acts. P. Cole, J. L. Morgan (eds.). *Syntax and Semantics 3: Speech acts*. New York: Academic Press, 1975. P. 59–82. DOI: 10.1163/9789004368811_004.
- Tran 2006 — G. Q. Tran. The naturalised role-play: An innovative methodology in cross-cultural and interlanguage pragmatics research. *Reflections on English Language Teaching*. 2006. Vol. 5. No. 2. P. 1–24. DOI: 10.1177/1461445616667154.
- Watts 2003 — R. J. Watts. *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511615184.
- Watts et al. 1992 — R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Introduction. R. Watts, S. Ide, K. Ehlich (eds.). *Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1992. P. 1–18. DOI: 10.1515/9783110886542-003.
- Wierzbicka 1985 — A. Wierzbicka. Different cultures, different languages, different speech acts. Polish vs. English. *Journal of Pragmatics*. 1985. Vol. 9. P. 145–178. DOI: 10.1016/0378-2166(85)90023-2.
- Wierzbicka 2002 — A. Wierzbicka. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. *Ethos*. 2002. Vol. 30. No. 4. P. 401–432. DOI: 10.1525/eth.2002.30.4.401.
- Wierzbicka 2003 — A. Wierzbicka. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction* (2nd ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. DOI: 10.1515/9783110220964.
- Wolfson 1989 — N. Wolfson. *Perspectives, Sociolinguistics and TESOL*. Boston: Hemle & Heinle, 1989.

Получено / received 7.11.2023

Принято / accepted 3.07.2024

Рецензия на книгу: Mari Wiklund. *Speech and Interaction of Preadolescents with Autism Spectrum Disorder: Focus on Prosody, Disfluencies and Comprehension Problems.* Singapore: Springer, 2023

Д. М. Колядов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
dkoliadov@gmail.com; ORCID 0000-0002-2860-5517

Аннотация. Книга посвящена речи детей с расстройством аутистического спектра (РАС). На материале сессий с участием финно- и франкоязычных детей с РАС и терапевтов описываются просодические особенности, нарушения плавности, проблемы взаимопонимания и интеракционные стратегии участников, визуальный контакт. Описание просодии выглядит наиболее интересно и убедительно. Некоторые выводы и утверждения представляются небесспорными и порой не согласующимися с избранной автором конверсационно-аналитической методологией.

Ключевые слова: расстройство аутистического спектра, конверсационный анализ, просодия, понимание, поправка.

Book review: Mari Wiklund. Speech and Interaction of Preadolescents with Autism Spectrum Disorder: Focus on Prosody, Disfluencies and Comprehension Problems. Singapore: Springer, 2023

Dmitriy M. Kolyadov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); dkoliadov@gmail.com; ORCID 0000-0002-2860-5517

Abstract. The book under review is devoted to speech analysis of children with Autism Spectrum Disorder (ASD). The study applies conversation analysis methodology as well as acoustic phonetics and perception tests based on stimuli drawn from naturally occurring data. The research data consists of transcripts of sessions with children and therapists, Finnish and French speakers. The book describes children's prosodic patterns, their speech dysfluencies, gaze behavior, comprehension problems in the dialogues analyzed and interactional strategies of the participants. In the reviewer's opinion, the most interesting and convincing in the book are descriptions of prosodic patterns, while some conclusions and statements appear to be debatable and sometimes inconsistent with the conversation-analysis methodology applied.

Keywords: autism spectrum disorder, conversation analysis, prosody, comprehension, repair.

Книга Мари Виклунд посвящена исследованию взаимодействий, участниками которых были дети в возрасте 11–13 лет с диагнозом расстройство аутистического спектра (РАС). Основным материалом стали видеозаписи двух сессий групповой терапии (каждая сессия длилась около 2 часов), проходивших в клинике на юге Финляндии. Анализировались первые части обеих сессий, в которых происходил обмен новостями и обсуждение на заданную тему — травля в школе (за рамками внимания исследователя остались настольные игры участников после перерыва). В обеих сессиях участвовали два взрослых терапевта, а также три и четыре мальчика с РАС соответственно.

Привлекались и другие материалы: записи разговора контрольной группы нормотипичных финских детей того же возраста и учительницы (эти данные также использовались в психолингвистическом эксперименте, результаты которого представлены в главе 2) и записи групповой терапевтической сессии с участием четырех детей с РАС и двух терапевтов в частной клинике в Швейцарии (с. 7–8).

Основным методом исследования является конверсационный анализ. Этот метод сложился в ходе наблюдений за спонтанными речевыми взаимодействиями, показавших упорядоченность разговора. Суть его состоит в том, что с опорой на эмпирически выявляемые в диалогах закономерности и механизмы (на то, как выстраиваются последовательности реплик и неречевых действий в диалоге, как участники реагируют или не реагируют на реплики друг друга), исследователь интерпретирует прагматику данной реплики или ее составляющих¹. Также при работе с материалом использовался акустический фонетический анализ и психолингвистический эксперимент.

Книга вышла в серии «Prosody, Phonology and Phonetics», но помимо просодии (глава 2) в ней также рассматриваются нарушения плавности речи (*dysfluencies*²; глава 3), проблемы понимания (глава 4), проблемы зрительного контакта (глава 5) и коммуникативные стратегии нормотипичных партнеров (глава 6). Автор стремится не только описать просодию детей с РАС, но и расширить фокус — рассмотрев

¹ Подробнее о конверсационно-аналитическом подходе к исследованию взаимодействия с участием людей с коммуникативными нарушениями можно прочесть в обзорных работах [Antaki, Wilkinson 2012; Wilkinson 2019].

² Под нарушениями плавности автор имеет в виду явления, прерывающие поток речи: разного рода хезитации (паузы, повторы, удлинненные звуки, фальстарты), а также несогласованные синтаксические структуры, грамматические ошибки (в падежах и времени), неоднозначная местоименная референция (с. 56). Отмечу, что рассмотрение грамматических ошибок и референциальной неоднозначности в речи детей с РАС как нарушений плавности выглядит небесспорно. С моей точки зрения, такого рода явления влияют на плавность, только если вызывают самокоррекцию, ради которой говорящий прерывает высказывание. Т. е. плавность нарушает именно исправление, замена неправильной формы на правильную, а не сама по себе неправильная форма.

различные особенности вербального и невербального поведения, вый-ти к проблемам взаимопонимания.

В главе 2 показано, что просодия детей с РАС в финских матери-алах отличается от просодии нормотипичных сверстников из кон-трольной группы. В частности, были выделены такие ее особеннос-ти, как резкие перемены высоты тона, произнесение, напоминающее пение, монотонность. Эти отличия не только обнаруживаются с по-мощью фонетического анализа, но и оказываются заметными для «наивных» носителей финского языка — нормотипичных участни-ков, которые в ходе психолингвистического эксперимента оценивали степень необычности аудиофрагментов речи детей с РАС и нормоти-пичных детей из контрольной группы. Вместе с тем, анализируя ди-алоги, автор приходит к выводу, что просодические особенности су-щественно не влияют на взаимопонимание партнеров в сессиях. Оно, как утверждается в главе 4, нарушается главным образом из-за того, что участники с РАС слишком буквально воспринимают слова парт-нера и слишком резко меняют тему. Так, из 72 поправок, зафиксиро-ванных в финноязычных записях, 33 поправки были связаны с бук-вальным пониманием и 26 поправок — с резкой сменой темы. Также утверждается, что на сбои в коммуникации влияют нарушения бе-глости речи, рассмотренные в главе 3, и нарушения визуального кон-такта, которым посвящена глава 5.

Рецензируемая монография оставляет двойственное впечатле-ние. Так, по словам Мари Виклунд, мысль о написании книги при-шла в связи с ее наблюдением: отсутствует конверсационно-ана-литический научный труд, посвященный спонтанному речевому взаимодействию с участием людей с РАС (с. v). Однако в списке ци-тируемой литературы о людях с РАС, в той или иной мере затраги-вающей лингвистические проблемы, обнаруживаются неожидан-ные лакуны как раз в области конверсационного анализа. Прежде всего нужно назвать монографию [Maynard, Turowetz 2022], по-священную взаимодействию специалистов и детей в ходе диагнос-тики РАС, а также диссертацию и монографию Т. Коркьякангас [Korkiakangas 2011, 2018], посвященные роли взгляда в коммуника-ции с участием людей с РАС. Также можно упомянуть публикации,

в которых рассматривается просодия [Local, Wootton 1995], взгляд [Dickerson et al. 2005; Korkiakangas, Rae 2014; Musket, Body 2013], интеракционные стратегии компетентных партнеров [Stribling, Rae 2010; Rae, Ramey 2020].

Интересным видится описание просодических особенностей, а также идея дополнения разговорного анализа экспериментальными количественными методами. Важным и убедительным представляется вывод о том, что просодия людей с РАС, будучи заметной особенностью их речи, не влияет на взаимопонимание. Вместе с тем возникает вопрос: нужны ли данные психолингвистического эксперимента, чтобы прийти к этому выводу? На взгляд рецензента, в этом случае более последовательным выглядит интервьюирование нормотипичных участников, возможно, совместный просмотр видеозаписи и их комментарии к происходящему. И наоборот, интересно было бы узнать, сказываются ли просодические особенности каким-либо образом во взаимодействиях участников психолингвистического эксперимента с людьми с РАС.

Автор привлекает кросс-культурный материал, но при этом не проводит кросс-культурного сравнения, хотя такое сравнение кажется более чем уместным³. Так, в главе 2, раздел 2.5 обсуждаются просодические особенности в речи финнов. В связи с этим возникает вопрос, каковы просодические паттерны во франкофонной Швейцарии и как на их фоне выглядит просодия детей с РАС из франкофонного корпуса автора. Без такого сравнения обращение к франкоязычному материалу в разделе 6.1.2 выглядит несколько неожиданно.

На взгляд рецензента, основной общий недостаток работы М. Виклунд — отсутствие синтеза. Книга по сути является сборником статей (примерно половина из них написана в соавторстве с коллегами), опубликованных или подготовленных к публикации с 2009 по 2022 гг. Главы и их разделы сопровождаются ссылками на соответствующие тексты. Показательно, что сами главы оформлены как статьи: аннотация, ключевые слова, основной текст,

³ При этом сравнение франкоязычного и финноязычного материала есть в одной из публикаций, на которых основана книга [Wiklund, Vainio 2019].

список литературы. С одной стороны, это сильно облегчает восприятие. С другой стороны, создает ощущение избыточности и некоторого хаоса. В нескольких местах текст повторяется почти дословно (ср. например, с. 30–31 и с. 46; с. 84 и с. 90). Одновременно не всегда сохраняется фокус на теме, усиливается впечатление несвязности. Так, в главе о просодии время от времени возникают рассуждения о теории сознания (см., например, с. 47). В главе 5, где речь идет о направлении взглядов, автор несколько раз уходит в обсуждение интеракционных навыков, со взглядом не связанных: нарративной компетенции и способности корректно интерпретировать неявное значение, выраженное в разговоре комбинацией частиц, просодией и жестами (с. 95, 100–101).

Как кажется, попытка связать разные части книги все-таки присутствует. В качестве сквозной темы можно выделить проблемы взаимопонимания — его нарушений и восстановления. Однако и эта тема не всегда прослеживается. Так, глава 6, посвященная действиям терапевтов, почти никак не касается этих проблем. В каких-то случаях обсуждение отмеченной темы выглядит несколько искусственным. В итоге складывается впечатление, будто единственное, что объединяет главы книги, — материал, анализируя который автор выделяет интересные, но слабо связанные между собой аспекты.

Анализ диалогов порой содержит тонкие наблюдения. Так, при обсуждении примера 6.1 отмечено, что зрительный контакт не поддерживают именно терапевты, а не ребенок с РАС (с. 122). Также автор обращает внимание на повторы слов и просодических рисунков в речи двух терапевтов, указывающие на то, что они действуют как команда (с. 125–126).

Однако есть множество мест, в которых анализ выглядит недостаточным или небесспорным. Какие-то фрагменты взаимодействий просто описываются, как в случае с примером 4.3 и комментарием к нему (с. 90). Порой автор противоречит себе. Так, в главе 3 утверждается, что в примере 3.3 выбор слов, использованное падежное окончание и грамматическая форма высказывания делают речь трудной для понимания, а главная проблема, вызвавшая поправку со стороны партнера, связана с референциальной

неопределенностью (с. 65). Однако в главе 4 автор по поводу того же фрагмента говорит нечто иное: проблема понимания возникла, поскольку не очевидна связь высказывания мальчика с обсуждаемой темой (с. 83).

В каких-то случаях с предложенными интерпретациями трудно согласиться. Я проиллюстрирую это на одном примере из главы 3, раздела 3.1 (с. 63 и далее), посвященного проблемам взаимопонимания. Автор справедливо полагает, что о таких проблемах можно говорить в случаях, когда возникают разного рода уточняющие вопросы к потенциально проблематичной реплике и последующие разъяснения со стороны партнера (такие последовательности, состоящие из проблемной реплики, инициирования коррекции и проявляющейся реплики, в разговорно-аналитической традиции называются поправками — *repair*). В рассматриваемом фрагменте после довольно длинной реплики одного из мальчиков, содержащей большое количество нарушений плавности, терапевт переспрашивает:

sataa luokkaan kuin
'на том же уровне, что и'

Переспрашивая, он повторяет слова мальчика. Переспрос терапевта свидетельствует о непонимании. Но его слова также содержат указание на то, что именно было непонятно. Исходя из этого, вопреки утверждениям автора, проблемой нужно считать не многочисленные запинки и сбои, не местоименную референцию в реплике собеседника (с. 65), но только выражение *sataa luokkaan kuin* ('на том же уровне, что и'). Показательно (это отмечает и автор), что последующее объяснение ребенка также содержит много прерываний и грамматических ошибок, однако они не вызывают сложностей у терапевта (с. 65–66). В связи с этим возникает вопрос: действительно ли нарушения плавности становятся причиной непонимания, а не просто сопутствуют фрагментам диалогов, где есть поправки? Аналогичный вопрос касается роли взгляда. Автор обнаружила, что в записях сессий на финском при поправках в большинстве случаев (84,1 %) отсутствовал зрительный контакт между ребенком с РАС, чья реплика оказывалась проблематичной, и собеседником, который

осуществлял или инициировал поправку (с. 87). Эти данные согласуются с представлением (существующим как в обыденном сознании, так и в научной литературе — ср. [Korkiakangas, Rae 2014: 233–234]), что проблемы со зрительным контактом являются особенностью людей с РАС. Но само по себе отсутствие зрительного контакта не говорит о влиянии на сбой в коммуникации. Для того чтобы установить, так ли это, требуется анализ конкретных эпизодов, где сбой соотносился бы с направлением взглядов участников. Такой анализ, к сожалению, не представлен в работе.

Литература

- Antaki, Wilkinson 2012 — C. Antaki, R. Wilkinson. Conversation Analysis and the Study of Atypical Populations // J. Sidnell, T. Stivers (eds.). *Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Blackwell-Wiley, 2012. P. 533–550. DOI: 10.1002/9781118325001.ch26.
- Dickerson et al. 2005 — P. Dickerson, J. Rae, P. Stribling, K. Dautenhahn, I. Werry. Autistic children’s coordination of gaze and talk: Re-examining the “asocial” autistic // K. Richards, P. Seedhouse (eds.). *Applying conversation analysis*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2005. P. 19–37. DOI: 10.1057/9780230287853_2.
- Korkiakangas 2011 — T. Korkiakangas. *Eye-gaze in Multimodal Interactions involving Children with Autism Spectrum Disorders*. PhD thesis. Roehampton: University of Roehampton, 2011.
- Korkiakangas 2018 — T. Korkiakangas. *Communication, Gaze and Autism: A Multimodal Interaction Perspective*. London: Routledge, 2018. DOI: 10.4324/9781315621852.
- Korkiakangas, Rae 2014 — T. Korkiakangas, J. Rae. The interactional use of eye-gaze in children with autism spectrum disorders // *Interaction Studies*. 2014. Vol. 15. № 2. P. 233–259. DOI: 10.1075/is.15.2.12kor.
- Local, Wootton 1995 — J. Local, A. Wootton. Interactional and phonetic aspects of immediate echolalia in autism: A case study // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 1995. Vol. 9. № 2. P. 155–184. DOI: 10.3109/02699209508985330.
- Maynard, Turowetz 2022 — D. Maynard, J. Turowetz. *Autistic Intelligence: Interaction, Individuality, and the Challenges of Diagnosis*. Chicago: University of Chicago Press, 2022.
- Musket, Body 2013 — T. Musket, R. Body. The case for multimodal analysis of atypical interaction: Questions, answers and gaze in play involving a child with

- autism // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2013. Vol. 27. № 10–11. P. 837–850. DOI: 10.3109/02699206.2013.816780.
- Rae, Ramey 2020 — J. Rae, M. Ramey. Making and Taking Opportunities for Co-participation in an Interaction Between a Boy with Autism Spectrum Disorder and His Father // R. Wilkinson, J. Rae, G. Rasmussen (eds.). *Atypical Interaction: The Impact of Communicative Impairments within Everyday Talk*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 65–92. DOI: 10.1007/978-3-030-28799-3_3.
- Stribling, Rae 2010 — P. Stribling, J. Rae. Interactional analysis of scaffolding in a mathematical task in ASD // H. Gardner, M. Forrester (eds.). *Analysing interactions in childhood*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. P. 185–208.
- Wiklund, Vainio 2019 — M. Wiklund, M. Vainio. Pitch-related features in the speech of Finnish- and French-speaking boys with autism in data coming from group therapy sessions // H. Lenk, J. Härmä, B. Sanromán Vilas, E. Suomela-Härmä (eds.). *Studies in Comparative Pragmatics*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. P. 45–63.
- Wilkinson 2019 — R. Wilkinson. *Atypical Interaction: Conversation Analysis and Communicative Impairments* // *Research on Language and Social Interaction*. 2019. Vol. 52. № 3. P. 281–299. DOI: 10.1080/08351813.2019.1631045.

References

- Antaki, Wilkinson 2012 — C. Antaki, R. Wilkinson. Conversation Analysis and the Study of Atypical Populations. J. Sidnell, T. Stivers (eds.). *Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Blackwell-Wiley, 2012. P. 533–550. DOI: 10.1002/9781118325001.ch26.
- Dickerson et al. 2005 — P. Dickerson, J. Rae, P. Stribling, K. Dautenhahn, I. Werry. Autistic children's coordination of gaze and talk: Re-examining the “asocial” autistic. K. Richards, P. Seedhouse (eds.). *Applying conversation analysis*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2005. P. 19–37. DOI: 10.1057/9780230287853_2.
- Korkiakangas 2011 — T. Korkiakangas. *Eye-gaze in Multimodal Interactions involving Children with Autism Spectrum Disorders*. PhD thesis. Roehampton: University of Roehampton, 2011.
- Korkiakangas 2018 — T. Korkiakangas. *Communication, Gaze and Autism: A Multimodal Interaction Perspective*. London: Routledge, 2018. DOI: 10.4324/9781315621852.
- Korkiakangas, Rae 2014 — T. Korkiakangas, J. Rae. The interactional use of eye-gaze in children with autism spectrum disorders. *Interaction Studies*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 233–259. DOI: 10.1075/is.15.2.12kor.

- Local, Wootton 1995 — J. Local, A. Wootton. Interactional and phonetic aspects of immediate echolalia in autism: A case study. *Clinical Linguistics & Phonetics*. 1995. Vol. 9. No. 2. P. 155–184. DOI: 10.3109/02699209508985330.
- Maynard, Turowetz 2022 — D. Maynard, J. Turowetz. *Autistic Intelligence: Interaction, Individuality, and the Challenges of Diagnosis*. Chicago: University of Chicago Press, 2022.
- Musket, Body 2013 — T. Musket, R. Body. The case for multimodal analysis of atypical interaction: Questions, answers and gaze in play involving a child with autism. *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2013. Vol. 27. No. 10–11. P. 837–850. DOI: 10.3109/02699206.2013.816780.
- Rae, Ramey 2020 — J. Rae, M. Ramey. Making and Taking Opportunities for Co-participation in an Interaction Between a Boy with Autism Spectrum Disorder and His Father. R. Wilkinson, J. Rae, G. Rasmussen (eds.). *Atypical Interaction: The Impact of Communicative Impairments within Everyday Talk*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 65–92. DOI: 10.1007/978-3-030-28799-3_3.
- Stribling, Rae 2010 — P. Stribling, J. Rae. Interactional analysis of scaffolding in a mathematical task in ASD. H. Gardner, M. Forrester (eds.). *Analysing interactions in childhood*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. P. 185–208.
- Wiklund, Vainio 2019 — M. Wiklund, M. Vainio. Pitch-related features in the speech of Finnish- and French-speaking boys with autism in data coming from group therapy sessions. H. Lenk, J. Härmä, B. Sanromán Vilas, E. Suomela-Härmä (eds.). *Studies in Comparative Pragmatics*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. P. 45–63.
- Wilkinson 2019 — R. Wilkinson. Atypical Interaction: Conversation Analysis and Communicative Impairments. *Research on Language and Social Interaction*. 2019. Vol. 52. No. 3. P. 281–299. DOI: 10.1080/08351813.2019.1631045

Получено / received 23.05.2024

Принято / accepted 27.06.2024

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлекгией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлекгией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2024. — Т. 20. Ч. 3. — 252 с.

Подписано к печати 25.12.2024

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 15,75 Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13

9450922@gmail.com

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

